

18+ СЕРЕБРЯНЫЕ ГОРНЫ

Надежда Сайгина

Надежда Сайгина
Серебряные горны

«Издательские решения»

Сайгина Н.

Серебряные горны / Н. Сайгина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592231-1

Лето 1988 года. Тысячи пионерских лагерей разбросаны по всем уголкам доживающего свой век огромного Советского Союза. Ещё звучат по всей стране задорные пионерские песни и миллионы детских рук взлетают в пионерском салюте. А ещё — поют по утрам серебряные пионерские горны, как глашатаи того светлого будущего, которое, казалось бы, уже не за горами...

ISBN 978-5-00-592231-1

© Сайгина Н.
© Издательские решения

Содержание

Работникам пионерских лагерей посвящается	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	51
Глава 8	55
Глава 9	61
Глава 10	68
Глава 11	76
Глава 12	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Серебряные горы

Надежда Сайгина

© Надежда Сайгина, 2023

ISBN 978-5-0059-2231-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серебряные горы

Автор:
Сайгина Надежда Геннадьевна

Тел. 8 (962) 72 686 27
asbsng@mail.ru

Работникам пионерских лагерей посвящается

Часть I

Глава 1

Май 1988 год.

– Да что ж он так долго? – вслух спросила раздражённая Людмила Решетникова, рисуя пальцем на давно не мытом окне замысловатые узоры.

Людмила была очень красива: лицо обрамлено золотисто-каштановыми прядями волос, которые спускались легкими волнами на плечи и спину. На лице выделялись миндалевидные янтарно-карие глаза с длинными пушистыми ресницами. Когда девушка смеялась, её глаза словно искрились, а во время грусти взгляд становился томным и более глубоким. Темные, изящно изогнутые брови и слегка вздернутый нос придавали лицу Людмилы игривое выражение. За полными губами нежно-розового цвета прятались ровные белые зубы. Фигурка у нее была точёной: пышный бюст, крутые бедра, стройные ноги. Можно сказать, что она была совершенна...

Людочка абсолютно не вписывалась в интерьер, в котором сейчас находилась. Стены кабинета председателя профсоюзного комитета завода, были выложены сто лет тому назад полированными деревянными панелями. К массивному письменному столу придвинуты два тяжелых дубовых стула с лоснящимися от времени кожаными сиденьями для посетителей. На столе восседал перекидной календарь на малахитовой подставке. В углу стоял книжный шкаф, битком набитый книгами. Его стеклянные дверцы были затянуты изнутри выгоревшей от солнца материей. В другом углу громоздился огромный сейф. На противоположной стороне стоял небольшой, более современный письменный столик, а над ним висел портрет Генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической Партии Советского Союза Михаила Горбачева. Рядом выделялось огромное темное пятно, наводившее на мысль, что там некогда висело высокохудожественное изображение отца народов. У дверей на круглой деревянной вешалке, висела мужская куртка и женское элегантное бежевое пальто.

Наконец вошел хозяин кабинета – Николай Павлович Сухов, интересный мужчина сорока пяти лет, тщательно следящий за своим внешним видом, амбициозный, хитрый, изворотливый. Он тут же с порога виноватым голосом стал оправдываться:

– Ну не могу я тебя поставить, Люда! Ну как ты не понимаешь?

Людмила резко повернулась к нему, черты её лица исказились, и уже никто не смог бы назвать её красавицей.

– Нет, не понимаю. Ну почему нельзя меня поставить на должность директора? Ты же обещал мне! Чем я хуже этой Маринки?

Мужчина подошел вплотную к красавице, положил ей руки на плечи и, глядя ей в глаза, медленно растягивая слова, произнёс:

– Да потому, что она работу знает, как никто. Столько лет отработала начальником лагеря...

– А я? А я старшей вожатой сколько лет отработала? А, Сухов? Все лучшие годы этому поганому лагерю отдала... И между прочим, я всю работу начальника лагеря знаю. Или ты боишься, что твоя тёща узнает про наши отношения? Так убери её из лагеря! – всё сильнее закипала любовница.

– Люсенька, успокойся! Ну что ты ещё Еву Петровну сюда приплела. Ей Богу! Старая женщина... Куда ж её убрать?! Она мне дома-то поперёк горла стоит. Хоть летом от неё отдыхаю, – попытался загладить скандал Николай Павлович.

Он усадил Людмилу в продавленное кресло, присел перед ней на колени и ласково, виновато заглядывая ей в глазки, стал оглаживать её прелестные покатые плечи. Она оттолкнула его руки и отчаянно выпалила:

– Так, Сухов! Еще раз тебе говорю: или ставишь меня начальником лагеря, или я ищу себе новую работу!

– Ну как ты не понимаешь, Люда, – пытался достучаться до неё Сухов, – тут у меня есть свой интерес! Мне надо на эту должность посадить своего зама – Орлова.

– На какую должность? Начальника лагеря? Да с какого это переполоху? Этого валенка – директором?

– Людочка, милая моя, ну ты, наверное, слышала: приходит скоро новый директор завода... А Орлова рабочие, между прочим, любят... И мне совсем не надо, чтобы меня кто-нибудь подселел. Поняла, моя лапушка?

– Да он же в работе лагеря ничего не понимает! Какой из него к чертям собачьим директор?

– Поэтому я и хочу, чтобы он в первую смену присмотрелся, как в лагере работа налажена. Принюхался ко всем делам. То, сё! Поднабрался опыта у Марины Степановны.

– А сам-то Костя согласен?

– Да в том то и дело, что он об этом ничего не знает! Ну ты понимаешь, что этот разговор сугубо между нами? Баню он там для детей строит. А я ему говорю: мужиков, Костя, в лагере нет! А вдруг что случится? А у нас там детей полно! Ну он и размяк... Ах-ха-ха! Дети для него – святое!

– И что? Из-за этого ты меня места начальника лишаешь? – вновь перешла на крик Людмила.

– Люда, тише! Да успокойся ты! Там в коридоре всё слышно, – пытался увещевать подругу Сухов, – ты же знаешь, какая сплетница наша главбух!

И действительно... За дверью, прислонившись к косяку, ехидно улыбаясь, стояла бухгалтер профкома.

Но Людмиле было всё равно. Раскрасневшись, девушка встала с кресла, и, поставив руки в боки, грудью пошла на Сухова.

– Мне Владика растить надо! Я ему джинсы купить обещала! Гад ты! Сволочуга! Давно пора мне другого мужика найти! От тебя пользы, как от козла – молока!

– Да тебе не я был нужен! Только денюжки мои! А сыночку своему не джинсы бы покупала, а воспитывала бы да смотрела за ним в оба! Вон, недавно, у ларьков на вокзале крутился с пацанами. Неприятные такие личности... Что он там так далеко от дома делал?

– Вообще-то ему скоро шестнадцать! Не маленький!

– Да! Не маленький! И в лагере ему делать уже нечего! Там дети – только до четырнадцати!

– Что-о-о? Ты меня Владиком шантажируешь? Только попробуй не возьми его в лагерь! И я всем глаза на тебя раскрою!

– Люся, ну чего завелась? Да успокойся ты! Старшей вожатой работать тоже хорошо! И свой навар ты с этого всегда имеешь...

– Хорошо?! Да ты хоть знаешь, что это за должность? С утра до вечера как белка в колесе! Встаёшь раньше всех, ложишься последняя! Пожрать не успеваешь! Навар... Масла-то Домна килограмм за смену даст... Или конфет... Так! Милый мой! Или я директор, или я уйду! И ищу себе нового любовника. И посмотрим, где ты себе старшую вожатую найдешь! Всё! Твое слово!

– Хорошо, Люда! Договорились. Достала ты меня. Владика твоего я в лагерь возьму, а ты ищи себе другую работу и... другого любовника!

– Ах, так! Да плевать я на тебя хотела! – плюнула она на пол и добавила. – С высокой колокольни!

Девушка быстрым шагом направилась к выходу, сорвала с вешалки своё пальто и резко открыла дверь. От неожиданности стоявшая по ту сторону главбух отлетела к противоположной стене. Одеваясь на ходу, Людмила Решетникова быстро побежала по коридору, размахивая стильной сумочкой.

– Ой, Милочка Витальевна! А что случилось? – закричала ей вдогонку любопытная бухгалтер. Ответа не последовало, но зато из кабинета прозвучал строгий голос Сухова.

– Ольга Петровна! Зайдите!

– Что случилось, Николай Павлович? Людмила Витальевна вышла такая расстроенная, – залебезила женщина, заходя в кабинет и прикрывая за собой дверь.

– Так! Назначайте совещание по лагерю на послезавтра, на десять! Приглашайте Костю и Чегодаеву! И пусть Марина Степановна найдет эту девчонку. Ну... про которую мы говорили. На должность старшей вожатой.

В младшей группе детского сада тихий час. Руководитель изостудии Надежда Соколова, тридцатилетняя, миловидная, худенькая, похожая на подростка девушка, поправила одеяла у спящих ребятшек и оглядела спальню. В дверь заглянула молодая воспитательница Светлана и, махнув рукой, шепотом пригласила сменщицу обедать.

Девушки уселись за стол и молча стали есть почти остывший суп. По радио передавали новости. Голос диктора бодро вещал на всю страну: «1988 год стал переломным в истории „перестройки“. Михаил Сергеевич Горбачев в своей речи сказал, что „мы пришли к пониманию того, что надо не улучшать, а реформировать систему“. Казалось бы, предприятиям было предоставлено больше экономической самостоятельности, разрешена кооперативная и индивидуальная деятельность, реорганизован управленческий аппарат, введены договорные цены. Но ожидаемого результата не последовало. Почему?»

– Почему, почему? Да потому! Я убавлю звук? – Спросила Светлана и, не дожидаясь ответа, увернула громкость.

Надежда кивнула головой:

– Светик, не знаешь, когда Вера Ивановна выйдет?

Воспитатель пожала плечами и продолжила трапезу.

– Я уже так устала работать в две смены! И на группе, и на изостудии. И муж уже бесится... Да и дети... совсем меня не видят. Забыла сказать, что Машу Ходунову завтра к зубному поведут, к обеду вернётся!

По радио зазвучал гимн Советского Союза. Надежда отложила ложку, встала, одернула платье и приняла позу «смирно». Светлана недоумённо посмотрела на Надежду, но тоже встала. Когда гимн закончился, девушки сели и взяли за ложки. Суп стал совсем холодным.

В группу вошла методист с зажатой под мышкой коробкой и закричала:

– Надежда Геннадьевна! Вчера распределяли талоны на обувь.

– Ч-ч-ч-ч-ч-чи! Людмила Михайловна, дети спят! – зашипела Надежда, показывая рукой на дверь спальни. Методист снизила голос до шепота и продолжала:

– Я за тебя тащила жребий. Вот, держи! Осенние, красивые... С тебя двадцать семь рублей.

Надежда с восторгом раскрыла заветную коробку, но тут же её улыбка угасла. В коробке лежали чёрные лакированные осенние туфли тридцать девятого размера.

– Людмила Михайловна, зачем мне туфли тридцать девятого размера? У меня же тридцать пятый!

– Да? А я не знала. Давай, тогда я себе возьму! У меня как раз тридцать девятый, – обрадовалась женщина.

– Ну, берите! У меня все равно денег нет.

– Ну, спасибо, Наденька! И еще! Личная просьба. Ты не свяжешь моей свекрови шаль? Ну, такую узорчатую, с розочками, как ты Нинке с прачечной связала? У свекрухи юбилей, а что дарить – ума не приложу! Да и берешь ты по-божески... Представляете, девчонки, её вчера в магазине в очереди чуть не задавили. За свиной стояла. Увезли на скорой с сердечным приступом.

– Да, что вы! Ну хоть всё в порядке?

– Да ничего, обошлось. Так что с шалькой-то? – не унималась методист.

– Ладно, свяжу, – согласилась Надя, – пряжу только сами купите, а то, когда я с работы выхожу, уже все магазины закрыты.

– Да, чуть не забыла, Наденька, завтра к десяти часам тебя в профком завода вызывают. Отпросись у заведующей.

– А вы не знаете, зачем? – удивилась девушка.

– Ну, тебе видней, – уже в дверях загадочно пропела Людмила Михайловна.

– Правда, зачем? Странно все это...

В кабинете профкома машиностроительного завода заседали: председатель комитета Николай Павлович Сухов, его заместитель Константин Алексеевич Орлов, приятный на внешность мужчина лет пятидесяти, бухгалтер профкома Ольга Петровна и начальник пионерского лагеря «Дружба», принадлежащего этому заводу, Марина Степановна Чегодаева. Марине Степановне вчера исполнилось тридцать пять, и ей очень хотелось поскорее вернуться домой. Она обещала сыновьям и мужу вместе пойти в кино. Но начальство расхотелось не собиралось.

– Так что, Марина, ты считаешь, что эту девицу можно взять? – в который раз с сомнением в голосе спрашивал председатель профкома.

– Николай Павлович! – отвечала ему начальник лагеря. – Я уверяю вас, что это то, что нам надо. Три года назад я училась с ней на курсах старших вожатых. Лучше неё нет никого! И не каждый может свой лагерь, простите, из грязи до первого места по области поднять и это при директоре-то пьянице. И к тому же, если бы она согласилась занять должность директора, то лагерь «Гагаринец», возможно, и сохранили бы.

– А чего ж она не согласилась?

– Ну, точно не знаю, но там что-то с мужем...

Ольга Петровна заёрзала на стуле и, вытянув шею, заискивающе пропела в глаза председателю:

– Николай Павлович! А может Людмила-то Витальевна-а-а передумает, вернется? А то возьмем кого ни попадя-я-я.

– Да я вам отвечаю, что эта Соколова ста ваших Людмил стоит! – не удержалась Марина Степановна.

Раздался стук в дверь, и в кабинет просунулась светловолосая голова Надежды Соколовой.

– Ой, извините! Здравствуйте! Мне подождать?

– Нет, нет! Заходите! Мы как раз вас ждём! О-о-о! Да это вы? – обрадовался Сухов, увидев знакомое лицо. – Это же вы в этом году ёлку у нас в Доме культуры проводили?

– Да-а! – робко произнесла Надя.

– Молодцы! Нет, ну вы подумайте, всего три человека, а такой праздник детям устроили! А ведь мы вас искали, грамоту вручить хотели. Не знал, что в нашем детском саду такие артистки работают. Ну что, Снегурочка! Хотим предложить вам поработать старшей вожатой

в нашем лагере «Дружба». А вась не растаете... «Гагаринец» -то ваш закрыли. Да-а-а, дела-а, – вздохнул Николай Павлович, – а чего такие таланты в землю зарывать? Вот в последнюю неделю мая отправитесь с Мариной Степановной и Константином Алексеевичем на расконсервацию лагеря.

– Спасибо, Николай Павлович! – смутилась девушка. – Но у меня двое детей и муж... инвалид второй группы.

– Он ведь в вашем лагере музработником был? – опережая вопросы руководства, спросила Марина Степановна.

– Да! Он играет почти на всех музыкальных инструментах. Он правда... очень талантливый! – подтвердила Надежда.

– Ну, вот и порешили. Я его в деле тоже видел! Считаю, что и вожатую нашли, и музработника! – подвел итог совещанию Николай Павлович.

– А подумать можно? До завтра? С мужем посоветоваться, – спросила Надя.

– Можно! До завтра, до десяти утра! – строго сказал Надежде Сухов, и девушка, попрощавшись, ушла.

– Вы тоже, Марина Степановна, свободны. Если Соколова завтра откажется, будем думать дальше. А ты, Константин, останься.

Николай Павлович, не зная, как начать разговор, немного нервничал. Но Константин Алексеевич спросил сам:

– Николай, а я всё-таки не понимаю своей роли в лагере. Кто я там? Плотник? Так мне осталось совсем немного: баню доделать... А потом-то что?

– Да, Костя! Потом ты там останешься. Я хочу, чтобы ты ко всему присматривался, принохивался, приглядывался.

– И за кем мне приглядывать? – недоуменно пожав плечами, посмотрел на товарища Константин.

– За всем, Костя! За всем, что в лагере происходит. Да и без мужика с руками, с головой в лагере нельзя! Сам видишь, одни бабы.

Ольга Петровна поёрзала на стуле и решила, что пора и ей слово вставить:

– Константин Алексеевич, не кипятитесь. Николай Павлович дело говорит. Новый директор на завод приходит. Не сегодня, так завтра грядёт сокращение. И куда мы вас денем? А так – директор лагеря! А может всё еще и обойдётся. Самое главное, чтобы лагерь-то не закрыли... А то продадут с молотка, как «Гагаринец».

– Ну ладно, Костя, – с раздражением промолвил Сухов, – поезжай плотником, доделывай свою баню. Но... присматривайся...

– Не нравится мне всё это, Николай, не нравится!

Вечером, отработав две смены в детском саду, уставшая Надежда с трудом переступила порог квартиры. За ней плелась её шестилетняя толстощекая, кудрявая дочурка Шурочка. Надя по инерции расстегнула дочке пальто и стала раздеваться сама. Шурочка канючила и дергала мать за руку:

– Мам, ну мам! Можно погулять?

– Ну чего ты, в садике не нагулялась? Антон, ты где? – крикнула мать.

В прихожую, припрыгивая на одной ножке, влетел девятилетний сын Надежды, светловолосый, кудрявый, кареглазый, шустрый пацаненок.

– Сына, уроки сделал? – строго спросила мать.

– Мама, какие уроки? Я страдаю!

– Чего это? – сощурился, с подозрением спросила сестренка.

– Спина болит...

- И что со спиной? Простудил, наверно? – отреагировала мать на очередную уловку сына.
- Нет, я так физкультурой сегодня занимался, что у меня все кости перемешались...
- Ну все ясно, опять мама с тобой до ночи уроки делать будет! – разлилась на брата

Шурочка и запустила в него сапожком.

- Папа не приходил? – спросила Надежда сына.
- Не-а!

Надежда прошла на кухню и загремела кастрюльками, доставая их из небольшого холодильника.

- Мама, что у нас сегодня на еду? – решила прояснить Шурочка.

– Макароны или суп с макаронами. На выбор! Спасибо Антону, что вчера такую огромную очередь выстоял. Руки вымыли?

Шурочка сползла со стула и побежала к раковине. Антон потер ладошки о рубашку и похозяйски, взяв деревянную дощечку, стал резать хлеб.

- Мне макароны с песочком... – заказала себе ужин Шура.

– А мне с солёным огурчиком. Мам, я сегодня талоны на мыло отоварил! И очередь занял на тетю Паню, тетю Свету со второго этажа и Киркину маму.

- Молодец! Сынок, а тебе спокойно продукты дают, не говорят, что ты маленький?

– Да ты что, мам! Там все продавщицы – мои подруги! Вчера мне даже без денег макароны дали. Ну я сегодня им отнес... из тех, что ты оставила.

– Мама, а Нинка, которая на кассе сидит, она на нем жениться собирается! И называет его «моя лапушка»! Ха-ха-ха! – поделилась новостью Шурочка.

- Да ты что?!

– А что? Вот женюсь, и в очереди стоять не надо! Кстати, сегодня и завтра в нашем магазине будут водку давать! Нам надо?

- Надо! Нам все надо! – громко заявила сестра.

– Да этой водкой у нас уже полкладовки заставлено! Вот мяса бы, сыру... гречки, – размечталась Надежда.

- Не, гречка только для диетиков!

Надежда подошла к сыну и погладила его по голове.

– Да ты мой добытчик! У тебя на затылке вечно стоят вихры! И эти две макушки... Так и хочется поцеловать! Ешь, давай, – чмокнула сына в макушку Надежда.

Антон откусил кусок хлеба и закашлялся. Надежда постучала ему по спине, но сын знаками показал, что стучать не надо.

- У меня, когда в горле завянет, я сразу кашляю.

Большая семья Марины Степановны Чегодаевой после обильного праздничного ужина, приготовленного бабушкой, и похода в кино сидела за круглым столом и играла в лото. Да, действительно, большая семья, если учесть, что жили они в двухкомнатной «хрущевке» вшестером. Марина, ее муж Николай, пятнадцатилетний сын Илья, трехлетний Данечка и родители Марины – шестидесятилетние Степан Иванович и Клавдия Петровна. С кухни доносился аромат свежеспеченного пирога с яблоками. Николай вынул очередную бочку из мешочка и спросил:

- 36! Есть у кого 36?

– А я ему сдуру и лягнула: да она ста ваших Людок стоит! – продолжала начатый разговор Марина Степановна. – Ну правда извинилась сразу!

- Ма-ри-на! – удивилась мать. – Да разве ж можно такое?!

- Что, так и сказала? А он? – спросил муж и закричал. – 80!

- Илья, посмотри у Дани – 80! – переживал за внука Степан Иванович.

Светловолосый, с большими голубыми глазами Илья ласково посмотрел на младшего братика, закрыл пустой квадратик пуговицей и миролюбиво сказал:

– Да смотрю я, дед, смотрю! Играю и за себя и за него! Мам, а что, теперь старперша не будет в лагере работать?

– Людмила Витальевна, Илья, этим летом у нас работать не будет! – учительским тоном поправила сына Марина.

– Ура-а-а-а! – закричал Илья

– У-я-я-я-я-я! – вслед за братом закричал Данечка.

– Да-а, интересно девки пляшут! 55 и 46 сразу!

– Чего-то мне всё не везёт! – сокрушалась бабушка. – У вас уже почти все заполнено, а у меня пустота.

– Так тебе в любви повезет, – обнадёжил бабушку Илья и спросил у матери, – мам, кстати, а ты не в курсе, Наташке Михеевой взяли путевку?

– 78! – доставая очередной бочонок, выкрикнул отец.

– Да взяли, взяли твоей Наташке путевку. Ты вроде говорил, что она с каким-то взрослым богатым парнем встречается?

– Пап, какой ты номер назвал? – засмутился Илья и стал внимательно рассматривать свои карточки.

– Слюшять нада! Я из-за тебя плоишываю.

– 12! Все слышали? – Спросил Николай.

– Ну-у, не то, что он сам богатый, предки у него какие-то шишки.

Надежда сделала с сыном уроки, уложила детей спать, домыла посуду и погладила белье. Наконец она услышала, как открылась входная дверь. На кухню вошёл её муж. Хмуро посмотрел на жену, с грохотом пододвинул к себе табурет и молча сел за стол.

– Тише, дети спят! – шепотом закричала Надя и взглянула на ручные часики. – Жень, ты где был? Где ты ходишь, время одиннадцатый час!

Девушка подогрела жареную картошку на сковороде и поставила тарелку перед мужем.

– Ешь!

– Не хочется что-то! – Евгений поковырял еду вилкой и отодвинул тарелку.

– Может, огурца еще порезать? – уже спокойно спросила Надя.

– Не надо!

– Жень, не знаю, как и сказать! Сегодня мне предложили должность старшей вожатой в пионерлагере «Дружба». И тебя берут! Музруком! И дети с нами!

– В лагерь... Ага! Вот, где сидит твой лагерь! – резко сказал Евгений и провел ребром ладони по шее. – В печенках сидят твои пионерские песни, строи, маршировки, еще только руки назад – и... настоящий лагерь!

– И неправда! Зачем ты так говоришь? Сколько новых современных песен мы разучили. И дети тебя все любили. А что нам дома делать? За макаронами по несколько часов в очереди стоять? И ведь в очередях-то не ты, а сын наш стоит... А так мы на продуктах сэкономим. Ты до сих пор себе работу не нашёл... Да и свадьбы мне проводить не надо будет!

– А как же ты у нас без свадеб-то будешь? Без юбилеев? Хвостом-то перед кем крутить будешь?

– Ну хватит уже! Одна и та же песня. Я что, от хорошей жизни за всё хватаюсь? Я с семи до семи, в две смены в саду работаю – перед кем там хвостом кручу? Или ты считаешь, что без подработки на твою пенсию и мои восемьдесят пять рублей прожить можно? Жень, я вешу сорок семь килограммов. Я похожа не на женщину – на подростка. Я устала. Я смертельно

устала... У меня болит всё, каждая косточка! Я всё время хочу спать! Я детей своих в упор не вижу...

Надежда отвернулась к окну и смахнула накотившиеся слезы со щёк.

– Ну ладно! Хватит тебе! – Евгений недовольно постучал вилкой по тарелке. – В лагерь, так в лагерь...

Пионерский лагерь «Дружба» раскинулся в огромном лесном массиве. Это было очень красивое зрелище: утопающие в зелени небольшие деревянные домики, ухоженные клумбы с цветами, серебристый квадратик бассейна. А внизу, растворяясь у горизонта в дымке, вилась лента асфальтированной дороги, ведущей к ближайшим деревням Бузово и Опятки. Позади деревень находились сырые торфяные болота. А в двух километрах от лагеря – чудесное, чистое озеро.

Марина Степановна устроила своей новой работнице экскурсию по лагерю. Он был намного богаче закрывшегося «Гагаринца» и занимал огромную площадь. Шесть спальных добротных деревянных корпусов для детей были покрашены в разные цвета. В домиках находились четыре спальни, две вожатские комнаты, веранда и чемоданная комната. Лагерь «Дружба» всегда славился своей обширной современной библиотекой. Марина Степановна вложила в неё немало сил: правдами и неправдами она доставала классику, книги по школьной программе, детские приключенческие издания, журналы. В библиотеке был даже небольшой читальный зал.

Клуб для просмотра кинофильмов, проведения дискотек и концертов был построен лет пятнадцать назад и с тех пор порядком обветшал. Краска облупилась, крыша прохудилась. Конечно, он требовал ремонта, но в первую очередь нужно было достроить баню. Чистота и гигиена прежде всего!

Лет семь назад из белоснежного кирпича была возведена просторная столовая. Над входом был вывешен транспарант «Добро пожаловать!». За столовой находился хоздвор и гараж для единственной машины – старенького грузовичка, закрепленного за лагерем.

По тропинке мимо изолятора можно было пройти к бассейну. Его построили недавно, и он был предметом гордости профсоюзного комитета завода. Песчаный пляж превзошел все ожидания Надежды. Мелкий, желтоватого цвета песочек был привозным. Рядом кабинки для переодевания и даже несколько деревянных лежаков. Если идти в другую сторону, то через сосновый лес можно было спуститься к прекрасному тихому озеру. Но купался там только первый отряд. Вдали от детских корпусов обосновались два барака для жизни технического и педагогического персонала.

На территории пионерского лагеря «Дружба» всю кипела работа. Сотрудники занимались подготовкой лагеря к открытию. Носили в корпуса мебель, красили, производили мелкий ремонт. Из жилых деревянных корпусов доносились звуки пилы и коловорота, стук молотка и молодые веселые голоса. Майский погожий денек поднимал настроение работникам. А розоватые ветки сирени источали чудесный медовый аромат, разливающийся по всей территории лагеря.

В спальнях жилых корпусов девушки, студентки педагогического училища, направленные в лагерь на производственную практику, заправляли детские кровати постельным бельем.

Марина Степановна похвалила девушек, выглянула в окно и помахаларукой вожатым Петру и Степашке:

– Ребята, несите в четвертый корпус, здесь кроватей уже перебор.

– Там тоже уже полна коробочка!

– Тогда несите на склад! А потом ремонтировать скамейки. Да, да, да! И красить тоже!

– А перекур?

- А вот потом перекур!
- Девочки, вот все хорошо, но... чего-то не хватает, – оглядев спальню, сказала Надежда, – неуютно как-то!
- Может, цветы в молочные бутылки поставим на столы? Или салфетки вырежем? – робко предложила одна из девушек.
- Девочки, а рисовать кто-нибудь из вас умеет? – спросила Надя.
- Я могу! – ответила Ирина, спокойная, застенчивая девушка.
- Тогда Ирина идет со мной, а вы, девочки, застилайте постели.

Надежда рисовала на стенах палаты сказочные цветы, когда вошла Марина Степановна и, всплеснув руками, стала нахвалять перепачканных краской художниц:

– Да что за красота-то такая? Геновна! Талантище! Ну молодцы, так молодцы! Девочки, обед! Быстро к столу, а то мужички все схоят!

Рядом с громадной столовой была оборудована временная летняя кухня. К столбу кто-то хозяйской рукой крепко привязал проволокой умывальник. Костёр со знанием дела был обложен кирпичом. На треноге висел здоровый котелок, внутри него что-то аппетитно булькало, издавая умопомрачительные запахи. За столами, поставленными в ряд, сидели вожатые. Технический персонал предпочитал трапезничать отдельно. Время от времени Марина Степановна помешивала еду в котелке. Раздумянилась, очки запотели. Она сняла их, протёрла и, как заправская повариха, закричала:

– А ну, подставляйте-ка тарелки, братцы-кролики! Работнички вы мои дорогие!

Народ весело расхватал тарелки, и директор от души плюхнула каждому наваристой гречки с тушенкой. Бренчание ложек, причмокивания и прихлебывания перемежались со звуками «М-мммм», «Ух ты!!», «Ой, а где хлеб?», «Как вкусно... Вот хлеб! Кому хлеба?».

Для себя и Надежды Марина вытащила из клуба два стула, обитых дерматином, и поставила их поближе к костру так, чтобы хорошо было видно сидящих за столом. Начальница протянула Наде тарелку с едой и села рядом:

– Ну вот, теперь можно и поговорить. С вожатыми ты немного познакомилась, ну и я коротко тебе о них расскажу. Сначала о тех, кто работает здесь давно. Как тебе Сергей Степанов? Рыжий Степашка?

Надежда оглядела парня. Хорош! Высокий, плечистый, с крепкими мужскими руками.

– Чудесный парень, – сделала вывод Надя, – море обаяния и веселый нрав. Хорошее чувство юмора и острый язык!

– Да! Работает всегда на первом отряде, с ребятами справляется. На него невозможно сердиться, даже когда он ведет себя совершенно непозволительно. Много лет влюблен в свою напарницу Олесю. Её мать библиотекарем у нас в лагере работает, не даёт им встречаться, считает Сережку недостойным её дочери.

Надежда с интересом поглядела на двадцатилетнюю Олесю. Высокая, крупная, круглолицая, светлые волосы подстрижены под каре. Настоящая русская красавица.

– Надя, а вот ещё один красавчик – Петр, про него что скажешь?

– Красивый, но мужества в нём не хватает. Вялый какой-то!

– Ему двадцать четыре. Работает хореографом во Дворце культуры при заводе. Его бабушка, Ева Петровна, много лет работает в нашем лагере старшим воспитателем. Она властная и нетерпимая к чужому мнению, если оно, конечно, не совпадает с её собственным. Всё за всех решает, всегда знает, кому как поступать. Везде суёт свой нос!

– Даааа, не любите вы её. А чего же не расстанетесь с ней?

– Ты что? Расстанетесь!? Ее зять – Сухов Николай Павлович! А Петя – его сынок!

– Даааа, весело тут...

– А это чья тарелка? Лишняя? – закричал мужской голос.

– Нет, совсем даже не лишняя, это тарелка для одного очень хорошего человека, Вася! – громко ответила Марина Степановна.

Вася. Двадцатилетний Василий был близорук, в допотопных очках, губы полные, долговязый, сутулый, словом, не красавец. Редкие волосы рано начали лысеть. Да и одевался он как-то по старинке, не модно и несовременно.

– Вася в лагере давно, лет восемь, боюсь соврать. Закончил педучилище. Всегда работает на втором отряде, с Раисой. Парочка ещё та!

В этот момент Рая громко засмеялась, стараясь привлечь внимание не то Пети, не то Сергея. Ей недавно исполнилось двадцать пять лет, но из-за тонны косметики на её лице ей можно было дать все тридцать, а то и сорок лет. Брови слишком сильно подкрашены чёрным карандашом, ресницы топорщились словно пики, веки украшали длинные, жирные стрелки. Портрет завершали прямые плечи, мощный торс и полное отсутствие талии.

– Без краски она была бы намного лучше! – шёпотом сказала Надя Марине.

– Неее, в первом корпусе точно стена гнилая, – отставив пустую тарелку и вытирая салфеткой губы, громко сказал Василий, – я только карниз повесил, до двери дошел – а он упал! И так три раза. Дурацкая стена!

– Руки у тебя, Васька, дурацкие! – захохотала Раиса. – Ни фиги делать не умеешь!

Молодёжь рассмеялась.

– Чего это не умею... – смутился Василий и бросил взгляд на девушек, скромно сидящих по другую сторону стола.

– А как тебе новенькие? – тихо спросила Марина. Она приняла их на работу по договору с педагогическим училищем. – Лена, Ирина и Алла.

– Хорошие девчонки. Но меня пугает только одно: почему они все такие здоровенные? Руки, ноги!

– Да уж, ты рядом с этими акселератками – воробушек.

– Даааа, – засмеялась Надежда, – муж меня так и называет.

К столу подошли новые едоки: сторож лагеря Еремеич, мужик лет семидесяти, с огромным мясистым носом фиолетового цвета, намекающего на то, что его хозяин любит выпить. Молодой, высокого роста, крепко сложенный парень-богатырь. И Константин Алексеевич Орлов. Он сразу подошел к рукомойнику, вымыл руки и вытер их полотенцем. Достал из чемоданчика с инструментами увесистый свёрток и протянул его Марине Степановне со словами:

– Марина, вот, возьми-ка сало, деревенское, и там в пакете еще огурцы соленые, хрустящие!

– Какие люди! И без охраны! – радостно закричал Степашка, отодвинув Василия. – Ген, давай сюда!

– Константин Алексеевич, суп почти остыл! Садитесь уже. Устали? – ласково приговаривала Марина Степановна, усаживая опоздавших за стол.

– Я обожаю, Константин Алексеевич, гостинцы вашей мамы, – сказала Олеся, наблюдая, как Марина Степановна выкладывала на тарелку розовое в прожилках сало и соленые, пахнущие чесноком огурчики.

Константин Алексеевич сел на скамью напротив Надежды.

– Знакомьтесь, Надежда Геннадьевна, – обвела рукой вновь прибывшую троицу Марина, – этот здоровяк – сын Константина Алексеевича, Геннадий! На нашем заводе водителем работает, а летом его к нам в лагерь шоферить отправляют. Ну а Еремеича, нашего мастодонта, ты уже видела. И с Константином Алексеевичем ты встречалась в профкоме завода.

Генка, отнюдь не стесняясь, подал одну руку Надежде для знакомства, а вторую, с тарелкой, протянул Марине Степановне:

– Марина Степановна, мне побольше! Жрать хочу, как сто китайцев!

– Ешь, ешь, мой маленький мальчик! Заработал, – захопотала Марина Степановна.

Константин Алексеевич начал не спеша есть духмяную гречку и, обращаясь к сторожу, сказал:

– Еремеич! После обеда мне еще на бане помочь надо. Подержишь кое-что.

– Константин Алексеевич баню в лагере строит. Чуть-чуть осталось, – пояснила директор лагеря Надежде, – и пойдем на прочность проверять... Руки у него золотые! И ведь работает-то за бесплатно!

– Почему бесплатно? – возмутился Орлов. – Я в профкоме свою зарплату получаю.

– А что, по сто грамм-то нам здесь нальют? – весело спросил у начальницы Еремеич, потирая руки. – А то сало пропадет... Славно поработали-то, Ляксеич, эх и славно, и-и-их едришки-раскадришки!

– Вечером, Еремеич! – осадил сторожа Орлов. – В ужин по граммულке и нальем! Вечером же можно, Марина Степановна?

– Так, у нас в лагере сухой закон! – шлепнув полотенцем по столу, закрыла тему Марина Степановна.

– Так сухой закон отменили! Не оправдал он себя! – заржал Генка. Но Марина Степановна тут же парировала:

– Как говорят саратовские рабочие: «Трезвость – норма жизни!» А вот добавки – пожалуйста, – железным голосом отчеканила начальник лагеря и стала накладывать кашу в протянутые тарелки.

– А вы видели недавно по телеку жену Горбачева? Красивая, говорит складно... Кстати, понимает, о чём говорит, – сменила тему Олеся.

– Ага! Понимает она! Не, я понимаю – космонавт Савицкая! Умница умнейшая! А эта... деревня... – влезла Раиса.

– А вот и неправда, Рая. Зря ты так говоришь! Ты посмотри, с каким шиком она одевается... – перебила её новенькая вожатая Аллочка.

– Не, меня раздражает, что она все время нас поучает. Как семью вести, как детей воспитывать. Говорят, она и Мишей своим руководит! – не успокаивалась Рая.

– А вот это точно! Какого, простите, фига он её везде за собой таскает? – поддержал Раю Геннадий.

– Ну она же первая леди! – ответила Ирина.

– Ага! Леди на велосипеде! Денег-то казённых не жалко!

– Ребята, дайте спокойно поесть! – осадил молодежь Константин Алексеевич.

– Так! На ужин у нас сегодня... макароны с сыыром, – раскрыла секрет Марина Степановна.

– Ура! Люблю с сыром! – закричал Степашка.

– И готовить их будет... Сергей Степанов! – огорошила его начальник лагеря.

– А чего сразу я-то? Чуть что, сразу Степашка!

– Ну, у тебя же руки не дурацкие, как у некоторых... – заржал Вася.

– А Василий утром чайник вскипятит и бутербродов наделает! А к обеду уже повара приедут и уборщицы. Весело будет, – подвела итог беседы Марина Степановна

– Слушаюсь, товарищ начальник! – отрапортовал Вася и скосил глаза на Раечку.

Молодежь весело переговаривалась, рядом потрескивал угольками костер, и было так домашнему уютно, добро и тепло, что Надежда не выдержала и сказала:

– Как замечательно сидеть у костра. Завтра обязательно сделаем красивые отрядные костровые места.

– О, не, не, не, Геновна! – всполошилась Марина. – Мне пожары и ожоги в лагере не нужны!

– А Константин Алексеевич с ребятами сделает все безопасно, – уверенно посмотрела на Орлова Надя, ища поддержки, – а мы с девочками украсим! Поможете, Константин Алексеевич?

– Ну как тут быть?! Конечно, помогу! Да-а-а, Марина Степановна, что ещё будет...

Степашка весело подмигнул Надежде, взял гитару и дурашливо запел на мотив песни «Ты знаешь, всё еще будет...» лагерную песенку:

«Если я начальником стану,
То вагон стаканов достану.
И тарелок тележку в придачу,
Пусть таскают в палаты, не жалко!

Ночью всем разрешу болтаться,
Взад, вперед, по кустам таскаться.
Казино для вожатых открою
с горячительною водою!

Я кормить пионеров не буду,
Для чего загрязнять посуду.
Пусть подножным питаются кормом.
И хлопот, и расходов меньше!

Я засею линейку горохом,
Пусть желудки покроются мохом.
И довольными будут ребята,
И врачам найдется работа...

Распушу я, пожалуй, службу
И ругаться с завхозом не буду.
Бабу Домну возьму диск-жокеем —
И дискотека станет крутою!

На дорожках вскопаю я грядки,
И на них прорастут маслятки.
Пусть старшая возьмет лукошко
И грибов соберет немножко.

Вечерком мне она их пожарит
И лучком непременно заправит...

Степашка вновь подмигнул Надежде и тут же повернулся к Олесе, грозящей ему кулаком. Вожатые засмеялись.

– А ты знаешь, что ещё будет... – тихо и многообещающе закончил песню Степан.

– Ну ладно, ребята. С вами сидеть хорошо, но дела ждут! Марина, ребята пусть гравий на дорожки в тачках возят. Ну, а девочек ты и сама знаешь, чем занять.

Орлов пристально посмотрел на Надежду и сказал:

– А я видел... Видел ваше художество!

– И?

– Хорошие рисунки!

Марина Степановна посмотрела на них и хитренько заулыбалась.

– А что это вы, Марина Степановна, как-то хитро на меня поглядываете? Что-то не так? –

Спросил Орлов.

– «Я с утра до вечера не хитра, доверчива. А с вечера до утра не доверчива, хитра!» – загадочно пропела Марина Степановна.

– Марина Степановна, это ж Губерман! – радостно воскликнула Надежда. – Здорово! Я тоже люблю его гарики. И вообще, очень люблю читать. За книги маму продам. А фантастику вы любите?

– Да так как-то, – пожала плечами Марина.

– А я обожаю! Я на подписку такие очереди выстаиваю...

– А кого из фантастов вы любите? – поинтересовался Орлов.

– Стругацких! Братьев Стругацких! Ну, еще Ефремова, Шалимова, Уэльса, Брэдбери...

– А я ведь тоже, девчонки, люблю фантастику. Спасибо за обед, Марина Степановна. Я жду тебя, Еремеич! Ген, идём!

Константин Алексеевич поднялся со скамейки, подхватил свой чемоданчик с инструментами и, не дожидаясь сына, зашагал в сторону бани.

– Бегу, бегу! Щас, только чайку глотну, едришки-раскадришки! – закричал ему вслед Еремеич и с достоинством, явно не торопясь, протянул Марине Степановне тарелку для добавки. – Надоть мне, Марианна, совсем немного впрок наисся!

Марина Степановна с утра пораньше уже обходила территорию лагеря, который за эти четыре дня становился все краше и краше, и не переставала любоваться и удивляться. Скамейки покрашены с выдумкой. Крупные камни расписаны изображениями животных, насекомых. На кусты наброшена паутина из макраме, а в центре, как и полагается, сидит страшный паук. Всё увиденное Марине понравилось.

– Эй, Алексашка! – закричала она радисту лагеря, молодому эксцентричному человеку с обритой головой и жиденькой болтающейся сзади косичкой. – Ты чего это вчера ни обедать, ни ужинать не приходил?

Александр стоял на деревянной лестнице и, насвистывая, приколачивал над входом в клуб надпись «Милости просим!». Он тоже давно работал в лагере, и Марина ценила его за золотые руки. Сашок мог бесконечно чинить старую, выходящую из строя музыкальную аппаратуру, а точнее – рухлядь, и у него это хорошо получалось.

– А мне, Марин Степанна, мать столько еды надавала, что за неделю не съесть!

– А-а-а! Вот оно что!!! У нас мальчиш-плохиш появился... Значит, ты, Санек, под подушкой мамкины вкусняшки хрумкаешь? Или ты правила наши не знаешь, что все продукты в общий котёл?

– Не подумал, Марин Степанна, работы было много в радиорубке, увлёкся! А еды мне не жалко, я всё принесу!

– Ладно, Санёк, обедать в столовую приходи, повара приехали! – побежала Марина дальше, но вдруг её будто кольнуло, и она остановилась:

– Саша, а почему ты написал «Милости просим»? Как-то по старинке, по церковному как-то?

– Так «Добро пожаловать» уже над столовой висит! Это же вежливая форма приглашения в гости...

– Дааа? Ну надо подумать... Надо подумать...

Марина добежала до хозяйственной зоны и обомлела: новая старшая вожатая выводила краской на щите, приколоченном к забору, надпись: «Забор гласности».

Директор молча постояла и покачала головой:

– Геновна! Ну и выдумщица ты. Да они тебе столько матюгов напишут, замучаешься потом оттирать!

– Ничего, отмоем! Но, может, что и дельное напишут. Для мела нужно что-нибудь придумать.

Девушки обернулись на шум и увидели, как Вася и Петр, приплясывая с тумбочками на голове, двигались к шестому корпусу, где проживали самые маленькие ребяташки.

– Эй, козлятушки-ребятушки, эти тумбочки только чернобыльцам! Поворачивай, поворачивай! И кровати новые туда же! – закричала директор лагеря. – И собирайтесь уже! После обеда в город едем, заезд завтра!

Глава 2

На площади у заводского Дома культуры толпа родителей и детей, отъезжающих в лагерь, внимательно слушала речь председателя профкома завода, боясь пропустить что-нибудь важное. Рядом переминались с ноги на ногу Орлов, Марина Степановна и Надежда. Николай Павлович, словно выступая на митинге, закончил свою пафосную речь словами:

– Наше государство заботится о подрастающем поколении. И, конечно же, мы постоянно улучшаем условия жизни ваших детей в лагере. В этом году было завершено строительство бани для детей. Марина придвинулась к Надежде и тихо зашептала:

– Угу... улучшает он, на копейку.

Надежда повернула к Марине Степановне испуганное лицо.

– Ой, мама дорогая, а то ты не знаешь этих воров! Святая невинность...

– А что, и Орлов тоже? – спросила Надя.

– Нет! Вот уж чего нет, того нет! Этот скорее свое отдаст!

– А теперь слово предоставляется начальнику пионерского лагеря Марине Степановне Чегодаевой, нашему бессменному руководителю, – Сухов широко улыбнулся, показав мелкие желтоватые от курева зубы и передал девушке микрофон.

– Дорогие родители! Наш лагерь – одна большая дружная семья! Практически все дети работников завода отдыхают у нас все три смены. В лагере замечательный коллектив, настоящая команда единомышленников.

– А воздух, какой у нас там воздух! – бестактно перебил Марину Сухов. – Да что это я? Вы и сами знаете! Продолжайте, Марина Степановна, продолжайте!

– Дорогие родители! – продолжала Марина, – вы можете работать спокойно. Ваши дети будут сытно накормлены, вымыты и обласканы. И милости просим к нам в гости! Но только в родительский день – 14 июня.

– Разрешите, уважаемые родители, – вновь перехватил микрофон Николай Павлович, – представить вам новую старшую вожатую. У нее достаточно большой опыт работы в этой должности. И мы возлагаем на нее большие надежды. А-ха-ха! На Надежду – надежды. Прошу любить и жаловать – Надежда Геннадьевна Соколова!

Надежда засмушалась и кивнула головой.

– Марина Степановна, командуйте! – бойко взмахнул рукой, словно шашкой, Сухов. – С Богом!

– Прошу родителей найти на спортивной площадке свои отряды, познакомиться с вожатыми и сдать им своих детей. Списки отъезжающих на стенде слева. И не забудьте подойти к нашему педиатру, она заберет медицинские карточки и проверит головы ребятишек на отсутствие там насекомых.

Родители заволновались, зашумели и стали расходиться по футбольной площадке. Надежда и Марина Степановна с трудом пробившись через толпу и подошли к указателю «Медики».

– Знакомьтесь, Надежда, это наша медсестра Лариса, – показала Марина Степановна на высокую приятную девушку с чудесной улыбкой. Лариса кивнула Надежде, приветливо улыбнулась и вновь склонилась к детской голове.

– А это – наша Ольга Григорьевна, дети её любят, и за глаза ласково называют Докторица! Да и мы уже привыкли к этому обращению.

Надежда внимательно посмотрела на Докторицу и подумала: «Очень милая». С виду ей лет тридцать. Вздернутый кругленький носик, широкие брови и необыкновенные глаза... Мощные линзы делали их огромными, и она становилась похожа на маленького любопытного

лемура или обиженного мопсика. Глаза Ольги Григорьевны заискрились светом и весельем. Она рассмеялась:

– Вместо Людки что ли? Ой, а я вас знаю! Вы же в «Гагаринце» работали? Я к подруге туда приезжала, к Елене Витальевне.

– Да, Слюнина замечательный доктор и человек прекрасный! – обрадовалась Надежда. Марина Степановна вплотную подошла к Докторице и тихо поинтересовалась:

– Олюня, сколько нынче вшивых?

– В два раза больше, чем в том году, и это мы еще не всех проверили. Кстати, по распоряжению горздрава, педикулезников в лагерь брать запрещено!

– Как запрещено? А куда ж их? Мама дорогая-я-я... В общем, берем всех, на месте разберемся! Ладно, пошли мы.

– Ну, тогда до встречи! А место встречи, девчонки, изменить нельзя! Сегодня в бане, в восемь ноль-ноль, – весело рассмеялась Ольга, и Надежда уже была от неё без ума.

Девушки выбрались из толчеи и чуть не налетели на Сухова, разговаривающего с эффектной, модно одетой дамой. Сухов энергично замахал рукой, подзывая к себе Марину Степановну.

– Чегодаева! Подойди-ка сюда!

Марина Степановна изменила курс и подошла к Сухову.

– Марина Степановна! Разрешите вам представить, вот! Наталья Захаровна!

– Очень приятно, – кивнула даме Марина.

– Наталья Захаровна с мужем приехали из Владивостока, это их сынок! – показал он рукой на мальчика лет тринадцати-четырнадцати. – Будет отдыхать в первом отряде! Наталья Захаровна купила путевку за полную стоимость. Будьте к нему повнимательней!

Марина занервничала. Ещё только бластных мальчиков ей не хватало.

– Николай Павлович, мы ко всем детям относимся с большим вниманием...

Сухов крепко взял Марину Степановну под локоток, отвел чуть в сторону и тихо, прищурив глаза, многозначительно показал пальцем вверх:

– Я сказал – очень повнимательнее! Она из тех, поняла?

– Да поняла я! – вырвалась из его цепких пальцев Марина.

Несостоявшийся начальник и в прошлом старшая пионерожатая, Людмила Решетникова, провожала сына на отдых. Она демонстративно отворачивалась от Сухова. Тот тоже показывал всем своим видом, что она его не интересует. Сын Людмилы, Владик, до сих пор злился на мать после того, как узнал, что она не едет в лагерь.

– Ну, и чего ты добилась? Работу не нашла, место потеряла. С Суховым поссорилась! Как я теперь там буду один?

Людмила залезбила:

– Владичек! Ты взрослый красивый мальчик! Уж скоро будет шестнадцать! Ты в этом лагере всех знаешь!

– Знаешь, знаешь...

– Веди себя нормально, и к тебе все потянутся! Сына, а ты не знаешь, кто это у автобуса с аккордеоном стоит? А?

Владик посмотрел в сторону, где уже были поданы автобусы и презрительно сказал:

– У тебя, как всегда, только мужики на уме...

– Владик, как это ты с матерью разговариваешь? – возмутилась Людмила. – Ну ладно, пошла я. Дел невпроворот.

Людмила, грациозно покачивая бедрами, прошла мимо Евгения, но тот так был занят своими мыслями, что даже не заметил красотку.

Ворота лагеря были широко распахнуты. Громко играла музыка, встречая юных пионеров. Нарядный Еремеич, одетый в потрепанный временем мундир то ли морского, то ли еще какого-то военного ведомства, купленный еще его женою на рынке, издавдала заметил колонну приближающихся автобусов. Сторож встал по стойке «смирно» и приставил руку к козырьку выцветшей фуражки. Ребята весело махали ему из окон автобусов.

– Ии-эххх, едришки-раскадришки, кончилась спокойна жизнь! А вот сѣдня за дитятей и выпить не грех! Пусть наша смена растет... Растет и размножается, едришки-раскадришки! – радостно воскликнул Еремеич.

Вдоль аллеи строго в ряд стояли стенды с фотографиями пионеров-героев: Лени Голикова, Зины Портновой, Марата Казея, Вали Котик, Шуры Чекалина, Бори Царикова.

По всему периметру лагерь украшали гипсовые фигуры пионеров с мячами, горнами, барабанами.

Автобусы остановились у столовой. Из них, как горошины, повыскакивали ребяташки и побежали к грузовой машине, чтобы получить свои чемоданы.

Из столовой доносились звуки гремящей посуды и пахло паровыми котлетами. На крыльцо вышла огромная дебелая тетка с сожженными перекистью кудряшками, в белом коротком халате, едва прикрывавшем ее круглые коленки. Это Зоя – хлеборезка. Хлеборезка – это должность. Зоя нарезала хлеб для всего лагеря и вытирала столы с хлоркой после еды.

– О! Наконец-то приехали, долгоносики! – не то обрадовалась, не то огорчилась Хлеборезка. – У-у-у! Куда несешься, оглоед? – она поморщила носик и, увидев в толпе детей Марину Степановну, закричала:

– Марина Степановна! Дежурных гони! И так обед задерживается!

– Да погоди ты, Зоя! Видишь, не до тебя! – отмахнулась Марина.

– Не до меня, не до меня... Всегда не до меня. А уж накрывать надо!

Из последнего автобуса хлынула шумная толпа пионеров. Последним из пазика вышел Евгений. Водитель протянул ему чемодан и бережно, с уважением подал аккордеон и гитару. Евгений поставил свои вещи к заборчику, потянулся и недовольно пробубнил:

– Здравствуй, поле, здравствуй, лес! Мы попали в край чудес...

Присев на железное ограждение, он достал сигареты и закурил. Девчонки-вожатые с интересом посматривали в его сторону и хихикали.

Мимо, раздавая команды, пробежала Надежда и, увидев мужа, остановилась:

– Жень, ну ты же бросил!

– Надя, отведи меня в нашу комнату, я устал. Башка разрывается! Три с половиной часа в автобусе – это для меня слишком!

– Жень, потерпи. Детей устрой и вернись за тобой, – ответила ему Надежда и почти бегом припустила к корпусам.

К столовой подошла старший воспитатель лагеря Ева Петровна. В руке она держала серебристый горн. Ева Петровна не так давно отметила семидесятилетний юбилей, но её неумемному темпераменту мог позавидовать любой молодой человек. Она оценивающе оглядела Евгения, хмыкнула и встала к Зое. Стоявшая на крыльце столовой Хлеборезка поковыряла в ухе, крякнула и заорала:

– Ну что, есть-то будем? Где горны—то? Алексашка! Где Алексашка-то?

– Да будут тебе горны, Зоя, будут! Колонки у него опять сгорели! – закричала ей пожилая женщина.

С приткостью молодой антилопы Ева Петровна сбежала со ступенек, подбежала к теннисному столу, в миг взлетела на него и прогорнила сигнал: «Бери ложку, бери хлеб!».

Евгений, наблюдая эту сцену, буквально потерял дар речи. Он невольно присвистнул и с уважением произнес:

– Наш человек!

Ева Петровна спокойно слезла с теннисного стола и, посмотрев свысока на Евгения, сказала:

– Вот такие мы, жены военных!

Старшего воспитателя тут же окружила стайка мальчишек. Среди них был и Антошка, сын Надежды.

– А можно горн подержать? Ух ты – серебряный! Ишь, как сверкает!

Мальчишки наперебой начали задавать вопросы:

– Тетенька, а это трудно? А дети могут так же?

– Она не тетенька, это Ева Петровна!

– А вы нас научите так же?

– Научу! Научу! – ответила Ева Петровна и встала в дверях столовой, словно стражник.

Надежда сменила Еву Петровну на посту в столовую и осталась встречать отряды. С песней, дружным строем шел на обед шестой отряд. Из строя выбежала Шурочка, подбежала к матери и зашептала ей на ухо:

– Мама, а ты сейчас мама или Надежда Геннадьевна?

– Когда ребятки рядом нет, я мама! А при всех я Надежда Геннадьевна!

– А-а-а! А жить мы с вами будем или отдельно?

– Доченька, с девочками тебе интересней будет. А соскучишься, я тебя к себе возьму! Но ребяткам ты не говори, что мы ваши родители, ладно? А то им грустно будет!

– Да ладно, мамочка, мы никогда с Антошей не говорим! – успокоила Надю Шурочка и нырнула в столовую.

Запыхавшаяся Надежда подбежала к Евгению, подняла гитару и, махнув рукой, поманила мужа за собой:

– Жень, наконец-то освободилась. Пойдем, я тебя отведу в наши апартаменты. Таблетки твои в чемодане. Сбоку. Найдешь!

– Наконец-то. Я уж думал, что ты никогда не придешь!

Супруги подошли к маленькому домику, и Надя с радостью показала мужу домик, в котором они будут жить все лето!

– Вот и пришли! Территория огромная! Боже, какой воздух! Жень, ты чувствуешь? Чудо! Смотри какой домик! Отдельный! Представляешь, у нас будет свой домик. Здорово, да? Смотри – с одной стороны жилое помещение, с другой – пионерская комната. Удобно, правда?

– Господи, чего ты всему радуешься?

У стены их временного пристанища, нависая над окном, росла раскидистая сирень, в мае и июне удушавшая своим ароматом. Супруги вошли в небольшую прихожую и открыли дверь в комнату. Скарб в жилище был незамысловатый: две скрипучие узенькие кровати, две тумбочки, зеркало на стене и прибитые гвозди на дверях, выполняющие функции вешалки. До заезда в лагерь Надя покрасила белой краской дверь, намыла полы и окна, повесила занавески, взяла со склада покрывала поновее – и стало очень уютно.

– Ты отдыхай, Жень. Я приду, и пойдем обедать.

Перед тихим часом вожатая первого отряда Олеся проводила переключку. Илья Чегодаев и Влад Решетников сидели на скамейке и лениво переговаривались. Их матери работали вместе много лет, и мальчики были друзьями. Но в том году у них стали возникать стычки из-за девочки. И тому, и другому нравилась Наташа Михеева, председатель совета дружины лагеря. А сама Наташа их будто и не замечала.

– Ничего не изменилось. Даже вожатые все те же, – протянул, зевая, Владик.

– Почему не изменилось, старшая вожатая другая... Музрук новый. Чего твоя-то мать не приехала?

– Работу новую ищет. Че здесь на копейках сидеть...

– А-а. Тоже хорошо.

– Решетников! Владислав Решетников! – в который раз прокричала Олеся.

– Да здесь я! – ответил Влад.

– А чего не отзываешься? Чегодаев!

– Здесь! – звонко крикнул Илья и, обращаясь к Владу, сказал:

– А вожатые уж пусть будут эти. С ними интересно. А то поставили бы таких, как Райка прибабахнутая...

– Слушай, этот новенький странный какой-то. Чё он ходит-то по железке? Туда – сюда, туда – сюда! Навернётся еще! – сказал Влад.

К корпусу подошла уставшая Марина Степановна.

– Ну что, Олеся, всех разместили? – спросила она у вожатой.

– Нет, у мальчишек в палате двух мест не хватает.

– Переводи тех, кто помладше, во второй отряд... Вон, хотя бы этого! – показала она на «блатного» мальчика.

Мальчик в это время, развлекая девочек, балансировал на железной ограде. И только Марина открыла рот, чтобы сделать ему замечание, как на глазах у всех он оступился и упал.

– Олеся, быстро за Ольгой Григорьевной и сразу скорую вызывай! Бегом!

«Первая травма! – подумала Марина Степановна. – И надо же так случиться, что это произошло именно с этим блатным мальчиком».

В новой бане Докторица, Марина и Надежда, одетые в ситцевые халатики на голое тело, обрабатывали группе педикулезников головы керосином. Запах стоял ужасный. Девчушки звонко повизгивали и закрывали носы.

– Э! Вшивики! Сидеть молча! Да, денек сегодня... Олюня, что там с мальчиком? Ты разговаривала с врачом? – спросила Марина Степановна.

– Да ничего хорошего. Его родители из райцентра сразу в город увезли. Операцию сделали. Перелом ноги со смещением. Мать на меня так орала! И угрожала, как без этого?

– Конечно! На то она и мать... Жаль мальчишку! – промолвила Надя.

– Девки, чую нутром, еще всем нам это аукнется... – сказала Докторица.

– Марина, а почему у вас первая линейка уже завтра? Мы обычно на третий день проводили...

– А чего тянуть-то? Дети друг друга знают. Сегодня все и порешают. Оля, у тебя что, дегтярного мыла нет? Сдохнем все от этого керосина!

– Смотрите-ка, принцесса какая! Мой, чем есть! И не забудь проследить, чтобы кровати в спальнях не соприкасались. Слышали, девчули? Если подруг вшами наградите, не жить вам в лагере, сожрут!

Молодую вожатую Ирочку поставили на четвертый отряд, к детям восьми-девяти лет. А в напарники дали опытного Петра, внука старшего воспитателя Евы Петровны. Петр решил показать стажерке, как надо работать с детьми. Выстроив детей на веранде, он с выражением читал детям правила поведения в отряде. Ребятишки переминались с ноги на ногу. Вздыхали. Устали стоять.

– Никаких вещей на кровати. Все должно быть в чемодане, а чемодан в чемоданной комнате. Ходить туда можно только со мной.

– А с Ирой можно?

– Да, с Ирой можно!

К ребятам незаметно подошла Надежда.

– Добрый вечер! Я вижу, у вас вечерний огонек?

– Нее-е... У нас собрание! – закричали дети.

– А вы уже все друг с другом познакомились?

– Нее-е! Даа-а! – закричали дети. – А я знаю Лену и Марину! А я Витьку, Антона и Игоря!

– А давайте-ка, сядем вот здесь, на пенечки, – показала Надя детям отрядное место рядом с корпусом. Каждый день за пол часа до отбоя у маленького костерка вы будете подводить итоги дня. Чему научились, что нового узнали, какое у отряда настроение и многое другое. Мы попросим вашего вожатого зажечь костерок, он все умеет и вас научит.

Ребята подошли к костровому месту, уселись в кружок и приготовились слушать.

– Ну, давайте знакомиться... Пусть каждый расскажет о себе. Кто первый? Ну, тогда я! Меня зовут Надежда Геннадьевна. Мне почти тридцать лет, я работаю в детском саду руководителем изостудии, учу ребят рисовать. А летом работаю в пионерских лагерях.

– Ой, а это вы разрисовали стены в спальнях? – закричали наперебой дети. – В прошлом году этого не было!

– Я, Ирина, Петр и другие вожатые много сделали для того, чтобы вам было уютно. А еще я люблю петь, правда, очень стесняюсь. И пою только для своих подруг.

– Спойте, спойте. Ну, пожалуйста! – просили дети. И Надежда запела:

«Есть на свете цветок, алый-алый,
Яркий, пламенный, будто заря.
Самый солнечный и небывалый,
Он мечтою зовется не зря.
Где-то там, за крутым перевалом...»

Тихо потрескивал костерок. Звучала незнакомая детям песня, и новая старшая вожатая оказалась вовсе не строгой и злой, как говорил о ней Петя, а доброй и веселой. А потом они рассказывали о себе, смеялись и пели песни, пока не прозвучал сигнал горна «Спать, спать, по палатам! Пионерам и вожатым!»

До постели Надежда еле доползла. Евгений отложил книгу и спросил:

– Надь, ты чего так долго?

– Веришь, даже умыться нет сил.

– Ну, давай я тебе помогу!

Евгений встал, подошел к жене и стянул с нее платье.

– Ой! Щекотно, Женька, перестань.

Женя скинул оба матраса на пол, шутя повалил жену, осыпая ее нежными поцелуями.

И началась веселая возня...

– Жень, ну грязный же пол!

– Да, нормальный пол, кто его пачкал?

Надежда лежала на плече мужа и гладила пальчиками его грудь. На чердаке слышались какие-то звуки.

– Жень, на крыше кто-то ходит. Слышишь: жух-жух! Ой, а сейчас как будто плачет кто-то.

Они прислушались – тишина. Яркий лунный свет проникал в окно. Надежда рассматривала тени на стене.

– Смотри, ветра нет, а огромная сосна шевелится.

– Может, это лось бока чешет?

– Да ну тебя. И так страшно. В лагере всегда свои звуки. А у нас в квартире только поезда слышно. А вот сверчок. Ишь, играет как трудолюбиво!

– Он рассказывает сказку про Буратино! Это очень интересная история, смешная и печальная.

– Рассказывай, давай, я не буду спать, я буду слушать.

Надежда устроилась поудобнее, заглянула мужу в лицо, но тот уже спал...

Глава 3

Раннее утро. Облака нежно гладили солнце своими влажными ладонями. Нежные лучи света прорывались сквозь утренние облачка, и создавалось ощущение, что все вокруг плывет и качается... Качаются сосны, качается трава и даже косматый туман качается в ложбинках.

Легкий ветерок играл с шелковыми флагами на высоких мачтах и гирляндами разноцветных флажков на отрядных кострищах. Лагерь смахивал на старинный корабль. Все постройки старые, деревянные, низенькие. И мачта – высоченный флагшток на линейке. А развешанные на просушку простыни очень похожи на паруса! И плывет он по изумрудным морям лесов и полей в свою романтическую гавань детства...

В халатике, с полотенцем на плечах, с зубной пастой и щеткой в руке, Надежда выбежала на улицу. Потянулась и улыбнулась солнцу и легкому ветерку.

– Господи, благодарю тебя! Как же я счастлива!

Уже умытая и причесанная Надежда будила Евгения, нежно поглаживая по лицу.

– Женечка! Просыпайся, милый! Новый день пришел с утра, на планерку нам пора! Вставай, соня!

Евгений недовольно отвернулся к стене.

– Жень, вставай, пять минут осталось. Нехорошо опаздывать!

– Не хочу, опять каждый день одно и то же.

– Ладно... Зарядку хоть не проспи, – миролюбиво сказала жена и направилась к двери.

– Надь, иди-ка сюда! – позвал ее муж.

– Я опаздываю!

– Ну, поцелуй меня еще...

– Жень, тебе завтра к врачу? – вспомнила вдруг Надежда.

– Может, поедешь со мной? Мне страшно...

– Я не могу бросить лагерь, ты же видишь... Ты мужчина, ты справишься! Помнишь, и в горе, и в радости...

Горн протрубил побудку «Начинаем новый день, прогоняй скорее лень. Спать кончай, глаза протри! На зарядку, раз, два, три!» Лагерь просыпается...

На спортивной площадке стояли Евгений с аккордеоном и физрук лагеря, любимый всеми Михаил Михайлович. Дети звали его Махал Махалыч за то, что физрук постоянно махал руками, словно ветреная мельница. Он был кругленький, небольшого росточка, с блестящей, словно отполированной, лысиной. В свои пятьдесят пять лет он еще играл за городскую хоккейную команду «Альбатрос». Физрук делал приседания и громко выдыхал: «Ффффу! Ффффу! Ффффу!»

Из корпуса первого отряда на спортплощадку вышел Степашка. Лениво подошел к зевающему Василию и толкнул его плечом.

– Ах, пионерский лагерь «Дружба»! Какая природа! Какое буйство красок! Так и хочется взять палитру....

– А еще лучше по два! – подхватил Василий заезженную шутку.

Из корпусов выбегали ребяташки и строились по отрядам. Махал Махалыч засвистел в свисток и стал поторапливать пионеров. Нехотя, почесываясь и протирая глаза, выходили по одному Степашкины воспитанники. Последними плелись Влад и Илья.

– Первый отряд, построились! Задерживаете всех! – закричал Махал Махалыч, и дети вмиг присмирели.

– Как я ненавижу эту зарядку! Так спать хочу! – скулил Владик. – Я вообще-то сова. Дома просыпаюсь только к обеду...

– Ой, да слышал я это: сова, жаворонок! Туфта все это, – ответил раздраженно Илья.

– Разговорчики, отставить! – рявкнул физрук.

– Ничего не туфта. Ученые над этим работают, психологи! – продолжал Влад.

– Чегодаев, Решетников остаются после зарядки!

– Ну, щас начнется... Упал, отжался!

После завтрака состоялась первая линейка. В белоснежных рубашках, красных галстуках и пилотках ровными рядами были построены пионеры. На высокой трибуне плечом к плечу стояли Марина Степановна, Надежда, Константин Алексеевич и Ева Петровна.

За их спиной виднелись огромные стенды: «В стране знаний», «Мы интернационалисты», «В мире прекрасного». А над всем этим великолепием возвышался длинный лозунг «Слава коммунистической партии Советского Союза!»

Председатель Совета дружины Наташа Михеева, открыла торжественную линейку:

– Внимание, лагерь, равняйся, смирно! К выносу дружинного знамени пионерского лагеря «Дружба» приготовиться!

Нога к ноге зашагали по гаревой дорожке знаменосцы. Четко отбивали ритм барабанщики. Взметнулись руки ребят в салюте.

– Лагерь, вольно! Председатели советов отрядов, сдать рапорта! – командовала Наташа.

– Отряд, смирно! Товарищ председатель совета дружины! Отряд «Ритм» на торжественную линейку, посвященную открытию первой смены, построен. Наш девиз! – рапортовал Илья.

– «В ритме века быть человеком!» – отчеканил первый отряд.

– Рапорт сдал председатель отряда Илья Чегодаев...

На крыльцо столовой вышли посмотреть на ребят уже знакомая всем Хлеборезка, шеф-повар Домна Ивановна, дородная, поистине русская женщина, повар Никитична и кухонный работник Евдокия. По возрасту им всем, кроме Зои, было за шестьдесят. Жили они в ближайших деревнях и работали в лагере уже не один год.

– О, пострелята, прискокали как один. Все такие беленькие, чистенькие, гляко, и встали-то все ровнехонько! – добродушно начала разговор Домна Ивановна.

– Посмотрим, какие они чистенькие будут в конце смены! – продолжила Зоя.

– А новенькая-то шустрая такая! Красоту такую в палатах навела! Мы с девками уже успели посмотреть, – продолжила Домна.

– И клеенки на столы новые выпросила. И Маринка-то наша во всем с ней соглашается, – вставила Никитична.

– Да-а! Снюхались, поскакушки! А с Людкой-то, со стервой, зачастую она ругалась, – вспомнила Евдокия.

– И как это Сухов свою кралю в лагерь не отправил? Может, поссорились? – заинтересовалась Домна и достала из огромного кармана поварской куртки семечки подсолнуха.

– Да пусть они как хотят, только б нас не трогали, – решила Зоя, – ой, гляньте, новенькая рапорт Маринке сдает!

– Товарищ начальник лагеря, отряды на торжественную линейку, посвященную открытию первой смены, построены! – громко звучал хорошо поставленный голос старшей вожатой.

– Вольно!

– Отряды, вольно!

– Дорогие ребята! И снова лето! И снова мы с вами вместе! Вы, наверное, заметили, как похорошел наш лагерь, как красиво стало в корпусах, какие интересные заборы, доски и даже термометры погодных условий у нас появились! И это заслуга нашей новой старшей вожатой Надежды Геннадьевны Соколовой. Передаю ей слово.

– Ребята, в мае, когда вы еще учились в школе, работники лагеря – директор, плотник Константин Алексеевич, вожатые, уборщики помещений, работники столовой – наводили порядок и чистоту. Готовили лагерь к открытию. Давайте поблагодарим этих чудесных добрых людей аплодисментами!

Ребята громко захлопали и прокричали «Спасибо». Домна всплакнула и вытерла слезы уголком фартука.

– Не, ну ты подумай, и о нас вспомнили...

А Надежда продолжала:

– Лагерь – наш дом на все лето! И мы с вами должны сделать его уютным, красивым и чистым. И я объявляю завтрашний день – Днем градостроителей. Мы дадим названия всем аллеям, площадкам, уютным уголкам.

Антон повернулся к своим новым друзьям и гордо сказал:

– Видали? Она порядок-то тут наведет...

– Строгая? – переспросил белобрысый Кольча, втягивая голову в плечи.

– Не то слово!

Вечером, переделав массу дел, Марина Степановна решила навеститься к семьям пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, занимавшим небольшие дачные домики на две семьи. Навстречу ей с воплями неслись двое мальчишек, гоняя перед собой мяч.

– Ребята, добежите, пожалуйста, до дачных домиков, где наши гости с Украины живут. Пусть в столовую идут. Для них привезли молоко, – попросила Марина Степановна.

– А мы от этих Чернобыльцев ничем не заразимся? – испугались парнишки.

– Стыдно, мальчишки! Конечно же, вы ничем не заразитесь! Бегите, одна нога здесь – другая там...

«Да, надо бы в каждом отряде провести беседы о Чернобыльском несчастье», – подумала начальник лагеря.

К клубу на праздник «Давайте познакомимся», а если точнее – организационное собрание, строем подходили отряды. Одни пели песню «Орлята учатся летать», другие во все легкие горланили речевку:

«Мы активные ребята,
Потому что октябрюта.
Октябренок, не забудь:
В пионеры держишь путь!»

Ева Петровна всегда сама проводила это мероприятие и сегодня, не спеша, она шла к сцене, здороваясь с ребятами-старожилами и «старыми» вожатыми. Чуть в стороне устроились на стульях Надежда и Евгений.

– Жень, здесь всего лишь организационное собрание, а ты инструменты притащил!

– Ева сказала, песню петь будем «Гайдар шагает впереди!», – со злостью ответил Евгений, – слушай, ты как хочешь, но на музыкальных занятиях у меня никаких Гайдаров и пионеров-героев не будет! Только детские песни. Не нравится – уеду к чертовой бабушке.

К клубу подошел еще один отряд. Они тоже разучили речевку и сейчас решили ее исполнить. Малыши, Алла и Лена! – догадалась Надежда.

– Это чьи ребята? – звонко вопрошали вожатые.

– Октябрюта, октябрюта! – вторили им дети.

– Раз, два!

– Вейся, флаг!

– Три, четыре!

– Крепче шаг!

– Бодрые, умелые!

– Сильные и смелые!

– Звезды алые горят!

– Нет дружнее октябрюта!

Когда все собрались и уgomонились, Ева Петровна начала беседу. Ребята слушали плохо: баловались, откровенно зевали, им было скучно. Но старший воспитатель не сдавалась.

– Ребята, а кто из вас знает, как называлась пионерская организация до смерти Владимира Ильича? – и очень тихо прошептала: «Царствие ему небесное»!

В зале повисла тишина.

– Что, никто не знает? А вожатые? Вожатые знают?

Вожатые опустили глаза, не зная, как бы скрыться от Евы Петровны.

– Стыд! Стыд и позор! Пионерская организация до смерти Ленина, царствие ему небесное, называлась Пионерская организация имени Спартака! А кто из вас знает, кто такой Спартак?

– Футбольная команда!

– Гладиатор, он бился на мечях!

– Спартак Мишулин, он актер!

– Кабачок 13 стульев! – выкрикивали дети.

– Какая ерунда! – прикрикнула Ева Петровна, чтобы прекратить этот хаос. – Спартак – это вождь угнетенных рабов-гладиаторов, который поднял восстание против поработителей.

– А когда это было? При Ленине? – спросил маленький мальчик со второго ряда, ковыряясь в носу и вытирая палец о юбку впереди сидящей девочки.

– Мальчик, ты это... не задавай глупости! Вы, наверное, обратили внимание, что на нашем собрании присутствуют комсомольцы. Это не только ваши вожатые, но и некоторые ребята первого отряда! И у нас, как всегда, будет создана временная комсомольская организация!

Ребята зашумели, и Ева Петровна закричала в зал:

– Тихо, тихо, тихо! За время каникул мы с вами проведем много интересных мероприятий: Зеленая аптека, День именинника, сдача норм ГТО, конкурс рисунков на асфальте, трудовые десанты, мозговые штурмы, конкурс строя и песни...

Ребята вновь загалдели, но старший воспитатель гнула свою линию:

– Лето открывает простор для самого активного участия пионеров в трудовой, общественно-политической и культурной жизни нашего замечательного лагеря.

Надежда посмотрела на посеревшее лицо мужа и решительно поднялась на сцену:

– Ева Петровна! Пожалуйста, можно я познакомлю ребят с новым музыкальным работником? Ребята, знакомьтесь! Евгений Юрьевич! Евгений Юрьевич, ребята, может играть на пианино, на баяне, синтезаторе, аккордеоне и гитаре. А сейчас Евгений Юрьевич споёт вам несколько песен, а вы – подпевайте.

Евгений, взяв гитару, вышел на сцену, уселся на стул и стал насвистывать песенку Никитиных «Ежик резиновый»:

По роще калиновой,
По роще осиновой
На именины к щенку
В шляпе малиновой
Шел ежик резиновый
С дырочкой в правом боку...

Лицо разгневанной Евы Петровны пошло красными пятнами. Поджав губы, она сошла со сцены и, приговаривая себе под нос, стала пробираться к выходу:

– Куда катимся... Куда идем, Господи? Тьфу ты, ежик с дыркой.

Ребята старших отрядов стайками расходились с «собрания». Несколько девчонок во главе с Наташей Михеевой, первой красавицей первого отряда, обсуждали новеньких: Евгения и старшую вожатую.

– А он душка!

– Ну да, поет здорово!

– Так он муж старшой? Или?..

– Лучше бы или...

– А она вам как?

– Нормальная, веселая такая. Ну уж всяко будет лучше Людмилы Витальевны!

Последними из клуба вышли Антон и его новые друзья – Игорек и Кольча. Антон загадочно посмотрел на товарищей и тихо произнес:

– Ребя, зырьте, что у меня есть! Тс-с-с! Отойдем в сторонку!

Мальчишки, поглядев по сторонам, спрятались в кустах за клубом. Антон таинственно достал из кармана чью-то вставную челюсть и, полюбовавшись на произведенное впечатление, гордо произнес:

– Смотрите! Это настоящие зубы доисторического человека.

– Да врешь ты все! – завистливо воскликнул Кольча. – У моей бабки такая же челюсть! Она ее на ночь в стакан ложит! Если бы зубы были доисторические, они бы уже давно сгнили...

Ребята еще раз внимательно осмотрели челюсть, пустив ее по рукам.

– Ничего-то вы, пацаны, не знаете, – с превосходством, снисходительно покачав головой, сказал Антон и отобрал у товарищей реликвию, – человек в земле гниет, а зубы и волосы целые и невредимые остаются на века! Судя по размеру, это был воин... А может быть, это зубы... самого Спартака?!

– Еще чего! Будет твой Спартак в нашем лагере жить, – усомнился Кольча.

– Нда-а! Неинтересно мне как-то с вами разговаривать! Истории своего государства совсем не знаете, – засомневался в пацанах Антон.

– А у нас истории еще нет. Она только в пятом классе будет! – пояснил Игорек.

– Историю своей Родины каждый товарищ должен знать! Здесь, на этом месте, Спартак готовил к восстанию гладиаторов. А потом они двинулись на Рим, ну, в Грецию! Раньше же все расстояния были маленькими... И дойти им было раз плюнуть! Неделя пешком ходом...

– Не-е! Не верится мне, что это зубы Спартака... Уж очень они новые... Ишь, как блестят!

– Вот будешь, Игорюха, зубы чистить два раза в день, и у тебя такие же будут!

Из клуба по громкой связи радист Алексашка передавал объявление:

– Внимание! Всем отрядам! Ребята, кто нашел вставную челюсть нашего повара Домны Ивановны, просим принести ее на кухню. Повторяю, Домна Ивановна случайно потеряла зубы, просим принести их на кухню...

– Да, Антоха! Ну и врун же ты, – рассердился Игорек и отвернулся от новенького.

– И никакой он не врун! – встал на защиту Антона Кольча. Зато с ним интересно! И насчет воина он прав был! Домна – настоящий воин, знаешь, какие она котлы с кашей поднимает? Домна как даст по кумполу – и ты сразу покойник! Пойдем, Антоха, отдадим поскакушке зубы, а то она есть не сможет...

Евгений направлялся в первый отряд, обещал мальчишкам попеть песни под гитару. Шёл, шёл, остановился. И понял – вот, что его раздражает! По территории лагеря разливалась песня «Сквозь огонь и черный дым станет небо голубым». Евгений поморщился как от зубной боли. Как же надоели эти патриотические песни! Ну кто решил, что дети должны их слушать, когда есть столько чудесных детских песен. В «Гагаринце» постоянно ругался с директором, а здесь эта полоумная старуха... Евгений нерешительно постоял и свернул к клубу. Через несколько минут улыбающийся музыкант вышел из здания культуры, поправил гитару на плече и, посвистывая, зашагал по своим делам. Из динамиков нежно полилась мелодия «Милая моя, солнышко лесное».

Из-за угла клуба, как черт из табакерки, выглянула Ева Петровна. Она оглянулась по сторонам и нырнула в клуб. Из эфира полилась бравурная музыка: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым». Ева Петровна выбежала, как нашкодивший ребенок, и спряталась за клуб. Евгений остановился, развернулся и в несколько прыжков очутился у клуба. Почти сразу репертуар изменился: «Где, в каких краях мы встретились с тобою», – напевал Юрий Визбор. Евгений вышел и медленно пошел по тропинке к первому корпусу. Но даже не дойдя до нужного отряда, он снова услышал громкое:

Заветной весны высота не взята,
И надо с дороги не сбиться.
Мечта наша, гордая наша мечта,
Ты можешь на нас положиться! – надрывался Иосиф Кобзон.

Евгений покраснел и в сердцах плюнул:

– Ну, карга старая! Испортила ж настроение!

А Ева Петровна, чувствуя себя победителем, вышла на крыльцо и погрозила в след музыканту кулаком:

– Бес! Бес проклятый! Ничего святого у этой молодежи! Ничего!

– Чего так долго? – спросил Женя у жены, откладывая в сторону журнал «Юность».

– Жень, как всегда. Обход, то да сё!

– Я соскучился!

Евгений ловко поднялся с кровати, подошел к Надежде. Протянув руку, медленно провел пальцами по ее губам, щекам. Взяв её лицо в свои ладони, он легко коснулся губами ее губ.

– Ну, подожди, Жень. Дай я разденусь.

– Я сам, я всё сам.

Голые железные кровати с панцирной сеткой сверкали своей новизной. На сброшенных на пол матрасах лежали супруги. На руке Евгения уютно устроилась Надежда. Он взял её руку, положил её на свое сердце.

- Ты так красива, так нежна и прекрасна...
- И я люблю тебя...

Глава 4

На территории лагеря стояла тишина. Лишь изредка встрепенется и подаст голос какая-то пичуга. Дети спали сладким сном, а в пионерской комнате уже проходила летучка. Вожатые получали задания на день.

– Итак, друзья! День бантика и солнечных зайчиков – это море улыбок, шуток, розыгрышей, обнимашек, целовашек. А мы сами... что делаем? – воодушевленно обращалась к молодым людям старшая вожатая, размахивая рукой.

– Подаём пример! – закричали вожатые, на лицах которых были нарисованы яркие веснушки, а на волосах завязаны разноцветные смешные бантики. – Да, мы готовы!

– В одиннадцать часов «Веселые старты» для всех отрядов, кроме первого, а через полчаса начнется «Комический футбол»! Ребята, ну фантазию проявите, придумайте что-нибудь! И чтобы у мальчиков не было никаких ЭТИХ, – выразительно показала Надежда на грудь. Вожатые захихикали.

А Надя уже повернулась к физруку.

– Михал Михалыч! Помощь нужна?

– Не, Наденька, у меня уже все готово. Я даже вожатым костюмы придумал. Трусы огромные! В ромашку! Вчера Клавдия Ивановна сшила из списанных занавесок.

– Умница вы наш! Вожатые, после полдника собираемся в клубе. От каждого отряда по одному веселому номеру. Потом экспромт-концерт. Ну, это я проведу.... И дискотека. Вопросы? Нет вопросов... Евгения Юрьевича сегодня не будет. Пользуемся магнитофоном. Александр вам в помощь!

– Не понимаю! – раздался властный голос Евы Петровны. – Что за чушь я сейчас слышу! Обнимашки, целовашки! Это же сплошное баловство! Не лучше ли нарвать ромашек для аптеки? Или провести смотр строя и песни?

– Нет, не лучше! – воскликнула непокорная вожатая. – Я считаю, что если после каждого «баловства» ребенок сможет ответить на вопросы «Чему я сегодня научился?» «Что нового я узнал и понял?», то можно считать, что день прошел не зря! И не зря мы здесь с вами работаем! Но иногда дети хотят и просто повеселиться...

– Вооот! Точно! Я всегда так думал, но не мог выразить словами, – закричал Степанов.

– Надежда Геннадьевна! – встала со стула Ева Петровна. – Меня все мучает вопрос. А где Евгений Юрьевич? Он почему-то часто пропускает планерки. А это в нашем лагере не позволительно.

– Ева Петровна, сегодня Евгений Юрьевич взял законный выходной и уехал в город на прием к врачу.

– Вооот! По поводу врача. Он ведь у вас воевал в Афганистане? У него с психикой все в порядке?

Вожатые недовольно зашумели.

– С психикой, Ева Петровна, у нашего музыкального руководителя всё в порядке. Медицинское обследование он проходил вместе со всеми. И если вопросов больше нет, планерка закончена.

– Ладно, Марины Степановны здесь нет, а мне с молодыми да ранними тягаться не след!

Ева Петровна отшвырнула стул и гордо прошествовала к выходу. Вожатые притихли.

– Все хорошо, ребята! – подбодрила Надежда вожатых. – И если ваши дети захотят помочь аптеке или помаршировать, то я не против. А сейчас всех прошу на зарядку! И не отлынивать, Вася и Сергей!

В городской поликлинике у кабинета ВТЭК, как всегда, толпился народ. Больные шумели и нервничали. Евгений уже давно перестал понимать, за кем он стоит и кто занял очередь за ним. Кто-то со скандалом входил в кабинет, и тут же поднимался крик, кто-то выходил. Евгений, чтобы не потерять спокойствие, стал думать, а как же расшифровать эту загадочную аббревиатуру ВТЭК? «Врачебно-трудова́я эксперти́зная комиссия», – подумал он, и почему-то на ум пришёл тот роковой день...

1986 год.

Он вспомнил, как три года назад Надежда металась по небольшой кухне, боясь разбудить детей. Ничего не понимая, она в который раз спрашивала:

– Ну как же так? Как же так, Женя? Ну ведь ты же можешь не ехать. Отслужил уже, хватит.

– Ну не могу я отказаться, Надя, все наши едут! Всего на год!

– Но ведь у нас маленькие дети. Шуручке еще только два! Как же мы без тебя?

– Надя, я буду присылать деньги! – успокаивал жену Евгений.

– Да не нужны мне твои деньги! Ты хоть понимаешь, что тебя могут убить? Доброволец ты чертов!

– Надя, ну не надо устраивать трагедий. Год пролетит мгновенно... Ну хватит.

И вдруг Надежду словно озарило. Она села на стул и подняла на него свои огромные заплаканные глаза.

– Я все поняла. Ты просто уходишь от меня. Тебе надоела бытовуха – дом, дети, работа, которую ты не любишь... Ты просто уходишь от нас туда, где легко.

– Это в Афгане-то легко? Но послушай, Надя!

– Я не хочу ничего слушать... Когда ты уезжаешь?

На очередной шум из кабинета вышла задёрганная медсестра. С трудом наведя порядок в очереди, она заметила Евгения.

– Соколов, Соколов! – подошла она к нему. – Степан Ильич сегодня не принимает, заболел. А вам надо именно к нему! Через недельку звоните в регистратуру, узнавайте! Да! Поднимитесь-ка в кабинет МРТ, заберите заключение обследования и принесите, когда придёте на прием.

На футбольном поле разгорались нешуточные страсти. Команда вожатых «Блошки» уже забила три мяча в ворота первого отряда. Разоделись футболисты кто во что горазд. На фоне вожатых-акселераторов Надежда смотрелась пионеркой второго отряда. Она ловко перехватила мяч у перепачканной с головы до ног в земле Раисы и повела его к воротам. Судья, Махал Махалыч, подпрыгивая, словно мячик, бежал рядом и давал девушке наставления:

– Надюша, ну чего ты носишься колбасой? Не лезь в гущу, растопчут! Крутись с краюшку... да не лезь ты в центр, ведь раздавят, – уже кричал он, видя, что старшую вожатую окружили мальчишки первого отряда, путаясь в женских платьях.

– Гол! – взорвались трибуны криком. – Урррррааааа!

– Четыре—три! – кричал в рупор судья. – И благодаря последнему забитому мячу в ворота команды «Кваки» победа достается команде вожатых! Команда «Блошки», прошу принять медали!

Евгений подошел к кабинету магнитно-резонансной томографии, вежливо постучался и приоткрыл дверь кабинета. Из-за стола встала рентген-лаборант и истерично закричала:

– Да что ж это такое! Закрыто уже, закрыто на перерыв. Проветривание! Ни тебе чаю выпить, ни вздохнуть, ни охнуть! Видите, написано «Технический перерыв»!

Евгений взял себя в руки, чтобы не нахамить женщине, и ласково произнес:

– Милая сестричка! Вы уж простите, что доставляю вам неудобства, но ехал уж больно далеко. Меня послали забрать снимок головного мозга Соколова Е. Ю. Это очень важно, – елеиным голосом пропел он.

Медсестра, сменив гнев на милость, подошла к железному стеллажу возле окна и принялась рыться в бумагах.

– Когда делали? А вот! Нашла. Евгений Юрьевич? – сухо спросила она и глазами пробежала по результату обследования. – А вы кто Соколову будете? – Евгений чуть помедлил и выпалил:

– Брат я ему! Родной брат.... Близнец!

– Такой же красивенький? – кокетливо спросила лаборант.

– Лучше!

– Жалко парня-то! Горе-то какое... Мать-то бедная... Женат? Дети есть? – засыпала женщина Евгения вопросами.

– Так что там... с братом?

– Так опухоль у него! Умрет скоро!

– Вы что, серьезно?

– Так серьезней не бывает...

– Но год назад ничего не было! Только контузия...

– Даааа, – протянула медсестра, – нет, нет ничего, а потом – бамс!

По лагерю в нелепом костюме «блошки» быстрым шагом шла сердитая Надежда. За ней вприпрыжку бежал сын и оправдывался.

– Мама! Я честно говорю! Я его не обижал! Это все ребята, а я и слова не сказал!

– Но ты его не защитил, – резко остановилась мать, присела и посмотрела сыну в глаза.

– Антоша, представь, а что, если бы с тобой произошел несчастный случай, как с Тарасиком? Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить! – сплюнула через плечо Надежда. – И у тебя одна нога стала короче другой. – Тьфу, тьфу, тьфу! – ещё раз сплюнула Надя. – Ты хочешь играть с ребятами, хочешь, чтобы у тебя были друзья, а тебя все гонят от себя, обзывают, дразнят. Представил?

Антон крепко зажмурил глаза и насупил брови.

– Ну, и что ты чувствуешь?

– Мама, я чувствую, как мне обидно и больно в сердце. Мне хочется плакать... Мама, я все понял, я возьму этого мальчика под свою защиту!

– Молодец! Ты у меня настоящий мужчина! А Тарасику нужен друг и защитник!

От этой свистопляски с утра до вечера физрук Махал Махалыч немного приустал. Все-таки уже возраст преклонный. Побегай-ка с этой молодежью да по жаре. Пора и отдохнуть, подзаправиться, а то завтра турнир по шахматам. Махал Махалыч со своими мыслями не заметил, как столкнулся со сторожем Еремеичем. Тот, пыхтя, пёр на себе огромную сломанную ветку, бурча себе под нос!

– Ишь, до чего докумекали! Тарзанку заделали. А дерево вдрызг! Сломали... Бешенные кашалоты...

– О-о! Привет, Еремеич! Какие там у тебя кашалоты?

- Да ведь глянь, какое дерево сломали...
- Слушай, любезный, будь другом, – обратился физрук к Еремеичу, – добеги ты до нашей старшей! Пусть срочно напишет плакат «Шахматно-шашечный турнир»!
- Да, други, мои други! Да я все для друзей, едришки-раскадришки! – бросил ветку Еремеич и с силой потряс руку физруку.
- Ну, я надеюсь на тебя! Не подведи!
- Ни-ни, – заверил его сторож, пнул ногой ветку и понесся к пионерской.
- Ну и Слава Богу! – успокоился пожилой физрук. – Им надо, пусть сами и пишут!

Пионерская комната была открыта настежь. Надежда все время забывала её закрывать на замок. Зато ключ от замка всегда болтался у нее на шее. Вот и сейчас: убежала в клуб готовиться к вечернему концерту и-и-и... «Заходите, люди добрые, берите, что хотите!» – подумал Еремеич.

Он вошел и осмотрелся. «Однако чисто у неё, не то, что у Людки». На столе разложен лист ватмана, краски, кисти, вода. Еремеич, ничтоже сумняшеся, взял самую толстую кисть, смачно макнул ее в краску и написал красивый плакат. Залюбуешься!

Уже совсем стемнело. Начал накрапывать противный мелкий дождик. Лампочку у фонаря на автобусной остановке опять кто-то разбил. Руки бы им поотбивать... Надежда близоруко вглядывалась вдаль. Увидев выезжающий из-за поворота рейсовый автобус, она улыбнулась. Автобус остановился, шурша шинами. Из него сошли трое уставших дачников в плащах и резиновых сапогах и направились в сторону Опяток. Евгения не было. Надя расстроилась. Побрела назад. У домика начальника лагеря Надя заметила мелькнувшую фигуру Марины Степановны.

– Марина! – крикнула она.

– Ну чего, не приехал? – спросила подруга. – Это был последний автобус... Ну, не расстраивайся, завтра приедет, ну опоздал человек, всякое бывает... А, может, прием перенесли...

– Нет, что-то случилось! Надо было мне с ним ехать, – расстроилась Надежда.

Девушки два раза обошли лагерь с обходом, пожелали всем спокойной ночи, но расстались с тяжелыми мыслями.

Надежда долго крутилась на узенькой кровати, и дурные мысли одолевали ее. Решила думать о хорошем... Хорошее – это то, что прошло совсем немного дней, а они так сдружились с Мариной, словно знали друг друга всю жизнь. Да и Ольга – Докторица – чудесный человек. Незаметно Надя задремала. Ее разбудил громкий звук. В темноте Евгений задел стул и выматерился. Надежда подскочила на кровати:

– Жень, включай свет, я не сплю! А ты на чем приехал?

– На такси.

– Ты что, с ума сошел? Это же такие деньжищи... – похолодела от ужаса Надя.

– А ты что хотела, чтобы я на вокзале с бомжами ночевал? – резко, даже агрессивно оборвал Евгений жену.

– А чего задержался? Я ждала тебя, все автобусы встречала. Жень, ты что, выпил? Что случилось?!

– Ничего! Все в порядке! Товарищей встретил. С кем не бывает?... — сменил Евгений гнев на милость и запел:

Батальонная разведка!

Мы без дел скучаем редко.

Что ни день, то снова поиск, снова бой.
Ты, сестричка в медсанбате,
Не тревожься, Бога ради,
Мы до свадьбы доживем еще с тобой!

– А врач тебе что сказал? На ВТЭКе ты был? – не унималась Надя.
– Ну чего разгалделась? Надоела, как собака... со своими вопросами... Сказал, все в порядке! Здоров я! Здоров!

Глава 5

Утренняя планерка заканчивалась, и Надежда давала последние наставления водителям:
– Ребята, я еще раз повторяю: не хотят дети спать – читайте им книги Крапивина, Гайдара, Носова, Драгунского. Да «Петрова и Васечкина», наконец...

– А я, как педагог с огромным стажем, заявляю: дети в тихий час должны спать! Все, от мала до велика! – вставила свою реплику Ева Петровна. – А вы как считаете, Ольга Григорьевна? – повернулась она к присутствующей на летучке Докторице.

– Как доктор, я тоже считаю, что малыши пятого и шестого отряда все-таки спать должны...

– Ладно, пусть будет так! – согласилась старшая водятая и взглянула на часы. – Так, время, ребята! Ну все! Каждый из вас знает, что надо делать! Да! И прическа – конский хвост! Музей открываем в девятнадцать часов. С «Днем метлы», дорогие товарищи!

Надежда встала, показывая, что все свободны. Водятые весело повскакивали с мест и, услышав сигнал на побудку, ломанулись к дверям. Махал-Махалыч задержался.

– Надюша! В одиннадцать часов я провожу шахматно-шашечный турнир среди мальчиков третьего и второго отрядов. Плакат с названием Еремеич уже прибил, так что всё чики-брики!

– Вот, все бы были такими ответственными, как вы, Михал Михалыч! Все сам, все сам! – без устали нахваливала Надя своего любимчика.

Надежда решила до завтрака немного прибраться в комнатке и предстала перед мужем в образе Бабы Яги. Волосы взлохмачены, на лице пятно. С тряпки на пол капает грязная вода. Подол халата заправлен в трусики.

– Что за привычка мыть чистые полы? – пробурчал Евгений.

– Никакие они не чистые! Ты сходишь за водой?

– Где я тебе ее возьму? Я уже и водопровод весь вычерпал, и озеро.

Над головой Евгения пролетела мокрая тряпка и приземлилась в коридоре. Немного погодя, вслед за тряпкой в прихожую было выставлено и ведро.

– Ух и злая ты! Почему, когда бабы моют полы, они такие злые?

Евгений взял ведро и пошел к двери. На пороге остановился и повернулся лицом к жене.

– Тяжело тебе со мной? Я несносный?

– Сносный!

– Тяжелый?

– Легкий!

– Угрюмый?

– Веселый! Я люблю тебя!

– И я тебя!

Завтрак закончился, а после него остались горы песка на полу, тонна крошек на столах, не убранные стаканы с жидким кофе, недоеденная каша и посреди всего этого – смурная Хлебозка. И где, спрашивается, дежурные?

– Нет, ну вы подумайте, это я за свои гроши должна еще и посуду со столов убирать?

Хорошо еще, что Вася с завтраком припозднился, а то бежать бы Надежде в третий отряд.

Она дала поручение Василию и вновь подседа к девушкам. Рассеянно размазывая пшеничную кашу по тарелке, она грустно выкладывала подругам свои горести:

– И его как подменили... Он все время мне грубит. Гадости всякие говорит. И эта постоянная необоснованная ревность...

– А что доктора наши прославленные говорят? – поинтересовалась эскулапша.

– Он утверждает, что все хорошо. Дали вторую группу. Работу можно какую-нибудь искать. Спокойную, конечно... Свекрови я звонила, но она все то же говорит...

В столовую вошел Евгений. Кривляясь и пританцовывая, он отвесил девушкам низкий поклон и помахал невидимой шляпой.

– Милые дамы! Наше вам с кисточкой! «Какой сегодня чудный денек! Даже и не знаю, то ли чаю выпить, то ли повеситься...»

– Привет, Жень! И тебе не хворать! Садись к нам! Мы тут уже добавочку хомячим! – позвала его Марина.

– Девчонки! Смею вам напомнить, что пингвины – это ласточки, которые слишком много ели, – хитро улыбнулся Евгений, погрозил девушкам пальцем и направился к раздатке.

– Да ну тебя, Женька! Пройдет, мозг запудрит – и думай потом, что сказал... Балабол! – пожалала плечами Докторица.

У въезда на территорию лагеря под деревянным грибочком сидела миловидная девятилетняя Леночка Анисимова и крутила в руках кубик Рубика. Антон и мальчик-толстячок по имени Гена с завязанными чуть выше локтя красными повязками катались на скрипучих воротах. Генчик доедал кусок булки, а Антон, поглядывая на Леночку, делал быстрые вращения с одной стороны забора на другую, успевая при этом рассказывать друзьям байки. Сегодня четвертому отряду выпала честь дежурить по лагерю. Раньше им не разрешали, говорили, что маленькие, но с приездом в лагерь новой старшей вожатой многое изменилось.

– А еще вот такой анекдот, слышал? Винни Пух жует булочку. К нему подходит Пятачок: «Винни, Винни, дай булочку укусить!» Винни: «Это не булочка, а пирожок!» «Ну, дай пирожок откусить!» – сделал очередной пируэт Антон и продолжал. – «Это не пирожок, это пончик!» «Ну, дай пончик куснуть!» «Слушай, Пятачок, отстань! Ты сам не знаешь, чего хочешь!» – залился смехом Антон и сделал еще один кувырок.

Генчик тупо посмотрел на товарища и спросил:

– Ну и чего? Чего он хотел-то?

– Ну ты, Геха, даешь! До тебя, как до утки, на третьи сутки... – махнул Антошка рукой на Гену и посмотрел на дорогу. К лагерю приближались три машины.

– Опаньки! Ворота закрываем срочно! А ты, Генчик, скорее к Марине Степановне!

Видя, что Генчик тормозит, Антошка развернул толстяка и скомандовал:

– К директору, Гена, дуй быстро! Скажи: машины чужие у ворот! Бегом, Гена, бего-о-ом!

Антон быстро повесил на ворота навесной замок, у которого не было ключа, а сам он только создавал видимость, что ворота на запоре! Антошка подсел к Леночке под грибочек и с интересом стал рассматривать волшебный кубик.

Подъехав к воротам, машины остановились. Из первой, потягиваясь, вышел Сухов. За ним эффектно вышла куратор лагеря по воспитательной работе, а попросту – проверяющий из ГОРОНО. Аккуратная модная стрижка, деловой твидовый костюм, на губах дежурная улыбка, а в глазах весь холод Арктики. Женщину по имени Изольда Арминаковна боялись все, начиная от Сухова и заканчивая кухонной работницей из столовой лагеря. Она бы горы свернула, чтобы всех посадить по тюрьмам, но жаль, королевство маловато, разгуляться негде! С других машин вышли пять человек. Каждый от своего ведомства: СЭС, пожарники, бухгалтерия, детская поликлиника. В общем, как бы сказала Марина Степановна, «чайки слетелись»...

Леночка чинно подошла к воротам и ясными чистыми глазами посмотрела на гостей:

– Здравствуйте! Вас приветствуют дежурные отряда «Непоседы» пионерского лагеря «Дружба». Наш лагерь гостям всегда рад! – промолвила она свои слова.

– Так открывайте же ворота, дежурные! – заворковала гостя.

– Тетенька, а вы начальство? – поинтересовался Антон. Он взрослые правила знал. В лагере «Гагаринец» прежде чем впустить проверяющих, всегда сначала предупреждали начальника лагеря.

– Дааа! Можно и так сказать...

– Ну, открывай! – повернулась к Антону девочка.

– Как, а пароль? – возмутился дежурный.

– Какой пароль, открывайте быстрее! – занервничала женщина.

И тут Антон продемонстрировал непреклонность и железную волю.

– Нее! У нас здесь строго! Без пароля нельзя!

– А вот нам-то как раз и можно! – не сдавалась Изольда Арминаковна.

– Так, значит, пароль вы не знаете? А, может, вы шпионы?

– Ну, хватит, пацан! Быстро открывай! – не выдержал Сухов.

– А, может, вы смертники из Афгана. Может, у вас в машине взрывчатка? А здесь дети! Нее! Пароля нет – и ключа нет. А ключ-то все равно у Гены, а Генчик побежал... Ну это... по-маленькому... – объяснял Сухову мальчик, – а, может, и по-большому... Он булку ел! Щас он придет. А ты, Леночка, сбегай-ка за Геной, пусть он там побыстрей!

Солнце припекало. Члены комиссии спрятались от летнего зноя в машине. И только Изольда Арминаковна и Николай Павлович стояли у ворот. Антон повис на воротах и развлекал «дорогих гостей».

– Тетенька, а вас как зовут? – обратился он к женщине.

– Изольда Арминаковна, – нехотя ответила та.

– Да, язык сломаешь. Изольда – это изо льда? Красиво! Тетенька, а это машина государственная?

– Государственная? Нет, отчего же, личная.

– Зыканская! Дорогая?

– Что? Да не знаю я! Дорогая!

– Да, видно, что дорогая! А сколько лет вы на нее копили?

– Какая бестактность!

– Мальчик, перестань, иди, поищи своего товарища. Нет, лучше взрослых позови! – вмешался председатель профкома.

– Да-а-а! Ништяк! Машина, конечно, удобная. Одним словом – «Москвич»! 80-го года? Отличная сборка. Тормоза, наверно, зыканские! Много тормозной жидкости уходит? Подвеска, наверно, нормальная... – Антон словно и не слышал, что ему сказал приезжий.

– Что? – не поняла женщина изо льда.

– Да, говорю, коробка передач четырехступенчатая... наверно...

На летней танцевальной площадке Евгений поджидал детей шестого отряда и наигрывал «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик». На березе сидела большая черно-белая птица и внимательно, с любопытством глядела на него, поворачивая голову то на один бок, то на другой. «Ишь ты, музыку слушает», – удивленно подумал Евгений. Где-то совсем рядом послышался плач ребенка. Евгений снял тяжелый аккордеон и заглянул под сцену. Там, согнувшись в три погибели, прятался маленький белобрысый мальчик.

– А кто это у нас тут сырость разводит? А у меня от сырости инструмент не играет.

Мальчик с опаской и недоверием посмотрел на музработника.

– Что, не веришь? А ну-ка, сам попробуй! Иди сюда! Вот, держи

аккордеон...

– Ой, он тяжелый! – шмыгнул носом и вытер рукавом слезы малец.

– А ты сядь! Так... Растягивай меха, во-о-т! А теперь этой рукой на кнопки нажимай!

Молодец! А звать-то тебя как?

– Тарасик... – прошелестел мальш.

– А любишь ли ты музыку, Тарасик?

– Люблю! Я петь очень люблю!

– А плакал-то чего?

– Ребята дразнят, инвалидом называют...

– А что у тебя не так?

– У меня одна ножка короче другой!

– Да, брат, а я ведь тоже инвалид. Правда, меня не дразнят. Но инвалидов везде не любят!

А ну-ка, спой мне что-нибудь!

– Вот прямо взять и спеть?

– Да, любую песню, которая нравится...

Тарасик сначала тихо, робко, а потом все увереннее и звонче запел:

Не печалься о сыне, злую долю кляня.

По бурлящей России он торопит коня.

Если снова над миром грянет гром,

Небо вспыхнет огнем,

Вы нам только шепните,

Мы на помощь придем...

С удивлением и уважением Евгений разглядывал парнишку.

– Ну, Тарасик, ты меня удивил...

– Вам понравилось? Я еще много песен знаю...

– Давай-ка мы с тобой будем отдельно заниматься, согласен? Приходи сюда в 12 часов каждый день. А вожатым скажи, чтобы отпускали.

К площадке подходил шестой отряд. Молодые вожатые Алла и Лена издали увидели Евгения и разулыбались.

– Ты глянь-ка! Женечка-то у нас хромоножку жалеет... Ой, обнимает его... – ехидно протянула одна из девушек.

– Алка, ну не перестаю тебе удивляться! Ты и вправду, такая бесчувственная стерва? – спросила у нее подруга и пристально посмотрела ей в глаза.

Алла приосанилась, сделала стойку и засверкала глазками:

– Евгений Юрьевич! Мы пришли! Вы нас ждете? А мы скучали... – крикнула Аллочка и кокетливо поправила коротенькую юбочку.

Тыбыдым, тыбыдым, тыбыдым! Словно молодой конь неслась к воротам Марина Степановна. Волосы растрепались, щеки покраснелись. Тяжело дыша, за ней вприпрыжку неслись пунцовый Генчик. С перепугу мальчик начал икать.

– И ещё... ик... сзади машина... ик... серая... ик... а за ней... ик... белая!

Проверяющие сидели на траве и с тоской смотрели на ворота. Антон занимал их беседой, но его уже никто не слушал.

– Да, повезет тому, кто накопит на такую машину! Только мой папа говорит, что такие машины только у воров бывают... А коробка передач...

Марина Степановна подбежала к воротам и закричала:

– Дежурные, открывайте ворота, где ключ?

Антон подошел к воротам, дернул за замочек, и он тут же открылся. Марина трясущимися руками открыла настежь ворота.

– Ой, извините, Николай Павлович, Изольда Арминаковна, вы уж нас простите за задержку. Проезжайте, пожалуйста, гости дорогие!

Антон подбежал к машине, попытался заглянуть внутрь, но куратор резко оттолкнула его и злобно прошипела:

– Поганец! Мать твою...

Машины проехали мимо стендов с фотографиями пионеров—героев, а Антон поправил красный галстук и салютом проводил гостей.

– Проезжайте, пожалуйста, гости дорогие! В нашем лагере гостям всегда рады...

С большим трудом удалось Марине Степановне успокоить членов комиссии. И только после того, как Домна Ивановна накормила их вкусным завтраком да еще что-то сунула им в сумочки со словами «А вдруг в дороге сладенького чего захочется!», проверяющие разошлись по лагерю.

Изольда Арминаковна важно вошла в игровую комнату. За ней, смотря себе под ноги, плелась Надежда. Подобострастно заглядывая в лицо проверяющей, семенила Ева Петровна.

– А что это здесь за бардак? Занавески оборваны... Штаны валяются... А это что разбросано? – показала она на рисунки, лежащие на полу.

– Рисунки детей сохнут, – пояснила Надя.

– Рисовать, как, между прочим, и мастерить, нужно в кружках. Так, посмотрим уголок отряда... Не вижу плана на сегодня! – куратор строго взглянула на старшую вожатую. – А почему вы мои замечания не записываете?

– А я запомню! Крыльцо, бумажка, занавески, штаны, рисунки...

– Я все записываю... – выскочила вперед Ева Петровна, – согласна, исправим, сделаем!

Пройдя по территории лагеря, троица дошла до клуба, на дверях которого висела надпись: «Музей метлы». Войдя в помещение, Изольда Арминаковна сразу увидела здоровенную метлу дворника с приклеенными большими глазами и огромными ресницами. Метла была наряжена в юбку и старую шаль. Рядом висела надпись «Её величество метла».

У стен клуба были расставлены метелки, веники, щетки, швабры. На столе разложены сочинения и сказки детей: «Использование метлы в магии», «Волшебная метла», «Метла в русских народных сказках», «Сказки и сказочки о метле».

На стенах – пословицы и поговорки. Проверяющая взяла в руки альбом «Загадки про метлу» и прочитала вслух.

– «Старая бабка по двору шныряет, чистоту соблюдает...» Это что? Что это?! Что за ерунда?! Чем вы здесь занимаетесь?! – закричала куратор. – Вы комсомолка! Вам доверили воспитание нашего молодого поколения. Чему вы детей учите? Идола нашли? Метле поклоняетесь?

– Не метле, а труду! – пыталась объяснить ей Надя.

– А я предупреждала... А я говорила... – выскочила со своим блокнотом старший воспитатель.

– Все выбросить, все закрыть! Немедленно! – закричала и притопнула ножкой куратор.

– Изольда Арминаковна, но ведь трудились дети, трудовой десант... все подмели, даже шишки с хвоей, – объясняла Надежда.

– Видела я: подштанники в палате валяются!

– Конкурс рисунков, рассказов, сказок о метле – это же такое творчество! А вечером – веселье! Песни, танцы, сценки и награждение боливарами, – Надя попыталась донести идею праздника до проверяющей.

– Чем награждение?

– Боливары, деньги такие! Ну, денежная единица Венесуэлы. Названа в честь борца за независимость стран Латинской Америки Симона Боливара!

– Вы... Да вы!.. Вы же растлеваете души ребят! За то, что они убираются, вы им платите деньги? А что дальше? Они без денег и чихнуть не захотят? И что они потом с этими деньгами делают?

– А в конце смены ребята обменивают их на канцтовары и сладости.

– Неслыханно! Надо ревизию сюда посылать! Это же ни в какие ворота...

– А я говорила... А я предупреждала... – строчила в блокнот замечания Ева Петровна.

Изольда Арминаковна со своей свитой – Надеждой и Евой Петровной – продолжала осматривать территорию. У второго корпуса проходили соревнования по шахматам. Физрук, увидев свою старую знакомую, напустил на себя важный вид и встал аккуратно под ярким плакатом, написанном огромными корявыми буквами: «Шашмачно-шахечный турнир».

Разочарованная воспитательной работой в лагере куратор остановилась у деревянного туалета и дала подержать свою сумочку Еве Петровне.

– Там все чистенько, Изольда Арминаковна! Это туалет для вожатых. И бумажка есть... – зачирикала Ева Петровна.

Куратор зашла в туалет и закрыла дверь на засов. Не успела она поднять платье, как взгляд ее упал на исписанные мелом двери. Изольда прочитала: «Посмотри налево». Она послушно повернула голову. «Посмотри направо». Она опять повернула голову. «Посмотри назад, а теперь наверх!»

Член комиссии посмотрела на потолок и прочитала: «Что ты все время вертишься? Делай свои дела и уходи!»

Изольда Арминаковна, так и не сделав своих дел, изо всех сил хлопнула дверью туалета и с криками подбежала к своим подчиненным.

– Возмутительно! Государственное добро испохабили. Ответите, Соколова! За все ответите!

– А я говорила... Предупреждала... – довольная своей прозорливостью, тихо сказала Ева Петровна.

После сытного обеда, на славу приготовленного Домной Ивановной, члены комиссии стали расходиться по машинам. Их провожать вышли директор лагеря, Докторица, бухгалтер и завхоз. У каждого проверяющего в руках были довольно-таки увесистые сумки. Изольда Арминаковна возмущенно высказывала свое недовольство Марине Степановне по поводу новой старшей вожатой:

– А я настаиваю на увольнении. Она абсолютно некомпетентный в педагогике человек... И вообще, откуда она взялась, эта Соколова? И где Людмила Витальевна? Вот уж у кого всегда был порядок!

Вдруг одна из женщин-членов комиссии схватилась рукой за сердце и, словно рыба, стала беззвучно открывать и закрывать рот, показывая на высокое дерево, на самой макушке которого восседал Антон.

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! – выглядывал он из-за ветки.

– Мальчик, слезай немедленно! Не бойся, миленький! Слезай потихонечку, вниз не гляди... Мы тебя ругать не будем! Спускайся, ну же! – уговаривали мальчишку члены комиссии.

– Тетеньки, милые, да вы не бойтесь, я сын старшей вожатой! – успокоил их Антон. – Я просто хотел немножко вас развеселить!

– Ну конечно... так вот чей это мальчик, – почему-то обрадовалась Изольда Арминаковна, – а чего от него ожидать? Какая мать, такой и сын!

Проверяющие погрузились в машины. Окно автомобиля Изольды Арминаковны открылось, она высунула голову и, поравнявшись с Мариной Степановной, зло процедила сквозь зубы:

– А мальчика гнать надо из лагеря! Поганой метлой гнать!

Марина Степановна махала рукой отъезжающим машинам и вполголоса кричала:

– С днем метлы-ы в-а-а-с-с, гости дороги-и-и-ие!

Вечером в подвале корпуса первого отряда на самодельных скамейках, покрытых газетами «Комсомольская правда», притулились ребята: Наташа, Влад, Илья, здоровяк Жора по кличке Жирдяй, Сенька, Вован и Нелька. У всех этих ребят родители работали на заводе и водили хорошее знакомство с Николаем Павловичем Суховым или же работали в лагере.

Этот подвал ребята обнаружили еще в том году, и зачастую им удавалось уединиться там, не вызывая подозрения вожатых. Сегодня они решили отпраздновать заезд.

В центре подвала стоял перевернутый ящик из-под молочных бутылок, олицетворяя собою стол. На мятой газете, выстроившись в ряд, стояли заляпанные пальцами, давно не мытые граненые стаканы. Украшением стола были две конфеты «Белочка» – целое богатство. Слипшиеся «Подушечки» и несколько кусков заветренного хлеба завершали картину.

– Ну, что, друзья мои? Я сегодня добрый! Угощаю! – Влад покрутил перед носом у девчонок красивым фирменным пакетом и достал из него бутылку вишневого ликера. – Алле! Фокус-покус!

– Вау! Вот это да! Ну, ты дал! Откуда богатство? – наперебой загалдели ребята.

– Из лесу, вестимо! А это специально для тебя, – загадочно посмотрев на Наташу, Владик достал из того же пакета бутылку фанты.

Девчонки заверещали. Илья бросил на Наташу укоризненный взгляд. Домовитый бесхитростный Сенька по-хозяйски взял бутылку и стал разливать вкусно пахнущую жидкость по стаканам. Влад дернулся и закричал:

– Стоп, стоп! Ты че, оборзел? Дай сюда! Это тебе не водяра, стаканами глушить, – отобрал бутылку у товарища Влад, – ликер пьют обычно после обеда или ужина маленькими глотками, запивая каждый глоток черным кофе или хорошим чаем, – смягчился Влад.

Нелька, шустрая, хитрая, развязная деваха, игриво поинтересовалась:

– А где же кофе? Или чай?

Нельке уже исполнилось шестнадцать, и она была старше всех в отряде, а брали ее в лагерь за то, что главный бухгалтер профсоюзного комитета, Ольга Петровна, приходилась ей тетушкой. А эта боевая девчонка без присмотра может таких дел наворотить...

Наташа толкнула Нельку в бок, и та театрально закатила глаза, а Владик продолжал:

– Добавление небольшого количества ликера в чашку кофе придает ему приятный вкус и аромат. И никогда не надо пить ликер большими дозами.

Ребята восхищенно слушали юношу.

– Ну, а раз ни кофе, ни чая у нас нет, будем пить так! Сенька, наливай, – закончил спитч Влад и взял себе самый полный стакан.

После отбоя, когда вожатые ушли к себе, Антон и Тарасик сдвинули свои кровати и, накрывшись двумя одеялами, зажгли фонарик.

– Моя мама говорит, – заговорил Антон, – что страдания очищают душу. Смотри, ты раньше страдал? Вот, у тебя душа теперь чистая и хорошая. А теперь ты страдать не будешь! Я всем бошки поотрываю, кто тебя обзовет.

Антон сжал кулак и согнул руку в локте.

– Вот, пощупай, какие мускулы! Железо!! Если врежу – с копыт долой!

Ведь ты теперь – мой брат!

– Как это? – удивился Тарас.

– Знаешь, как индейцы братались с хорошими белыми? Нужно разрезать руку, ну чуть-чуть! И чтобы наша кровь перемешалась! Вот, – Антон достал из тумбочки иглу, – давай коли мензинчик! Ну, сильнее, не бойся. А-а-а! Пошла кровушка! Теперь я. Давай палец сюда! Вот так! – завершил ритуал Антошка. – И все, мы братья!

– А жить я теперь у тебя буду?

Антон крепко призадумался. Вряд ли родители захотят еще одного ребенка. Хотя мама наверняка бы согласилась...

– Да нет! Все будет по-старому, только теперь я приду к тебе на помощь в любое время дня и ночи!

Потом еще подумал и твердо сказал:

– Ну, днем-то точно приду!

Мальчишки немножко помолчали и подумали каждый о своем.

– Знаешь, Тарасик, а я ведь тоже страдал... – доверил Антон другу свою тайну.

– Да-а-а? А как? Расскажи!

– У нас во дворе большие мальчишки отнимали у маленьких деньги. Я как пойду в магазин, они подкараулят и деньги заберут. Я домой идти боюсь. Отец очень ругается. Может и побить. Вот я домой-то и боюсь идти. Вечером прихожу, а он мне говорит: «Раз ты деньги прогулял, есть тебе не дам!» И я голодный спать ложусь. Знаешь, как страдаю...

– А мама чего?

– А маме я не говорю. Она работает много, устает. Узнает – плакать будет и с папкой ругаться...

До отбоя старших отрядов оставалось минут сорок. А в подвале всё та же компания смаковала ликер.

– Вкусный. Липкий только! – передёрнула плечами Наташа.

– А ты конфетками закусывай! Это ведь для нас? – взяла со стола вторую «Белочку» Нелька и закатила глаза от удовольствия.

– А сколько же мы тебе должны, а, Владик? – вдруг спросил Илья.

– Сочтёмся. Потом поговорим...

Наташа отпила из бутылки «Фанты», поморщилась и передала её Сеньке. Тот, собрал лицо в кучку, отхлебнул газированный напиток и высказался:

– Неее, «Байкал» мне больше нравится. В нём меньше ядовитых веществ. Ребя, а вы «Тархун» пробовали?

– Влад, а правда, что «Кока-кола» разъедает железо? Говорят, что ею хорошо движок у машины промывать... – поддержал разговор Вован. Ребята, будучи еще в пятом отряде, дали Вовчику кличку «Клюв» из-за долговязой фигуры и длинного носа.

– Ой, у меня, кажись, желудок разъедает... Правда... Что за фигня? – привлекла к себе внимание мальчиков Нелька.

– А ты подушечками закуси! – посоветовал ей Илья.

Захмелевшая компания покинула подвал и примостилась на скамейке у своего корпуса. Между Владом и Ильей села Наташа. Сенька, кривляясь, затянул куплеты на манер частушек:

Стала водка семь да восемь,
Все равно мы пить не бросим.
Передайте Горбачу, нам и десять по плечу!
Если будет двадцать пять,
Снова будем Смольный брать!

– Ну че, Наташка, понравился ликерчик-то? – Влад по-хозяйски приобнял и притянул к себе Наташу. Та сбросила его руку и пересела к Нельке. Но Владик не отставал:

– Да брось ты, Натаха! Че из себя недотрогу-то корчишь?

– Заткнись, скотина! – не выдержал Илья.

– На кого голос повышаешь, маменькин сынок, – повысив голос, наехал на Илью Влад, – скоро твою жирную мамашу с директорского кресла под зад мешалкой!

– Что ты сказал, тварь? – вскочил с места Илья и набросился на Влада, осыпая его ударами. – Вот тебе за ликер, вот тебе за мою мать. Вот тебе за... – хотел сказать «за Наташку», но посмотрел на нее и закончил, – да за все, урод!

На шум из корпуса вышел Степашка и стал разнимать дерущихся подростков:

– Это еще что такое? А ну-ка в корпус! Быстро по кроватям! Питекантропы!

Глава 6

После линейки отряды спешили на завтрак. Надежда стояла у дверей и наблюдала за работой дежурных санитаров:

– Эээ! Куда с грязными руками! Не пущу! – лютовали дежурные.

К столовой вела свой отряд Раиса. Дети шли ровно, красиво и горланили речевку:

– Кто идет?

– Мы идем!

– Кто поет?

– Мы поем!

– Кто шагает дружно в ряд?

– Пионерский наш отряд!

– Дружные, веселые,

– Всегда мы тут как тут!

– Пионеры-ленинцы идут, идут, идут!

Надежда чуть не рассмеялась, глядя на серьезную Раису и замыкающего строй, суetyащегося в конце колонны тощего Василия. Но подавила смех и сказала:

– О-о! Как все серьезно! Ну, молодцы, – подбодрила она детей, поняв наконец, почему Ева Петровна так любит Раеньку.

Ребята подошли к крыльцу и всю глотку завопили:

– Раз, два, три, четыре!

– Три, четыре, есть хотим!

– Открывайте двери шире, а то повара съедим!

Отряд прошел в столовую, протягивая санитарам чистые руки для осмотра.

Вслед за ним, с гиканьем, сметая все на своем пути, в столовую влетел четвертый отряд. Ирина, широко расставив руки, встала в дверях, пытаясь остановить детей, но тайфун разве не остановишь...

– Ребята, стойте, ну стойте же!

Но архаровцы раскидали по сторонам санитаров и ввалились в столовую. Дети плюхнулись за столы и громко застучали ложками по столу. Последним невозмутимо, с чувством собственного достоинства вошел красавчик Петр. Весь его вид говорил: ну меня то это все не касается!

К столам, где сидели дети четвертого отряда, подошла Надежда. Минуту она молча стояла и смотрела на них. И как только они присмирели, она грозно отчеканила:

– Та-а-а-к! Отряд, встать! Выйти из-за столов! Намыть лицо и руки и строем вернуться в столовую!

Ребята молча, пряча глаза, поплелись к выходу. Надежда обратила внимание на Петра, который как ни в чем не бывало сел рядом со своей бабушкой и уже принялся есть овсяную кашу. Ел он шумно, быстро орудуя ложкой, словно пытался создать непрерывный поток между тарелкой и ртом. Надежда подошла к вожатому и тихо сказала:

– Петр, вы сейчас оторветесь от каши и пойдёте к детям. Помните, что гласит одно из правил вожатых: «Не садись за стол, пока у тебя не поели дети!» И пора уже навести в отряде дисциплину, по-мужски!

Ева Петровна поняла, что ее ненаглядного внука выгоняют из столовой, соскочила с места и, закрыв любимчика своим телом, завохтала, как наседка:

– Надежда Геннадьевна, пусть Петушок хоть кашу-то съест! Нет, ну не дадут ребенку поесть. Ну куда же ты, Петушок!?

– Ева Петровна! – с досадой сказала Надя, пытаясь усадить на место бабушку провинившегося внука. – Не называйте вы так Петра, дети услышат – задразнят... а авторитета, как я вижу, у него и так нет!

– Надежда Геннадьевна, Петя не виноват! – вступилась за напарника Ирина. – С ними совсем никакого слода нет... Зачем только я поехала в этот лагерь! Дети меня не слушаются, подушками кидаются, дерутся... А сегодня опять кто-то в сапожки Игнатьева написал. Красивые такие сапожки...

Надежда обняла Ирину за плечи.

– Ирочка, ты не переживай! Они не слушаются тебя, потому что им неинтересно ходить строем. У них сейчас возраст такой – шепутной! Им нужны тайны, приключения и игры. Выдумывай! Тебе и самой интересно будет! А уж если на то пошло, мы с тобой проведем один эксперимент! Это был всегда беспроектный вариант!

– Да у меня не получится! – прошелестела вожатая, вытирая ладошкой слезы.

– Ладно, приду к вам во время тихого часа. Иди, ешь, а то ничего не останется! А с Петей вы обязательно подружитесь! Вы еще у нас лучшими вожатыми будете...

В столовую цепочкой стали заходить ребята, и Надя, посигналив рукой дежурным, крикнула:

– Ребята! Четвертый отряд пришел, несите кашу!

Раиса на все это безобразие смотрела снисходительно, с легкой улыбкой на губах. Ее дети позавтракали, задвигали стульями и дружно грохнули речевку: «Спасибо нашим поварам за то, что вкусно варят нам!» Надежда от неожиданности вздрогнула. И только отряд вышел из столовой, как послышался зычный голос Домны Ивановны:

– Эй, вожаты, рожи-конопаты... Скокайте за добавками!

Надежда опять подпрыгнула, подошла к раздатке и ласково попросила:

– Домночка Ивановна, дайте кашки... А то так есть хочется...

– А на подруженок класти? – уточнила шеф-повар.

– Класти, класти... – кивнула головой Надя, ставя на поднос три стакана со сладким жиденьким чайком.

После полдника на веранде первого корпуса Сергей Степанов воспитывал своих переростков: Влада, Сеньку и Вована.

– Мы договаривались? Договаривались! А вы что? Не поняли! Ну, что, всё честно! Начали!

Степашка поставил на середину веранды ботинок. Мальчишки легли на пол и отжались один раз. Затем встали, сделали вокруг ботинка круг, отжались два раза. Снова встали, обошли вокруг ботинка два круга. Отжались три раза. Встали, обошли три круга.

На веранду вышла Олеся:

– О! Упал, отжался! За что, гаврики?

– За матные слова, – тихо сказал Сенька.

– А-а! Ну, уговор дороже денег!

Глава 7

Незаметно пролетела неделя. Наступил четверг – банный день. Намыв до скрипа всех девчонок в лагере, усталые, распаренные подруги наконец вышли из бани на свежий воздух.

– Устала что-то сегодня, жуть! За такую работу надо молоко парное давать! Это ж надо, пол-лагеря детей намыть... – посмотрела на директора Ольга Григорьевна.

– А резиновые сапоги за вредность тебе не надо? Ну что, может, сразу в столовую? И тихий час сегодня устроим! Поспи-и-и-м! Девчонки, а может, загорать? – засыпала Марина подруг предложениями.

Из столовой прямо на них неслась Домна Ивановна:

– Марина Степановна! ЧаПе! Быстрее скокайте сюда!

Девушки подбежали к складу и стали рассматривать ящики с овощами и мешки с картошкой, стоящие у дверей.

– Вот, глядите-ка! Одно гнилье привезли. Чем дитев кормить будем? – запричитала Домна, открывая мешок:

– Лук! Мокрый! Ишь, как воняет...

– А куда Гена-то смотрел, когда мешки на базе грузил? – задала вопрос директор.

– Вот именно, что никуда не смотрел! На баб, поди, зенки пялил... Ля, ля, ля! Ля, ля, ля!

На шум к девушкам подошел Евгений. Заглянул в мешки, понюхал, поморщился и театрально вздохнул:

– Как говорил Киса Воробьянинов «Не делайте культа из еды! Довольствуйтесь малым ради сытого будущего!»

Ольга укоризненно посмотрела на музыканта и покачала головой. Домна же, отмахнувшись от Евгения, пояснила Ольге:

– Так они хочут свою образованность показать и все время говорят непонятно!

Евгений еще раз глубокомысленно вздохнул и пошел своей дорогой.

У Евгения Соколова между занятиями выдалось свободное время, и он, посадив свою нелегкую дочурку на плечи, скакал по дорожкам у шестого корпуса, изображая лошадь. Подпрыгивая, он высоко поднимал ноги и громко по-лошадиному ржал. За ним весело скакали «пони» – Шурочкины дружки – близнецы Саша и Паша. Из открытого окна вожатской за ними наблюдала пионервожатая Аллочка. Она улыбалась и обстреливала Евгения накрашенными глазками. Музыкант, поцеловав дочку в круглые румяные щечки, осторожно поставил её на землю.

– Папа, отгадай загадку! Если бы у тебя была одна дочка и не было бы мальчишек, на ком бы я женилась? – задала вопрос девочка.

– Ну не знаю, доча...

– Сдаешься? На Саше! И на Паше! Саша-Паша, подь сюда!

Близнецы тут же подбежали к подружке и взяли её за руки.

– Ну, жениться-то, молодежь, вам еще рановато, а вот я, пойду-ка поговорю с вашей вожатой. Хорошая у вас вожатая?

– Хорошая! – закричали дети.

– Вот и я думаю, какая же хорошая у Шурочки вожатаая, – и с этими словами Евгений направился к Аллочке.

Надежда помнила свое обещание посетить четвертый отряд и поспешила к ним в тихий час. Зайдя в спальню к девочкам, она удостоверилась, что никто из детей еще не спал. Ирина тут же вскочила и стала суетливо подбирать детские вещи с пола и вешать их на спинки кроватей. Увидев старшую вожатую, девочки мигом закрыли глаза и усердно засопели. Надежда, еле сдерживая смех, посмотрела на девчушек и тихо сказала:

– Ладно, не притворяйтесь! Я поговорить пришла! Есть о чем пошептаться... Ирина, зови вторую палату.

Из соседней палаты прискакали тонконогие девчонки и устроились на койках подружек, с интересом посматривая на старшую вожатую. Глазенки их светились любопытством: «Старшая вожатая поговорить пришла, да еще разрешила лечь на чужие койки...».

– Девочки, поклянитесь, что никому не расскажете, – таинственным шепотом начала Надежда.

– Нет! Никому! Могила! – стали наперебой выкрикивать девчушки. – Да что вы, да никогда в жизни! Вот зуб даю! Честное пионерское!

– Сегодня я нечаянно подслушала разговор ваших мальчишек, – начала издали Надежда, – подслушивать, конечно, нехорошо, но уж так получилось... А разговор у них шел про вас, – заинтригованные девочки переглянулись и подтянулись ближе к старшей вожатой.

– Ой, а чего они? А что говорили-то? Ой, интересно-то как, – посыпались вопросы.

– Они обсуждали вашу красоту. Антон Михайлов признался ребятам, что ему нравится Анисимова! Кто из вас Анисимова?

Леночка робко подняла руку. Надежда внимательно осмотрела девочку, осталась довольна и продолжала:

– Вилошкину и Бабикову нравятся Кунченко и Светикова, – назвала она те имена, которые удалось выпытать у сына.

– А в нас кто влюбился? Мы тоже хотим!

– А кто ж не хочет, девочки? Остальные тоже называли и имена, и фамилии, но я вас еще плохо знаю. Вот самых баловных и запомнила. Сегодня... – понизила голос до шепота Надежда, – они решили написать вам записки.

– Ура! Здорово, – запищали девчонки.

– А вообще-то, в нашем отряде мальчишки и красивше, и умнее, чем в третьем. Так девчонки из их отряда, между прочим, говорят, – сказала Леночка и гордо посмотрела на вожатую.

Девчонки возбужденно зашушукались, покраснелись, глаза заблестели.

– Ира, все запомнила? – тихим голосом обратилась к молодой вожатой Надежда и, приобняв ее за плечи, подтолкнула к двери. – Теперь иди к мальчишкам и все разыграй, как по нотам... Фамилии не перепутай: Михайлов – Анисимова, Вилошкин – Кунченко...

– Да, Ира, я тут с Петей по душам разговаривала... Оказывается, ты ему очень нравишься, – самозабвенно сочиняла старшая вожатая, – он поэтому такой и пассивный, что стесняется тебя. Парень – золото... Ой, Ирка, не упusti! Счастливая у него жена будет...

– Правда? А я думала, показалось...

Ирина вышла из палаты, а Надежда обвела девонок строгим взглядом и тихо заговорила:

– Девочки, успокойтесь... Я вам еще кое-что скажу, но этого никто не должен знать! – Надежда сделала длинную паузу. – Вам нравится ваша вожатая Ирина?

– Да, нравится! Она хорошая, не то, что Райка из второго! Мы ее любим!

– А я слышала, что директор лагеря её уволить собирается...

– За что? Зачем?! Мы же ее любим! А мы не допустим! – заволновались девчушки.

– Потому что дети в отряде её не слушаются. А это значит, что она плохой вожатый. Если вы её любите, то должны помогать ей, и дисциплина чтоб была.

– Это все мальчишки, это они бесятся! – закричали девочки.

– А мальчиков вы можете перевоспитать! Ведь мы с вами женщины... А женщины все могут... И не забудьте, это тайна! А сейчас ваш любимый вожатый Петр вам почитает. Что вы сейчас читаете?

– «Денискины рассказы», а мальчишки – про Суворова!

Надежда, постучав, вошла в вожатскую. Петр, лежа на кровати и закрыв глаза, слушал «Машину времени», хрипло звучащую из маленького старого транзистора. Увидев перед собой старшую вожатую, он тут же вскочил и принялся извиняться. Надежда села на свободный от Петиних вещей стул и, успокоив его, ласково заговорила:

– Петя, говорят, что ты очень талантливый, умный, прекрасно танцуешь... Петя, тебе и карты в руки! Твой отряд должен танцевать лучше всех! Ведь дети к тебе так тянутся... Любят тебя! И Иришка... – сделала Надя длинную паузу.

– Что Иришка? – встрепенулся Петя.

– Нравишься ты ей очень... – запела ту же самую песню Надя. – Она стесняется, и у нее, бывает, плохо получается с ребятами. Ты ей помоги... Я за все время своей работы девочки лучше не встречала. Умненькая, хорошенькая, нежная... Повезет же какому-то парню...

Надежда вздохнула, встала и сделала шаг к дверям. На пороге она обернулась. Ошарашенный новостью, Петр застыл, как истукан, посреди вожатской.

– Петечка, иди к девочкам, они Драгунского ждут, – напомнила ему Надежда.

Затем она тихонько приоткрыла дверь в палату мальчиков, убедилась, что все идет, как надо, и немного подслушала:

– А в записке можно написать, – таинственно, приглушенным голосом говорила Ира своим воспитанникам, – какие у нее красивые глаза, волосы. Какая она умная, веселая. Еще можно свидание назначить. И хорошо бы с цветами прийти да и брюки погладить... Так, еще! Каждая палата пусть выберет почтальона письма носить! И чтобы ни-ни! Не подведите меня!

– Ира, а я стихи знаю... – подал тихий голос Антон, и все мальчишеские вихрастые головы с завистью посмотрели на него.

– Во! Стихи – это то, что надо! – сказал Игорек.

– Антошка, а нам стихи расскажи... Мы тоже хотим стихи написать, – попросил Кольча.

– Ну, записывайте!

По опушке шла старушка,

А навстречу ей лягушка.

По опушке шла лягушка,

А навстречу ей старушка.

– Ой, какая лягушенция! —

Завизжала старушенция.

– Ой, какая старушенция! —

Завизжала лягушенция.

– Да ну ты! Стихи нужно про любовь! А ты... лягушенция, – негодуя на товарища, закричал Кольча.

Надежда прикрыла дверь и, довольная проделанной работой, прошептала:

– Ну вот. Все идет по плану. Операция «Любовь» началась!

К ночи пошел мелкий, нудный дождик. До отбоя оставалось несколько минут, когда Марина Степановна, Надежда и Докторица подошли к корпусу старшего отряда, совершая вечерний обход.

– Не, ну ты глянь, опять лампочку на веранде вывернули! Хоть приклеивай ее, – рассердилась директор.

По очереди заглянули в щелочку приоткрытой двери в спальню девочек. В помещении собрался весь отряд. Ребята сидели по несколько человек на кроватях, на стульях и даже на полу. Марина Степановна отметила для себя, что ее сын держал Наташу за руку. Плышался грустный звук гитары.

– Евгений Юрич! Ну спойте про любовь... – просили девочки.

– Нет, лучше про Афган! – кричали мальчики.

– Нет. Про любовь!

– Ладно, про любовь. Одна из моих любимых, – Евгений чуть настроил гитару и тихо, проникновенно запел:

Мы вдвоем. Поздний час.

Входит в комнату молчание.

Сколько лет все у нас

Длится первое свидание?

Все у нас с тобой по-прежнему,

Только годы катятся,

Ты все та же, моя нежная,

В этом, в этом синем платице...

Подруги на цыпочках вышли из корпуса, а по лагерю зазвучал сигнал горна: «Спать, спать, по палатам! Пионерам и вожатым!»

Подруги проводили Марину до ее домика. Данечка не любил засыпать без матери. Да и Ларису надо было отпускать. Медсестричка завела тайный роман с Геннадием Орловым и повадилась уходить на свиданки. Докторица тяжело вздохнула и промолвила:

– Счастливая ты, Надька!

– Не знаю, какое уж тут счастье... Плохо все у нас, Оля. И как всегда – нагадит, в душу наплюет... а запоем – все прощаю.

– Да-а... Любовь зла...

Глава 8

Надежда всегда вставала на час раньше, чтобы подготовиться к утренней планёрке, если не успевала это сделать с вечера. В розовом халатике и с полотенцем на шее собиралась идти к умывальнику, но нигде не могла найти мыльницу и уже начала изрядно нервничать. Недовольный шумом Евгений приоткрыл глаза.

– Жень, мыльницу не видел? – отводя от мужа глаза, почему-то тихо спросила Надя.

– Нет! Слушай, можно я сегодня на планерку не пойду? Ну чего мне ваши разборки слушать?

– Женя, когда тебя нет, мне стыдно! Всегда физрук, музрук, медсестра или врач приходят на планерку. А ты...

Евгений подхватил ее нравоучительную интонацию и продолжил:

– Пользуешься тем, что твоя жена – старшая вожатая, а это некрасиво. В общем, не отдых, а каторга! Не пойду никуда. Спать буду!

– Да где же эта мыльница?

Весь педколлектив во главе с Мариной Степановной присутствовал на летучке. Речь держала Ева Петровна:

– Планы на эту неделю не сдали 5 и 6 отряд! И сегодня назначайте Совет дружины, это ваша обязанность, – повернулась она к Надежде, – и обучение знаменосцев. Я беру на себя горнистов, а Евгений Юрьевич пусть занимается с барабанщиками. А где, кстати, Евгений Юрьевич? – удивилась она и посмотрела на Надю.

Девушка засмушалась и, потупив глаза, пролепетала:

– Он сегодня себя плохо чувствует... С барабанщиками я поняла. Все слышали, Совет дружины в 11.30! И я сейчас от всего сердца хочу поблагодарить Еву Петровну за то, что она открыла для ребят кружок горнистов, – в её словах не было лести, дети действительно с удовольствием ходили в кружок, – и как замечательно они уже трубят...

– Горнят! – снисходительно поправила Надю старший воспитатель.

– А назвали мы свой кружок «Серебряные горны»!

– Какая вы молодец! Спасибо, Ева Петровна! От всех нас спасибо!

Вожатые, услышав сигнал побудки, загремели стульями и ринулись к дверям.

На игровой площадке проходил конкурс икебан. На теннисном столе, табуретах, ящиках были расставлены букеты цветов в разных ёмкостях. Строгое жюри в лице Надежды, Евы Петровны и Марины Степановны придирчиво рассматривало детское творчество.

– Посмотрите, какой нежный букет! И правда, называется «Нежность», Оля Сиволобова, 3 отряд, – восхищалась Ева Петровна.

– А мне нравятся вот эти – «Знойное лето» и «День рождения ослика»! – умилилась начальник лагеря.

– Ну, а этот уж совсем ерунда! Колючек понапихали... Его и букетом то не назовешь! – возмутилась старший воспитатель.

– А называется как? – заинтересовалась Надежда.

– «Самурай».

Надежда взяла цветочную аранжировку и повертела в руках:

– Пять колючек, все лишние листья оборваны, стебли разной высоты. Грозное, мужское, воинственное! Нет, правда, здорово же! А кто автор? – и прочитала: «Михайлов Антон, 4 отряд».

– Друзья мои, оценивайте сами, я уже становлюсь необъективной, – сказала Надя и поставила колючки на стол. И вдруг ее взгляд остановился на пропавшей мыльнице, которая в данный момент исполняла роль вазочки.

– А вот и пропажа моя! Все утро искала!

– Дай посмотреть! – Марина Степановна выхватила из рук подруги розовую мыльницу, в которой лежал маленький сиреневый букетик фиалок, перевязанный тонкой розовой тесемочкой.

Надпись рядом с букетиком была нацарапана печатными буквами:

«Сдобры утрам, мамока! Шура С.».

Дело двигалось к обеду, а половины отряда нет и нет! Степашка задумчиво почесал затылок. И куда они все разбежались? На крыльцо в легком ярком сарафанчике вышла Олеся. Волосы ее были красиво заколоты.

– О-о-ой, до чего ж ты красивая! – опешил Сергей. – А это платье я еще у тебя не видел!

– Да-а! Новое!

Олеся покружилась вокруг себя и довольно улыбнулась.

– А ну-ка, отойдем в сторонку, я тебя поцелую.

– С ума сошел? Ну чего, нашел эту компашку?

– Нет!

– На футбольном поле был?

– Был!

– Может, в пионерской кино смотрят?

– Нет их там! Говорю же, весь лагерь прошерстил!

– Ну куда могла спрятаться такая ватага? А помнишь, в прошлом году у них неподалеку был шалаш оборудован? И как мы с тобой их оттуда вылавливали? – вспомнила Олеся.

– Это еще когда у Жоры-Жирдя резинка на трениках лопнула?

– Ну! Во смеху-то было! А ты заметил, как они повзрослели за этот год? Решетников иной раз, как взглянет на меня, аж мурашки по коже.

– А Нелька! У нее распушенности еще больше стало! Така-а-ая наглая!

– А Маня сильно растолстела. И выглядит ужасно... Волосы сальные, прыщи опять же... – расстроилась за девочку вожатая.

– Ты там с ней поговори... Ну как женщина... Может, диета какая?

– Да, Манюню жалко. Растет без родителей... Бабку ее видел? Хорошая вроде, добрая. Но какая старая! Ладно хоть поведение у Мани нормальное. Кстати, замечаешь, как Илья на Наташку Михееву смотрит?

– Да с того года он смотрит! Только не решается признаться.

– Да-а? А я не замечала! Ладно, пойдем, поищем их шалаш! – позвала дружка Олеска.

– Нет, ну сколько можно за этими юными недорослями бегать? – заныл Сергей и поплелся за Олесей.

Вожатые и подумать не могли, что подростки, которых они разыскивали, находятся в двух шагах от них.

– Тихо! Да тихо же! Рядом стоят! Про нас говорят! – шикнул Сенька. – Ищут!

– О, гляньте, как он ее обнимает. Дурак этот Степашка. Давно бы уже надо ее завалить! – заржал Влад.

– Тихо!!! Не шевелись! Уходят!

– Фу, ну что ты за придурок! Противно даже! Любовь у них! – покраснела Наташа.

Михеева видела, что многолетняя дружба Ильи и Влада распадается на глазах. Илья все больше молчал, а Влад старался его не замечать.

– Ой, была бы любовь, давно бы поженились! – высказала свою точку зрения Нелька.

– А вдруг они нас здесь найдут? – испуганно спросил Вовчик.

– Не, не найдут! Мы с Сенькой этот схорон в том году в день отъезда обнаружили. Когда Еремеич все подвалы заколачивал. А мебель... кто-то до нас здесь оставил.

– В лес пошли! У старого шалаша искать будут! А можа и не будут! Ха-ха-ха! У них и поинтереснее дела есть! Ну, давайте, маненько самогончика перед обедом тяпнем, – раздухарился Клюв.

Олеся поджидала ребят у дверей столовой. Они серьёзно опаздывали на обед. Олеся нервничала и вздрогнула, когда к ней подошел встрепанный Степашка:

– Ну что, нету?

– Нет! Придется старшой все рассказать!

– Да, влипли мы!

– А ты к озеру ходил?

– Да ходил... Вот! Вот они идут! Ну, Слава Богу! Засранцы!

– Ты только не кипятись! Давай лучше я!

– Ай, делай ты, что хочешь, у меня отряд, между прочим, обедает.

Как только Степашка скрылся, в столовую не торопясь поднялись по ступенькам провинившиеся: Влад, Жирдяй, Сенька, Вован, Илья, Нелька и Наташа. Олеся, качая головой, подозрительно посмотрела на ребят и задала вопрос:

– Нуууу. И где вы, супчики-голубчики, были? Мы с Сережей весь лагерь перевернули!

– Олесенька, так мы же загорали, сегодня такая хорошая погода, – протянул Влад.

– Да, грех – не позагорать! – вторил ему Сеня.

– А ну-ка, подойдите ко мне. Мне кажется или от вас пахнет?

– Чем пахнет? Эй, ребята, понюхайте, чем от меня пахнет? Влад, дай-ка я понюхаю твою рубашку! Не пахнет! А у Жирдяя?

Сенька театрально понюхал Жирдяя, наморщил нос и брезгливо отвернулся:

– Ффу-у-у-у! Конечно! Это от Жирдяя воняет. Потом. Ой, меня ща вырвет!

Марина Степановна, Докторица и Надежда уже обедали, когда в столовую заявила компания Влада. Марина поглядывала в сторону сына с каким-то подозрением.

– Что-то мне, девчонки, Илья не нравится. Сидит, как дурачок, хихикает.

– Так они все хихикают. Смешное что-нибудь рассказывают, – сказала Ольга, – дети! В их возрасте только и смеяться! А с нашей-то работой не до смеха!

– Можно подумать, что ты не любишь свою работу! – фыркнула Надя.

– А чего ее любить-то? Целый день у нас с Лариской разбитые коленки, локти, животы, головы да простуды! Кухню три раза проверить, по палатам пройти... А ты говоришь...

– Олюшка, но ведь ты всю эту рутину так красиво, с такой душой преодолеваешь! Ты мастер своего дела, недаром тебя заведующим детской поликлиники поставили.

– Да, на следующий год меня вряд ли горздрав в лагерь отпустит.

– Ну не-е-ет! Как же я без тебя? А дети? Ну не-е-ет!

Компания Влада, отобедав, с шумом вышла из столовой, а Илья и вовсе мухой пролетел мимо матери. Марина Степановна подозрительно посмотрела ему вслед и покачала головой.

– А я точно люблю свою работу! – заявила Надя. – Я не представляю себя без моих дошколят, без изостудии и без лагеря. Если бы еще Женька нервы не трепал...

В столовую вошел задумчивый Евгений. Увидев девушек, «надел» на себя веселую маску шута.

– Лёгко на помине! – сказала Надя, и сразу заныло сердце.

Евгений, насвистывая, подошел к девушкам.

– Ну, что, красавицы, плюшками балуетесь? – пошутил музрук.

– Не, мы суп! – ответила Докторица.

– О-о-о! Супчик горяченький да с потрошками, – потёр Женя руки, направился к раздатке и закричал в глубину кухни:

– Домна Ивановна, красавица моя!

Из подсобки выплыла недовольная Домна Ивановна.

– Не-е, нам поисть не дадут! Раньше надо приходиться, красавчик!

Домна положила музруку второе блюдо и налила в глубокую тарелку гороховый суп.

– Это объедки или остатки? – процитировал Женя.

– Чаво-о? Ну ты, дьявол! Иди отсюда! Никитична, принеси стакан компота музыканту! – крикнула Домна, скрестила руки на груди и, сменив гнев на милость, улыбнулась Евгению:

– Ох, красив, красив!

На её слова выбежала Никитична. Поставила стакан с компотом на раздатку. Вытерла руки об фартук, поправила колпак:

– Это ты про Женьку?

– Ну не про Еремеича же! Про Женечку! А что, Евгений, если бы я скинула годков так... сорок... взял бы меня замуж?

– Ох уж эти женщины! И жить с ними невозможно, и пристрелить жалко.

– Ой-ёй-ёй! – поставив руки в боки и сверкая глазами, рассмеялась Никитична.

Евгений подошел к столику, где ели Надежда, Докторица и Марина Степановна. Поставил на стол тарелки с подноса и обратился к девушкам:

– Девчонки, а айда в тихий час на озеро, а?

– Ну давайте! Сейчас соберёмся и... – поддержала его Марина.

– А чего женщине собираться? Рот закрыла и пошла... – подковырнул её Женя.

– Знаешь, Женя, я в твоём присутствии себя такой дурой ощущаю... Ну вот это цитата была? Откуда?

– Марина, успокойся, – погладила её по руке Надя, – цитата. Из фильма «У зеркала два лица». Но можно принять за хамство. Да, да!

Евгений внимательно посмотрел на Надежду и вздохнул.

– Да... «В свое время Сократ мне сказал: женись. Попадется хорошая жена – станешь счастливым, плохая – станешь философом». Ещё неизвестно, что лучше.

– Ну а ты, Мюнхгаузен, конечно, философ? – спросила его Надя.

Евгений еще раз внимательно посмотрел на жену и на полном серьёзе сказал:

– Нет. Я счастливый.

Докторица и Марина Степановна переглянулись, опустили головы и преувеличено усердно накинудись на остывший суп.

Уже после ужина, в клубе, были подведены итоги конкурса икебаны. Ева Петровна с листком в руке зачитывала результаты:

– Еще до конкурса я вас предупреждала, что много цветов – это не всегда красиво.... Хотя Кате Боголюбовой удалось чудесно составить композицию «Сиреневый туман». Жюри понравились многие букеты. Все отряды подошли к мероприятию творчески, с выдумкой! – нахваливала она ребят.

Владу и Илье это мероприятие было совершенно не интересно. Да они и вообще бы сюда не пошли, но со Степашкой не поспоришь. Не пойдешь, потом отжиматься будешь до утра. Между мальчиками уже пробежала черная кошка, и они стали меньше общаться. А так как они сейчас сидели рядом, Влад наклонился к Илье и спросил:

– А что это старшая за деньги выдумала? Раньше конфетами награждали!

– А теперь мы сами выбирать будем! Конфеты, книги, школьную лабуду... Да много всего!

– А подделать эти... как их...

– Боливары!

– Ну, подделать можно?

– Не знаю, наверное, нет! Там печать директорская!

– А ты не можешь у своей мамы печаточку свистнуть?

– Нет, не могу!

– Подумаешь, чистоплюй, – сплюнул на пол сквозь зубы Решетников.

Ева Петровна бросила уничтожающий взгляд в их сторону и продолжала:

– Итак! Первое место получает Мария Петракова, первый отряд, за композицию «Великий Октябрь»!

Маня, полная, крупная девочка, смущенно поднялась на сцену и еле слышно прошептала:

– Спасибо!

– А приз зрительских симпатий дастся Михайлову Антону, четвертый отряд! Все участники получают по десять боливаров, а победители – еще по десять! Аплодисменты участникам и победителям конкурса! – завершила Ева Петровна.

С каким трудом Надежде удалось уговорить Еву Петровну на введение в обиход лагеря этих злосчастных боливаров! Спасло ситуацию только то, что легендарный Симон Боливар, освободитель стран Южной Америки от испанских захватчиков, на портрете в энциклопедии был очень похож на дедушку Евы Петровны.

Уложив детей, Олеся вышла к Сергею на веранду, подняла с полу брошенные ветровки, расставила кеды и ботинки и задумчиво сказала:

– Сергей, а тебе не кажется, что наших ребят в этом году как подменили: ссорятся по мелочам, от былой согласованности, терпимости не осталось и следа. Всякий хочет, чтобы приняли именно его предложение, а доводы товарищей не слышит... Когда обсуждали название отряда, вообще ни к какому единому мнению не пришли.

– Ага... Девчонки танцами бредят, понавезли «вечерних туалетов»... – вторил ей Сергей. – Да ты, Олеска, не бери в голову! Они все уже перешагнули рубеж детского возраста и вступили за порог отрочества.

– Боже, Степашка, да ты и слова-то какие знаешь?! Прямо психолог!

– Ну, да! Почитываю иногда книжонки. А с ребятами, нам с тобой надо обращаться, как со взрослыми. Давать им больше самостоятельности. И пусть они отрядный план мероприятий на смену сами пишут.

Степанов немного помолчал, посмотрел на Олеся и задумчиво сказал:

– Знаешь, я иногда так жалею, что не пошёл учиться в педагогический.

– Да, Серёжка, из тебя бы вышел хороший учитель!

Ночь. Ухайдаканные работой вожатые уже спали мертвецким сном. Но детишкам не спалось. В палату девочек первого отряда, ступая на носочках, крались страшные «привидения». Случайно наткнувшись на стул, одно из приведений чертыхнулось, а другое хихикнуло:

– Ну что, будить? – прошептало страшилище в белом саване с раскрашенным гуашью лицом.

– Мне толкать их или что?

– Да ну вас, придурки, ничего не можете... Делайте, как я!

Ужасное привидение заухало, застонало, замахало крыльями... Остальная нечисть подхватила эту какофонию. Девочки проснулись, дико завизжали, вскочили с постелей и начали дубасить потусторонние силы подушками! Приведения исчезли.

– Ой, девчонки, у меня чуть сердце не выскочило, – закатывая глаза, сказала Наташа.

– Ой-ой-ой... Сердце у нее. А то ты не видела, как парни готовились к этой ночи. Ведь всё уже ясно было! Да ты и сорочечку-то какую красивую надела, – язвительно высказалась Нелька и швырнула подушку в голову Наташе. Михеева тут же отправила подушку в сторону Нельки.

Даша, следя за перепалкой подруг, бросила взгляд в окно и, показывая пальцем, весело закричала:

– Ой, смотрите, Степашка за призраками бегают!

– Не поймает! Привидения – на то и привидения. Привиделись и исчезли... аха-ха! – рассмеялась Даша.

– Девочки, хорэ орать, дурдом какой-то! – недовольно высказалась Маня и закрыла уши руками.

– Спи, Манюня, спи! Жир копится во время сна! Задница становится толще-е! – не унималась Неля.

– Нелька, а ты куда на ночь коня своего прячешь? – внезапно, на полном серьёзе, спросила Маня.

– Чего-о? – удивилась Нелька.

– Ну, ты же кавалеристка! Вон ноги у тебя какие кривые!!!

– Дура толстомяся! – разозлилась Нелька и, схватив подушку, бросила её в Маню.

Маня в долгу не осталась, бросила подушку в Нельку с такой силой, что полетели перья. А дальше уже было не понять, у кого чья подушка и в кого она летит... Баталию прервал строгий голос вожатого:

– А ну прекратить! Кто сейчас не заснет, на дискотеку завтра не пойдет!

Волшебные слова тут же успокоили девчонок.

Глава 9

Надежда уже умылась и собралась на летучку, а Евгений всё ещё спал.

– Жень, ты чего, еще не встал?

– Надь, голова болит... Там ни одной таблетки не осталось?

– Нет. Я Гене, сыну Константина Алексеевича, рецепт вчера отдала. Сегодня привезет.

Сходи к Докторице. Она тебе обезболивающее даст.

– Еще чего! Не вздумай никому про мои болячки рассказывать.

– Да я и не рассказываю....

– И так, я смотрю, сотрудники как-то странно на меня косятся.

– Ой, не придавай значения. В каком коллективе нет сплетен?

– Ты знаешь, в тот день, когда я ездил в город к врачу, зашел я на вокзале в буфет.

Вдруг, вижу, по перрону на тележке едет инвалид. Без ног. В руках деревяшки, и он ими эту тележку катит. Молодой парень. На груди табличка с надписью болтается. Я пригляделся – Серёга Краснопевцев! Помнишь Серёгу? Когда меня в госпиталь увезли, он еще в Афгане оставался...

– Помню, конечно! На всех фотографиях твою гитару держит!

– Я выскочил, кричу: «Серёга, Серёга, а он на своей тележке как припустит! За угол завернул и как сквозь землю....

– Может, всё-таки не он?

– Да он! Точно! Я Серёгу с закрытыми глазами узнаю.

– А ведь жене он написал, что встретил другую женщину, полюбил и уехал к ней... куда-то там на Север... Я тогда так на него взъелась, а оказывается, он....

– Ну да. Не захотел жену обременять. Знаешь, из головы у меня не идёт

эта тележка. Как после отечественной войны... Ну должны же были ему инвалидное кресло там...

– Ты говоришь, табличка болтается, – так он милостыню просит! Побирается. А тележка такая... Ну чтобы люди жалели... Вот так наше государство заботится о своих «сынах». Отправили на тот свет больше десяти тысяч молодых ребят... А теперь пусть живут инвалиды, как хотят. Без работы, без медицинской помощи.

Надежда подошла к мужу и провела рукой по его волосам.

– Слушай, надо его жене написать! Она его найдет! Не бросит...

– Не смей! Не лезь в чужую жизнь! Если уж он от меня сбежал... Короче, не лезь! Ладно, я сейчас соберусь. А ты все-таки спроси у Докторицы таблетки, только не говори, что для меня...

На утренней планерке Степашка клевал носом, и время от времени получал то тычок локтем от Олеси, то испепеляющий взгляд Евы Петровны.

– Ребята! Я вместе с вами уже неделю, – сказала Надежда, – живу, работаю, наблюдаю... Так вот, дорогие вожатые! В начале смены ребятам не хватает вашего тепла, сочувствия, доброты. И очень часто у нас в лагере звучит слово «нельзя». Допустим, нельзя ходить вне строя... На линейку – понятно. Ну а в столовую, в лес, в кино... Бесконечные построения, дух казармы.

– Ну уж это вы, голубушка, перегнули... – возмутилась Ева Петровна.

И началась ежедневная перепалка старшей вожатой и старшего воспитателя. Ребята воодушевились. Чья же сегодня возьмёт вверх?

– Минутку, Ева Петровна! Я вас не перебивала. Нельзя утром на рыбалку! А почему не пойти маленькой компанией?

– Да, правда! А почему всё нельзя? – ринулся на защиту Степашка, он явно симпатизировал старшой.

– Почему не позволить ребятам встретить солнце ранним утром? Почему нельзя пойти в другой отряд на «Огонек»? Нельзя, нельзя... И... очень много у нас мероприятий... репетиций... А главное-то в работе с ребятами – не мероприятия, а отношения...

– Да, да! Правильно! – закричали вожатые.

– Ну, вы нам сейчас наговорите, Надежда Геннадьевна. Тогда не будет никакой дисциплины! Нет на вас сегодня Марины Степановны!

– Я считаю, если ребенок тебя уважает, любит, то он всегда будет слушаться своего вожатого, вожака!

Над лагерем из репродукторов разнесся сигнал побудки. Надежда полушутя, полусерьезно, обращаясь к вожатым, весело сказала:

– Всё. Время вышло! Вожатый! К борьбе с трудностями в деле воспитания подрастающего поколения будь готов!

– Всегда готов! – подхватили вожатые, готовые на всё новое и необычное. Они весело задвигали стульями и разбежались.

Ева Петровна, направляясь в свой корпус, не могла успокоиться и по чьей зря ругала старшую вожатую:

– Мерзавка! Тварь! Уродина! Раздавить гадину, чтобы места мокрого от неё не осталось! Вышвырнуть бы её вместе с сыночком неуправляемым! Жаль, что из партии теперь таких выскочек не выгоняют. Но ничего, ничего! Отольются волку овечьи слёзки!

Овечкой в этой ситуации выступала, конечно, она.

Солнце припекало, и нещадно хотелось пить, а воду детям выносили только в одиннадцать. Сегодня, Евгений, уже провел все запланированные на первую половину дня занятия, но решил посидеть, наблюдая за играми детей, где находилась его дочка. Настроения не было. Он думал всё время, сказать Надежде о новой болячке, или оставить её в неведении? Эта дурацкая опухоль, а он и жизни-то ещё не нюхал! Пока у него только головные боли, а потом? Будет Надька сидеть у его постели и корчиться от бессилия? Нет, она этого не заслужила. Надо с ней расстаться. Развестись! Сделать так, чтобы она меня возненавидела! Нет, не знаю, не знаю, что делать. Ладно, все само рассосется, устанутся. Кстати, так хочется выпить! Ну или просто попить...

На всех парах, дыша, словно паровозик, энергично размахивая расческой, к отцу подбежала Шурочка и закричала:

– Папа, сделай мне два хвостика, как у Гали! А то я маму не нашла! А Галя не умеет завязывать, ей завхозиха завязывает, а мне нельзя из отряда уходить!

Евгений добросовестно попытался соорудить дочери на голове прическу, чтобы привести лохматую, кудрявую голову дочки в порядок, но вряд ли с этим справился. А вожатые Аллочка и Лена, видно совсем не утруждали себя лишними заботами о детях. Причесали, как смогли, да и ладно... Шурочка ёрзала по скамейке, и делала страдальческие гримасы.

– Пап, больно! Ну пап, ну больно же... расчесывай меня понежненько! Как мамочка!

– Шуренок! Потерпи. Девочка всегда должна быть опрятной и причесанной.

– Пап, ну потише дери, – захныкала дочурка, почесав голову. Подумала о чем-то важном и озадачила отца:

– Папа! А ты хотел бы быть вшой?

Евгений с недоумением посмотрел на дочь.

– ???

Шурочка грустно вздохнула и, подняв на удивленного отца глаза, грустно промолвила:

– Я бы тоже не хотела... Поймают – убьют!

Увидев Евгения, к танцплощадке, игриво улыбаясь, подошла Аллочка:

– Евгений Юрьевич, вы не могли бы мне помочь?

– Конечно, конечно, Аллочка! А что сделать надо?

– Да гвоздь забить на веранде. Опять отвалился.

– Ну, гвоздь – это можно! Это мы всегда готовы! Иди доченька в отряд!

– Да, Шурочка, иди, там Лена с вами поиграет...

Шурочка убежала, а Алла, призывно махнув рукой симпатичному музруку, покачивая бедрами, направилась совсем не к своему корпусу.

После скудного и пресного лагерного завтрака Марина отправила Надежду в деревню Опятки, чтобы купить у местных жителей творогу и сметаны.

Деревенька, окруженная колышущимися зелеными деревьями, напомнила Наде букет из вершин могучих тополей, лип, берёз, под которыми прилепились, точно скромные цветы, деревянные крашенные домики.

Надежда, прихватив с собой маленького Даню, нашла нужный дом и подошла к калитке, державшейся на честном слове. На воротах была прибита табличка «Осторожно, злая собака» и внизу коряво, от руки, другой краской после слова «собака» подписано «Линда».

На приступочке кособокой сараюшки сидела толстущая румяная тетка Линда. Ей было сорок, но из-за своей невероятной толщины она выглядела на все шестьдесят. Хозяйка метко плевала шелуху от семечек в заросшую лопухами клумбу и не сразу заметила гостей. Она попыталась встать, но не смогла и закричала куда-то в глубь двора:

– Эй, эстримент собачий, выдь сюда, люди, чай, пришли! Эй, огузок моржовый, подь сюда! Люди ж пришли!

– Здравствуйте! Это вы Линда? Меня Марина прислала. Мне бы творожку и сметанки. И укропу... если можно, – мило улыбаясь, попросила Надя.

Линда начала плавно раскачиваться, чтобы встать. Вперед-назад, вперед-назад. Не получилось. Тогда она завопила, что есть мочи:

– Эй, урод, выходи! А то поймаю, хуже будет!

Увидев, что покупатели испугались и готовы бежать, Линда запела елейным голоском:

– Ух ты, господи. И творожку-то им, и сметанки... А где, чай, это все Линде взять-то? Ведь и сметанку, и творожок еще сделать надо. Это ж Глафире Порфирьевне сколько еды то надо, а еда-то, чай, нынче дорогая!

– Какой Глафире? – пролепетала Надя.

– Так Порфирьевне, кормилице нашей! – пояснила тетка.

– А, это вы про корову, – догадалась Надежда.

– Шас тебе, корову! Про козу, любимицу нашу!

– Так что, это всё – и молоко, и сметана – это все козлячье? – сделала Надежда брезгливое лицо и, крепко схватив Даню за руку, попятилась.

Линда вновь принялась раскачиваться. Вперед-назад, вперед-назад.

– Крендель, эй, Крендель! Голь-шмоль беспортошная. Чай, уйдут люди-то. Чай, тебя ждать-то никто не будет... Крендель, черт кривоногий!

Наконец-то из-за сарайки вышел плюгавенький, давно не стриженный мужичонка по имени Крендель. Одной рукой он прижимал к себе трехлитровую банку с мутной жидкостью, а в другой держал соленый огурец и аппетитно похрумкивал. Прожевав закуску, он заговорил быстро и эмоционально, умудряясь даже размахивать занятыми руками:

– Ну, чаво разоралась, кукла фарфорова. Сидит весь день на приступочке, будто железна! Сама ни хрена не делает и людям отдохнуть не даёт. Крендель туда, Крендель сюда...

– Заткни корыто, Крендель! Вишь, тут девка с лагеря пришла за творогом! Как, говоришь, тебя зовут?

– Надежда Геннадьевна! – серьезно ответила Надя.

– Еще чего! Чай, мы с тобой ровесницы... Крендель, свиное рыло, быстро тащи продукт. Чай, Надьке на работу надо.

Крендель не спеша отхлебнул из банки и важно пошел в дом. Линда решила развлечь девку из лагеря разговорами:

– Твой пацанчик-то? Не-ет?

Надя помотала головой.

– А я смотрю, сама-то красавица, а парнишечка страшненькой!

– Ничего он не страшненькой. Чудесный, красивый мальчик!

– Тю! Обиделась...

Крендель вынес из избы корзинку, в которой лежали банка с молоком, сметана и творог. Все это сунул Наде в руки.

– Сколько я должна?

– Дак, чай, рубль пятьдесят. И возверните назад корзинку с тарой.

– Да вы что, на той неделе Марина платила рубль!

– А ты что думала? Я, чай, свою Глафиру Порфирьевну яблочками кормлю. Вот продукт-то вкусный и получается!

– Так ведь сейчас и яблочек-то нет...

– Так я и говорю... Чай, продукт-то у нас вкусный... но дорогой.... Но зато все берут, так как вкусный!

Надежда отсчитала рубль пятьдесят и передала их мужичку. Крендель осторожно взял деньги, поклонился в пояс и шепотом поинтересовался:

– Может, самогоночки?

– Нет, спасибо! До свидания! – категорически отказалась Надя и подтолкнула Даню к Линде, чтобы он попрощался. Даня сделал шаг вперед, поклонился Линде, совсем как Крендель, и мило так сказал:

– До свиданья, тетя Линда! Но у вас осень больсяя... ягодица и вы осень злая зенсина. До свиданья, дядя Клендель! – и поклонился Кренделю. Крендель пришел в себя, хихикнул и быстро заговорил, проглатывая слова и окончания:

– Во, во! Слышь, что ребяёнок грит? А если ж ребёнок грит, то это суща правда! Зараза ты ж погана... Кочерыжка лохмата!

Марина Степановна, до колик насмеявшись над историей с Линдой и Кренделем, приготовила чудный творог со сметаной и зеленью и созвала подруг и их детей на семейный ужин. Надя обежала все площадки и наконец-то нашла сына. И где бы вы думали? На «Аллее любви»! Там, среди деревьев, на скамеечке, разрисованной разноцветными сердечками, сидела парочка: аккуратно причесанный, почти прилизанный Антон и милашка Леночка в чистом платье. На коленях у девочки лежал букет садовых цветов. Антон что-то эмоционально рассказывал, а Леночка слушала внимательно, кивая ему головой. Надежда решила чуток послушать, о чем же могут говорить девочка и мальчик девяти лет. Прислушалась.

– А он и вправду сделан из серебра? – спросила Леночка.

– Да! Из самого-пресамого настоящего серебра. Когда я играю на горне, у меня волосы на голове – вот так! А на руках волосинки все кверху! Антон поднес свои руки с волосинками кверху к Леночкиным глазам.

Надежда решила выйти и внезапно появилась перед детьми.

– Мама! У нас свидание! – радостно закричал сын.

– Здорово! А как девочку зовут? – слегка подмигнула Надя девочке.

Антон толкнул Леночку локтем.

– Лена, – прошелестела девочка и подняла на Надежду огромные ясные глаза.

«Боже, какое чудо», – подумала Надя и сказала, – чудесное имя – Елена! И Леночка – очень красивая девочка!

– Да, это самая красивая девочка в нашем отряде! Mam, так ты не против, если мы поженемся?

Надежда открыла рот. Антон засмеялся и легонько стукнул мать по подбородку.

– Саечка за испуг! Ха-ха-ха!

– Ой, какой красивый букет! Маме-то ты цветов не даришь... – ревниво отметила Надя.

Антон, ничуть не сомневаясь, вырвал букет из рук Леночки и отдал его матери:

– Вот! Возьми, мама! А Леночке я ещё принесу!

«Влюбленная пара» встала со скамейки и, взявшись за руки, чинно направилась к своему корпусу. И только потом Надежда вспомнила, что не позвала сына на творог. По дороге ей то и дело попадались влюблённые парочки четвертого отряда. Да, не зря сделали «Аллею любви».

Уже второй вечер Петр крутил девочкам своего отряда диафильм «Снежная королева», а в спальне мальчиков Ира читала ребятам «Переход Суворова через Альпы». Читать Ирина умела мастерски, и мальчишки внимательно ловили каждое ее слово.

«...Батальон Мансурова прорвался через проход и бросился на отступавших французов в штыки. Французы, стоявшие на противоположном берегу, начали разбирать аппарель».

– Ира, а что такое аппарель? – послышался тоненький голосок.

– Ну... аппарель... ну это... в общем... эта такая штука... Ну, в общем слушайте дальше.

– Так, что за штука? – не унимался маленький почемучка.

– Так, еще один вопрос, и я читать не буду! «Но в это время к месту боев, со стороны хребта Бетс-бер-гер прибыла колонна генерала Каменского. Французы...»

Стоящие у окон отряда Марина Степановна, Надежда и Ольга улыбнулись и пошли дальше.

– Ты молодец, Геновна! Заставила их все-таки читать! – похвалила Надюшу Марина.

– Да уж, лучше, чем зубной пастой мазаться! – поддержала начальницу Ольга.

– Девчонки, а что такое аппарель? – спросила у подруг Надя.

– А, ктож его знает! – зевнула Марина. – Девочки, давайте к чернобыльцам завернем, узнаем, как у них дела.

Зашли в гости на минуточку, а задержались на часок. Ну как тут откажешься от чашечки чая да ещё и с конфеткой. Божена Мчиславовна Панасенко наливала чай и рассказывала о своем житье-бытье на Украине:

– Он, Мариночка, бывший пожарный. Их с товарищами в первые часы после взрыва сразу отправили на ЧАЭС. Ну они и не знали, что там случилось, на тушение пожара выехали все, кто дежурил.

– Да ты про красоту небесную расскажи! – подсказывала ей подруга.

– Да не сбивай ты, сама собьюсь! В пять утра, когда ж подъезжали, увидели над станцией розово-малиновое свечение. Как раз начинало светать, и это неестественное зарево очень впечатляло. Толик говорил, что раньше ничего подобного не видел. Так они и стояли. Начальство ж не знало, куда их направить. Потом оказалось, что в этом месте был такой сильный прострел радиации, что подохнуть...

– Ой, аж мурашки по коже! Зачем же их сорвали из Киева, и продержали без толку полсуток под радиоактивным излучением? – спросила Марина.

– Так было положено, по тревоге, – пояснила Олеся Викторовна.

– Это, Маришечка, ладно. А потом ведь их же опять отправили в самое пекло. Из-под разрушенного радиатора...

– Реактора! – поправила товарка.

– Ну, ты можешь помолчать? – вспылила Панасенко. – Помещение после пожара было полностью залито радиоактивной водой. Её и надо было откачать как можно быстрее! Говаривали, что если содержимое реактора соприкоснется с тяжелой водой, получится водородная бомба, от которой всей Европе капут.

– А почему выбрали ваших мужей? – спросила Марина Степановна.

– Ну как же? Нужны были здоровые, выносливые люди. Больные бы не выдержали. Ему же было тридцать пять лет, и он занимался спортом.

– То есть он туда попал совершенно здоровым? – спросила Надя.

– Конечно же. На сто с лишним процентов! Ну так слушайте, – продолжала Божена, – откачивают они эту воду, а тут возьми и проедься бронетранспортер по рукавам и перерезал их в пятидесяти метрах от реактора. Зараженная вода так и текла прямо на землю.

– Ну наши мужья и бросились устранять поломку. В рукавицах было неудобно, поэтому они их сняли и скручивали пожарные рукава уже голыми руками, – заплакала женщина, – и ползали на коленях в радиоактивной воде...

Марина Степановна пододвинулась к ней, обняла, погладила по плечу.

– Через два дня моему Толику стало плохо. Он начал заговариваться, и «скорая» увезла его со станции в Чернобыль. Там у него начались тошнота, рвота, и его доставили в Иванков, под капельницы. И других же отправили кровь проверять.

– А город встречал их, как космонавтов, – выкрикнула Олеся Викторовна, – люди вытаскивали их из машин и несли на руках в больницу, вся дорога была устлана цветами. Если бы они вовремя не откачали воду, Иванков эвакуировали бы.

– Такой печальный у вас рассказ, – прослезилась Марина Степановна.

– А Чернобыль, это и есть печаль, – дрожащим голосом сказала Олеся Викторовна, – из тех, кто был тогда на станции, все померли. К счастью, мой еще жив. Но очень болен. А лекарства такие дорогие...

Когда девушки вышли на улицу, они долго молчали, потом Марина вытерла слезы и, тяжело вздохнув, сказала:

– Да. Как тут не обижаться на систему, которая использовала здоровых молодых людей, а потом вышвырнула.

– Марина, надо все это нашим старшим детям рассказать. Они должны это знать. И костерок зажечь. Поговори с Боженой.

– Да, Надя, конечно, я поговорю.

Лунный свет освещал палату девочек первого отряда. Прохладный свежий ветерок трепал легкий тюль на окне. Наташа, натянув ночную рубашку, уже улеглась и ждала, когда Нелька погасит свет фонарика. Нелька же в трусиках и майке сидела на табурете перед единственным большим зеркалом в этом помещении и тонким слоем намазывала крем на лицо. Маня расчесывала свои непослушные волосы и с усмешкой поглядывала на противную соседку. Даше и Марине, жившим в этой палате, уже исполнилось четырнадцать лет, но за хорошее поведение Марина Степановна снова взяла их в лагерь. Тем более девочки помогали вожатым младших отрядов присматривать за детьми. Девочки тоже не любили Нельку, но никто не хотел портить с ней отношения – себе дороже! Нелька – стерва, сожрет с потрохами.

– Ой, девчонки, так любви хочется! – неожиданно протянула Наташа.

– Ой, и мне! Настоящей такой любви, как у старшой с Евгением Юрьевичем, – не думая о последствиях, ляпнула Маня, – она, между прочим, обещала, что почитает нам свои стихи про любовь. Только нам!

– Ага! Никому не читает, а тебе толстомясой прочитает, – зло прищурился и отвернулся Нелька.

Маня демонстративно отвернулась к стене и закрыла голову одеялом.

– У моих родителей тоже когда-то любовь была, – стала рассказывать Нелька, одновременно выдавливая черные точки на лице, – а отец как узнал, что мать беременная, и тютю! Только его и видели. С отчимом у нее тоже любовь! А он то пьяный, то сраный... А трезвый – на диване футбол смотрит – болеет. Мать его пилит целыми днями, смотреть тошно. Нет никакой любви! – Зло сказала Нелька и погасила фонарик.

– А вы как думаете, у старшой с Евгением Юрьевичем любовь? – спросила Даша.

– Ага! Неземная! Да он все время трётся около вожатой из шестого отряда. Ну, видели, задавая такая. Из новеньких, – поделилась своими наблюдениями Неля.

– Да врешь ты все! От зависти так говоришь. Я сама видела, он когда поёт, всегда на неё смотрит! – возразила Даша.

– Да, девочки, она хорошая, с ней интересно. Она весёлая и очень даже хорошенькая! Во всяком случае приятно посмотреть! – поддержала подругу Марина.

– А чего на неё смотреть-то? Ничего особенного. Прямо скажем, обыкновенная. Да и старше она его! – безапелляционно заявила Неля.

– Да не ври ты! И крем мой поставь на место! – Резко сказала Наташа.

– А я и не вру, сама в столовой слышала, как Домна теткам на кухне рассказывала, что он вроде как с Афгана пришел и вроде как чокнутым стал! Лопочет какие-то побасенки!

– Чокнутым? Ой, я к нему больше не подойду! – запищала Марина.

– А я бы подошла!!! Ой, как бы я подошла... Да как бы обняла его... А как он поет, девочки, как поет! – потянулась Нелька и закрыла глаза.

– Ага, как соловей! Крем на тумбочку положи! Двести раз сказать надо, не бери мои вещи! – прикрикнула Наталья и отвернулась к стене, показывая тем самым, что разговор окончен.

– На какую тумбочку, у Маринки вся тумбочка завалена книгами. Во, глядите, девки, Вальтер Скотт! А это? Дюма... На фиг тебе все это надо?

– А как жить-то без книг? – удивилась Марина.

– А ты, Мариха, не пробовала жить реальной жизнью? Влюбляться в наших мальчишек? – Спросила Ната.

– Что толку, она наших мальчишек не замечает. У нее на уме средневековые рыцари. А нашим мальчишкам куда до них! Вот если бы они носили кольчуги и устраивали турниры, тогда другое дело. Один раз был турнир! Ах-ха-ха! Короче драка. За гаражами парни из параллельного класса подрались. Друг другу синяков наставили. А потом помирились. Решили, что таких, как наша Мариночка, полным-полно! И нечего из-за неё драться.

Глава 10

Первые лучи солнца отражались в озерной воде. Огромное озеро, жители его почему-то «русалочьим» называют, словно шлейфом, было накрыто легким летним туманом. Водная гладь растянулась километров на десять-пятнадцать, то сужаясь, то разливаясь так широко, что и берег с трудом видно. Кое-где на плёсах распластались небольшие островки из кувшинок и длинных водорослей. Один из солнечных лучиков зыбко коснулся воды и, соскользнув вниз, разогнался и понёсся по траве. Осыпанное росой разнотравье резко пахло дурманом. В тени прятались лягушки и стрекозы. Начинался новый день.

Хоть и говорят, что рассветы нужно встречать в одиночестве или вдвоем, в полной тишине, но мужички из пионерского лагеря «Дружба» так не считали. Группа бегунов, возглавляемая Махал Махалычем, бежала по тропинке к озеру. За ним след в след бежали спортивные молодые вожатые Петр, Степашка, Константин Алексеевич с сыном, а замыкал колонну тщедушный Вася. Устав от постоянных насмешек друзей над его внешностью, он твердо решил, что к концу этого лета его фигура будет ничуть не хуже, чем у Петра, ну или хотя бы как у Сереги Степанова. Мужчины достигли берега и остановились. На озере опять стояла лодка с одиноким рыбаком. В руках мужчина держал длинное весло. Он, плавно взмахивая, грёб на середину. Увидев на берегу вчерашнюю компанию, ловец рыбы занервничал и строго погрозил компании указательным пальцем.

– Иииэхх! Самый клёв... – мечтательно протянул Махалыч и скинул с себя тусы.

Мужчины как по команде снимали с себя одежду и с громкими криками и дурными воплями голышом бросились в воду. Вася робко зашёл в озеро, поплескал на себя водичкой и подумал, что для его здоровья сегодня на редкость прохладно. «Начну я, пожалуй, купаться с завтрашнего дня», – решил для себя юноша и с чистой совестью пошел одеваться. Рыбак в лодке погрозил хулиганам кулаком. Опять распугали рыбу. Пловцы дружно вылезли из воды и засмеялись, натягивая на мокрое тело одежду. Рыбак смачно матюкнулся.

На посту у ворот дежурили ребята первого отряда. Нелька и Семён резались в карты. Даша вязала крючком, шевеля губами, беззвучно считала петли.

– И чё ты у нас, Дашка, такая вся правильная? такая вся... – стала приставать к Даше Нелька. Ей совсем не хотелось дежурить. А уж сидеть здесь у ворот, как дура, то уж лучше в другой компании. Вот с Владиком бы, а еще лучше с Ильей Чегодаевым...

– Ну чего сопли жуешь? Карту бери! – гаркнула Нелька на Сеньку и опять повернулась к Даше. – И все-то тебя в пример ставят. Даша – то, Даша – сё! Златошвейка ты наша, вышивальщица.

– Я не вышиваю, я вяжу!

– Чего вяжешь-то? – вяло спросила настырная Нелька и, не дожидаясь ответа, опять заорала на Семёна:

– Не жульничай, а то в глаз получишь! Даш! А давай, ты поменяешься с Решетниковым, он к нам, а ты на кухню?

– О, девки! Глянь, какая толпень! Закрывай ворота! – закричал Сенька. Днём постоянно ворота не закрывали, так как Геннадий гонял лагерный грузовик то туда, то сюда.

К воротам решительно приближалась группа деревенских жителей. Неля и Сенька закрыли ворота на замок, а Даша рванула в лагерь оповестить начальство. Народ подошел к воротам и попытался их открыть. Из-за всеобщего галдежа было ничего не понять. Громче всех кричала противная шустрая тетка в галошах на голую ногу. Старый дед Митроха поманил

Сеньку корявым от артрита пальцем. Сеня чуть струхнул и к воротам близко не подошёл, а, дурачась, обратился к жителям деревни:

– Здравствуйте, товарищи! Вас приветствуют пионеры, юные ленинцы пионерского лагеря «Дружба»!

– Пароль, товарищи! – продолжила ему в тон Нелька, содрагаясь от смеха.

Деревенский люд зашумел, заволновался. Послышались голоса:

– Щас вы получите у нас пароль!

– Не, вы видели, они ж над нами издеваются! Открывайте быстро!

– Мы делегация к начальнику лагеря! – закричала шустрая тетка и ломанулась в кусты.

Через минуту она радостно махала рукой, подзывая своих односельчан:

– Эй! Все сюда! Митроха! Тута дырка! Идите скорее, здесь дырка!

Толпа напролом полезла за ней через колючие кусты акации, и через несколько минут делегация во главе с Митрохой в фуфайке и шустрой теткой оказалась на территории лагеря.

Довольный дед подскочил к ребятам и, показывая им увесистый кукиш, ехидно сказал:

– А теперь спроси у меня пароль... Во тебе пароль!

Селяне решительно двинулись к домику начальника лагеря.

– Капец! Чего будет... – прикрыл рот ладонью Сеня.

В это время в тишине кабинета начальника лагеря Марина Степановна с Надеждой писали приказ на зачисление детей в лагерь. Марина печатала на старой пишущей машине немецкой фирмы «Олюмпия Верке» и постоянно что-то теряла.

– Ну, надо же, незадача... Куда эта копирка-то подевалась? Ну, ведь только что здесь была... Чёртик, чёртик, поиграл и отдай! Чёртик, чёртик, поиграл и отдай! Ой, нашлась, спасибо, чёртушка!

– Ты чего там возишься, пиши давай, а то у меня скоро заседание совета дружины... Синяев Иван Дмитриевич, Силин Николай Михайлович. Си-ли-н... Глухая тетеря! Сомова Анастасия... – диктовала ей Надя.

– Надюша, я тебе вот что скажу! – решительно повернулась к Наде Марина и посмотрела ей в глаза. – Слухи по лагерю ходят, что твой Женя встречается с Алкой из шестого отряда. Может это, конечно, и враки, но мне уже несколько человек про это доложили.

– Да нууу, нет, что ты! Да у меня же Шурочка в шестом отряде, вот он к ней и ходит... Неее, такого просто не может быть!

– Так, ладно. Я сказала, ты услышала! Читай дальше!

– Силин Николай Михайлович, – пролепетала Надя. Текст начал расплываться, голос не слушался, и пока ещё маленький, но страшный зверь под названием «ревность» уже поселился где-то в районе сердца.

Дверь с грохотом распахнулась, и в неё буквально влетела запыхавшаяся Даша Смирнова:

– Марин Степанна, там, там... Там такое!

На крыльце послышался топот многочисленных ног, и в кабинет ввалилась толпа разъяренных местных жителей.

– Здрасти вам! Сидите здесь, засидаете! Бумажки свои пишити, – начала свою речь шустрая тетка. Обведя глазами помещение, она увидела на стуле забытую кем-то из вожатых гитару.

– На гитарах играйти... А за дитяи и присмотреть некому. Весь сад, все цветы уперли...

– Добрый день! Проходите, пожалуйста! Что случилось? – Вежливо спросила Марина, почуввав недоброе.

– Делегация мы! Из Опятков! – закричал высокий мужик с обвисшими усами, мвявший в руках соломенную шляпу. – Я к дню рождения снохи все берёг. Так нет же, всё подчистую вымели!

– А у меня-то цветы: лилии, пионы, ромашки садовые... Это ж дорогие, чай, сорта! Чё молчишь, Параскева? Скажи им! – орала шустрая тетка, брызгая слюной.

Пожилая Параскева страдала зубной болью. Челюсть у нее была подвязана шерстяным платком. А за щекой лежал кусочек сала – верное средство от боли. Несчастливая вышла из-за бабьих спин, выплюнула сало на ладонь и что есть сил заголосила:

– Ой ты ж, матушки мои-и-! Ой-ти, батюшки-и-и! У меня всю клубнику сняли, обалдуи-и-! И даже неспелу-ю-ю-ю... Изверги! Тьфу! – Параскева, закончив причитать, аккуратно уложила кусочек сала за щеку, к больному зубу.

– Клубнику-то они уже не одну ночь снимают. И у Слюниных, и у Дуньки, и у Ивана Кузьмича... – стал связно рассказывать дет Митрофан. – Я уж и караулил, но ближе к утру приходят, когда шибко спать охота. Только вздремнул и вот тебе – как корова языком слизала...

– Народ заявленье писать будет! – стала наступать на Марину шустрая тетка.

– Товарищи, дорогие, я все поняла, будем искать виновных, – подала голос очухавшаяся от новой беды директор лагеря.

– Строго наказать! Со всей строгостью закона! – потребовал дед.

– Со строгостью, со всей строгостью! Ой, как зуб-то болит... – прошамкала Параскева.

– Очень строго накажем, очень строго! Сама к участковому пойду, и во всем разберёмся! – Марина Степановна встала из-за стола и потихоньку стала провожать делегацию к выходу.

– А за ущерб? Кто мне за ущерб заплотить? Это ж я сколько на своих цветочках потеряла... Там же лилии, люпины, ирисы! – не унималась тетка.

– Мы всё решим, всех накажем... а вы, Параскева, дойдите вон до того домика, – показала Марина рукой на едва видимый за окном медпункт, – и вам наша Докторица даст обезбаливающее. И поезжайте в райцентр. С зубами шутки плохи!

Делегация вдруг разом присмирела и покинула кабинет.

– Уф! Ушли! Марина, ты думаешь, это наши? – заволновалась Надежда.

– Безусловно!

Надежда в смятении подошла к двери своей комнаты. Заперто. Пионерская закрыта. У Алексашки его нет. Где же он? И Надя решительно направилась в сторону шестого корпуса.

Она поговорила с детьми, бесцельно слонявшимся у домика, а потом подошла к скамейке, где Лена увлеченно читала книгу. Надежда присела рядом и заглянула на открытую страницу:

– Интересная книга?

– Да-а, – подняла голову вожатая.

– Про любовь, небось?

– Не-е-е. Детектив.

– А что у вас сейчас должно быть по плану, Лена?

– Подвижные игры.

– А у вас что?

– Ой, Надежда Геннадьевна, они и так бегают, как угорелые...

– Вот именно – как угорелые!

– А Алла где?

– Алла? Да где-то здесь... – занервничала Лена. – Ребята, все ко мне! Быстро все ко мне! Дети подбежали к вожатой.

– Доча, ты папу не видела? – тихо спросила у перепачканной землей дочери Надежда.

– Папа ушёл с Аллой в лес. За цветочками.

Надежда побледнела, машинально переплела хвостик на голове Шуры, чмокнула её в макушку и пошла назад. За её спиной Лена организовала игру, и долго ещё слышался голос детей: «Красное знамя, ударное звено, отдайте нам Галю и больше никого!»

«Как же так? Как так вышло?» – думала Надя. Она всегда считала, что такое могло случиться с любой женщиной, но не с ней! Не с ней и не с Женькой! А, может быть, это началось давно? А она и не видела...

Надя не заметила, что углубилась в лес. «Он мне изменяет! И с кем...» Она попыталась рассмеяться, но вдруг громко расплакалась. Это была истерика, когда после длительного напряжения достаточно малейшего эмоционального толчка. Постепенно она успокоилась и поняла, что жалость к себе закончилась. Исчезла, растворилась со слезами. Но появилась злость:

– Ну и ладно! Ну и не надо! Да пошёл он! Что, я сама не справлюсь?!

Марина Степановна сегодня заменила Ольгу, страдающую сильной мигренью, и присутствовала на кухне при закладке мяса в суп и масла в макароны. Но мыслями она постоянно возвращалась к крахам цветов и клубники в деревне Опятки. Обычно дети, если и обносили деревенские огороды, то происходило это в Бузово. Это село было ближе к лагерю, да и домов там было больше.

Пока начальница думала о своих заботах, Домна Ивановна молниеносно взвешивала, отрезала, опять взвешивала и кидала куски масла в кастрюлю с корявой надписью «Второе блюдо». Евдокия бегала за шефиной, как хвостик, и подбирала грязную посуду.

– Да что ты все путаешься-то под ногами, Евдокея? И ходит, и ходит...

– Так я на пенсии, имею право! На то, что слева, и то, что справа. Куда хочу, туда хожу! – обиделась Евдокия и, гремя кастрюльками, ушла в посудомоечную.

В столовую зашла Надежда и направилась к раздаче. Марина повернулась на голос подруги и встала спиной к плите. Домна тут же быстрым, отработанным движением вынула масло из кастрюли, бросила его в ковшик и, закрыв его крышкой, закричала:

– Евдокея, убери скоренько лишнюю посуду с плиты, а то тут не развернешься!

– Бег-у-у, бегу-у-у! – донесся дребезжащий голос помощницы по кухне. Евдокия юрко подбежала к плите, схватила ковшик и унесла его в подсобку. А Домна уже интенсивно мешала черпаком макароны, размешивая в них следы масла.

Марина подошла к раздатке и вполголоса спросила:

– Ну что, Геневна, что-то случилось? Какое-то утро сегодня недоброе...

– Марина, а ты помнишь, я тебе рассказывала про Антона? Ну, про свидание с девочкой? – затараторила Надя.

– Ну, ржачка!

– А цветочки-то были садовые! Понимаешь, о чём я? Пойду сейчас четвертый отряд колоть. Они это, точно! А вы с Ларисой поищите следы от клубники. Ведь ел же её кто-то. И у уборщиц спроси аккуратно...

– Да посмотрю я, чё нам стоит... дом построить...

Надежда искала сына. По всему лагерю разносилась «Песня о первом отряде». Это была одна из её любимых песен, и она с удовольствием её подпевала:

Спой песню, как бывало
Отрядный запеваля!
А я ее тихонько подхвачу.

И молоды мы снова,
И к подвигу готовы,
И нам любое дело по плечу.

Но на сердце было нерадостно. Муж ведет себя непонятно, да еще и сын во что-то вляпался. Она поймала Антона на спортивной площадке, ребята собирались играть в футбол, и стала расспрашивать его о цветах, которые он подарил Леночке. Невдалеке стояла стайка его друзей, посматривая в их сторону. «А-а! Чует кошка, чье мясо съела...», – подумала Надя и начала допытываться:

– Антоша, я тебя умоляю... Сколько цветов вы сорвали?

– Минутку! – серьезно произнес Антон и побежал к товарищам. Там он пошептался с ними и вернулся к матери.

– Где-то штук двадцать-тридцать!

– А сколько ночей вы ходили за цветами?

– А мы ночью никуда не ходили! Вчера днём только, чтоб вожатые не увидели, пока весь лагерь искал человека с зеленой пяткой! Но на всякий... минуточку! – Антон вновь подбежал к товарищам, пошептался с ними и вернулся с информацией:

– Ночью точно никто не ходил! И то мне, Сашке и Игорьку тетенька сама нарвала, когда мы сказали, что влюблены. А остальные в погорелом доме рвали, так там не живет никто...

– А клубнику кто воровал?

– Ми-и-ну-тку! – удивился Антон и пулей полетел к товарищам.

– А вот клубнику никто из нас не брал! зуб даю! Парни у нас все порядочные! – отрапортовал мальчик.

Мать строго посмотрела на сына.

– Ну, честное пионерское! – поднял Антоша руку в салюте. – У кого хошь спроси! Смотри: как в Бузово заходишь, тети Любин дом, потом буржуев дом, с высоким забором и во-о-т с такой собачиной! А через два дома – погорелый дом...

– Как в Бузово? Вы разве не в Опятки за цветами бегали?

– Не-е-е-е!

Пришло время обеда для персонала лагеря. После бесконечной беготни по огромной территории есть хотелось ужасно. У плиты в белом халате стояла Ольга снимала пробы, и накладывала еду в стеклянные баночки. Вдруг СЭС нагрывает. А на следующий день в баночки закладывали новую еду. Марина тоже была занята – подписывала меню на неделю, и Надежде пришлось накрывать стол на троих.

– Уважаемая Докторица! Вам кисель или чай? – громко спросила Надя.

– Ну знаешь же, что я кисель не люблю... – откликнулась Ольга.

– А мне и того, и другого, и побольше! Е-е-е-есть хо-о-очу! – протянула Марина, оторвав голову от документов.

Вдруг Домна Ивановна истошным голосом закричала из подсобки:

– Марина Степановна! Скок, скок ко мне!

Марина, бросив все бумажки, с замиранием сердца понеслась в подсобку. Следом за ней сорвались и Ольга с Надеждой.

Домна суетилась у открытого мешка с картошкой, трехлитровых банок с огурцами и ящика с морковью.

– Ну, быстрее же скокайте!

– Так прискокали уже! – рявкнула Марина и посмотрела на джутовый мешок, стоящий у ног шеф-повара.

– Во! Смотрите-ка! И мешок картошки! И морковь привез, и пять банок огурцов соленых. Всё свое! Во, всё привёз! – радовалась, как ребенок, повариха.

– Да кто привёз-то? – хором спросили девушки.

– Да Константин Ляксеич же! Ребятам нашим... – махнула рукой на хоздвор Домна. – Натя, говорит, вам для детей из моего прошлогоднего урожая...

Надежда подошла к небольшому оконцу, выходящему на хозяйственный двор, и увидела, как Константин Алексеевич расплачивается с водителем. Орлов обернулся, встретившись с Надеждой глазами, засмутился и ушёл, не оглядываясь.

Надя вернулась в столовую к накрытому столу, а вездесущая Домна Ивановна посмотрела ей в след и хитро спросила у Ольги:

– Э-э! Докторица, а скажи-ка нам, Ляксеич-то правда в старшую втюримшишь? А то я своим бабам обещала разузнать этот момент!

– Ваше дело, Домна Ивановна, приготовить что-нибудь полезное и вкусное из этих продуктов, что Константин Алексеевич привез. И успокойте своих товарок! У Надежды Геннадьевны есть муж!

– Да какой муж? Женька что ль? Так он с Алкой из шестого отряда шарахается по кустам!

– Мама дорогая... Да откуда вы это знаете?! Целый день на кухне... А всё-то они видят! Вот писательницы-фантастки! – вступилась за подругу Марина, а про себя подумала, что бывают же на свете такие гадкие сплетницы. Всё-то им надо знать и жизнь чью-то обязательно отравить, ну а если не отравить, то подгадить. И улыбаться в лицо участливо и ласково, вот как сейчас!

– А вот и знаем! Мы тут как на передовой! Вся информация стекается в первые руки! – бойко отрапортовала Домна. И только она хотела открыть рот и сказать еще что-нибудь нелепое, как Марина закричала:

– Так, всё! За работу! И хватит тут сочинять небылицы!

И никто не заметил, что под открытыми окнами крутится вездесущая проныра – Галя Кутикова. Тощая, высокая, с длинным носиком, девочка из шестого отряда. Весь взрослый разговор она услышала и на ус себе намотала.

Надежда решила, что сегодня ночью она будет караулить ребят старшего отряда. Не вздумается ли кому ягод поесть или цветов нарвать. Ее маленькие часики, которые Женя подарил ей на двадцатипятилетие, показывали два часа двадцать минут. Она вошла на веранду, в незапертую дверь, и закрыла её изнутри на щеколду. Глаза уже привыкли к темноте, и она заглянула в вожатские. Олеся и Сергей крепко спали по своим комнатам. У девочек тоже все было на своих местах. А вот во второй палате мальчиков... Надя прошла между кроватями и убедилась, что четыре кровати пусты. Илья сегодня ночует у матери, а другие где? «Ага! – подумала она. – Вот сейчас я их, голубчиков, и поймаю!»

Она прилегла на пустующую кровать у окна. На соседней кровати кто-то зашмыгал носом, заворочался и затих. Надежда устроилась поудобнее и стала ждать. Она ждала и вспоминала...

Ей было тогда двадцать лет, и семнадцатилетний Евгений провожал ее с репетиции вокально-инструментального ансамбля, участниками которого они были. Стояла снежная зима. Под светом фонарей, ярко освещавших автомобильный мост через реку, падали и переливались снежинки. Её глаза сверкали, нежные щеки разругались. Женя ужасно боялся прикоснуться к ней. Наконец, решил, взял её руки в свои, снял варежки и потер их.

– Замерз, воробушек? Лапки холодные...

Евгений согрел её руки своим дыханием и вдруг решил сказать ей все, что хотел. Все, что накопилось.

– Надя, я не знаю, как сказать... Ты в нашем ансамбле – как огонек! И все к тебе слетаются. Знаешь, я в твоём присутствии становлюсь каким-то маленьким дурачком. Когда ты подходишь к синтезатору, у меня руки трясутся.

– Женечка, ну ты и есть маленький, – ласково ответила ему Надя, – ты в десятом классе, а я уже работаю... Я для тебя стара, а ты для меня мал. Мы с тобой друзья и ничего больше. И ты же знаешь, что провожаешь меня для того, чтобы большие оболтусы ко мне не липли.

– Надя, тогда я уйду из ансамбля! – решительно произнес он, не отпуская ее руки, – мне больно видеть тебя. Видеть, как парни клеятся к тебе.

– Женечка, не уходи! – шутливо отвечала она ему и, выдернув свои руки из его ладоней, ласково провела кончиками пальцев по его щеке. – Где мы ещё найдем такого талантливого клавишника? И поёшь ты замечательно! Душой поёшь! И мы все тебя любим и ценим! Несмотря на то, что ты самый молодой...

– Надя, я хочу, чтобы ты знала: я наверняка скоро уйду служить в армию, но когда вернусь, то найду тебя! И мы обязательно будем вместе! Воробышек, а хочешь, я тебе спою? – порывисто спросил он. – Пусть это будет наша песня. И петь я её буду только для тебя... – и он тихо, проникновенно запел песню Юрия Антонова «Двадцать лет спустя»:

Не мечтал о счастье я таком, я о нем не знал,
Даже целый мир с тобой вдвоем мне, наверно, мал.
Благодарен я судьбе своей за любовь, что нам дана,
Знаю, будешь мне нужна, всегда одна лишь ты, лишь ты одна.
Хочу, чтоб годам вопреки, так же были мы близки.
Так же были мы близки двадцать лет спустя...

Из сладких воспоминаний её вырвал осторожный стук в окно: тук-тук, тук-тук-тук! На соседней кровати подскочил Вовка Клюв и ломанулся к окну, но, увидев кулак старшей вожатой у своего носа, тут же забрался обратно в постель. Надежда на цыпочках подошла к окну и спряталась за занавеску.

За темным окном послышался шепоток Влада:

– Эй, Вован, дрыхнешь что ли? Кто дверь-то в корпус запер?

Надежда хрипловато прошептала:

– Вожатые заперли!

– Во черт! Открывай фортку. Принимай гостинцы. Держи первую!

– Давай! – протянула руку в форточку Надежда и взяла банку с клубникой. Запах ягод закружил голову.

– Держи вторую, третью... осторожно, придурок! Сегодня улов маленький... Цветы мы в лесу спрятали! Думаю, до утра не завянут. Ну, тварь Олеська! Это она дверь на ключ закрыла! Давай, Сенька, лезь уже! – приговаривал Решетников.

Сенька, вздыхая и кряхтя, полез в форточку. Спрыгнув на пол и увидев перед собой свирепо сдвинутые брови старшей вожатой, парнишка здорово струхнул. Надежда приложила к губам указательный палец, и Сеня, на всё согласный, дошел до кровати и лёг, натянув на себя одеяло.

– Давай, Жирдяй, теперь ты! – командовал за окном Влад.

– Да не полезу я! Я в тот раз чуть не застрял... – отнекивался Жора.

– Ну не застрял же! Жрать надо меньше, Винни-Пух! Давай, лезь быстрее!

– Может, я лучше в подвале переночую, а?

– Ты че, Жирдяй, спалить нас хочешь?

И Жоре ничего не оставалось, как лезть в форточку. Форточка была достаточно большой, чтобы мог пролезть человек. А Жора хоть и человек, но уж очень толстый. Как только он

встал на полусгнивший, ненадежный ящик, тот мигом под ним развалился. Пока Жора лазал в подвал за другим ящиком, Влад продолжал рассказывать:

– Сечешь, Вован? Сегодня в нас мужик чуть не пальнул. Бежал за нами, орал, как резанный... Мы свернули на Бузово, пусть думает, что это деревенские...

Наконец Жора, пыхтя и кряхтя, залез через форточку в палату и нос к носу столкнулся с Надеждой:

– А-а-а! – крикнул он, но Надежда, зажав ему ладонью рот, довела его до кровати. Жора как кролик лёг на свою койку.

– Чё орешь, придурок?! – зашептал Влад и ловко спрыгнул на пол спальни. – Всех щас разбудишь! Представляете, какая завтра рожа у старперши будет?

Владик только сделал несколько шагов к своей кровати, как в палате зажегся свет и прозвучал довольный голос «старперши»:

– А сейчас я хочу посмотреть на лицо Влада Решетникова, который будет платить большо-о-о-й штраф!

Глава 11

На утренней планерке весь педагогический коллектив обсуждал поступок ребят первого отряда. Подростки, потупив глаза, переминались с ноги на ногу. Жора уже по третьему разу рассказал, как дело было. Ему ни в коем случае нельзя было возвращаться домой, так как отец его лупил нещадно, и он пытался всеми правдами и неправдами остаться на плаву:

– Ни одной ягодки не съели, – гундосил он, – всё этой тетке отдавали деревенской. Ну, жирной такой! Ой, ну, это... полноватой такой... А она их в райцентре продавала. А деньги мы не брали. Отдавали Владику за ликер. Так что мы с Сенькой ни при делах...

– Ну ты придурок, Жирдяй! Всех заложил! – злобно глянув на дружка, угрожающе прошипел Решетников.

В результате педколлектив принял решение: конфискованную клубнику передать чернобыльцам, а родителям воришек оплатить деревенским жителям нанесенный урон.

Марина Степановна собиралась уже отпустить педагогов, но тут Ева Петровна решительно встала и, укоризненно поглядев на Михаила Михайловича, покачала головой:

– Хочу напомнить Михал Михалычу, что пионерское лето – лето бодрости и здоровья, физкультуры и спорта. И вы должны приобщить каждого пионера к регулярным занятиям физической культурой. Это партийное требование мы должны воплотить в конкретную систему воспитания. Так организовывайте уже сдачу детьми норм комплекса ГТО. А то выдумали – ряжеными в футбол играть. Да плакаты безграмотные писать...

– Так, рано же для ГТО, Ева Петровна! Я всегда к концу смены начинаю, – вскочил со стула возмущенный физрук и посмотрел на Марину Степановну и Надежду, ища от них поддержки.

– Ева Петровна, Михал Михалыч работает по плану, и никаких замечаний к нему нет! – выпалила Надя.

– А вы и вообще помолчите, Надежда Геннадьевна, со своими мётлами! Вам сказали люди свыше – убрать это мероприятие... А вы!? А вы его всё-таки провели.

– Так! Ева Петровна! – Перебила её начальник лагеря и сдвинула брови. – У вас есть ещё, что сказать вожатым?

– Да, есть! Не забудьте, сегодня учеба вожатых! После полдника! И не смотри на меня волком, Сергей Степанов.

Надя не подала виду, но очень удивилась, почему учебу вожатых ведёт не она, а старший воспитатель. И как только все разошлись, задала Марине Степановны этот вопрос.

– Надя, у тебя и так дел полно, пусть что-то и Ева Петровна делает. К тому же, как ты заметила, она очень любит всех учить.

Надежда наводила порядок в пионерской. Решила сделать небольшую уборку, протереть накопившую за десять дней пыль, расставить на свои места барабаны и горны, брошенные детьми как попало.

В помещение ворвалась Ирочка.

– Надежда Геннадьевна! Еле вас нашла! – плюхнулась на стул запыхавшаяся девушка и, прижав одну руку к сердцу, начала торопливо говорить:

– У нас в отряде несчастный случай! Я в панике! Я во всем виновата!

– Ирочка, что случилось? – бросила Надежда влажную тряпку на пол и подошла к девушке.

– Да мальчик у нас один есть, такой непоседа. Попу себе распорол гвоздем.

Лицо Надежды побледнело, и она опустила на стул.

- Ира, какой мальчик? Его не Антон зовут?
- Что? Да, Антон...
- Где он? – закричала Надя и уже на крыльце услышала:
- В медпункте!

В медпункте был самый обычный день. На стульях уже сидели обработанные зеленкой два синяка, одна царапина и одна огромная шишка.

Антон лежал на кушетке животом вниз. Докторица накладывала ему повязку на ягодицу и выслушивала рассказ из уст потерпевшего:

– Нет, Ольга Григорьевна! Это было никакое не хулиганство... Ой-ой! Это мы проверяли, как Суворов через Альпы переправлялся, – объяснял Антон.

– Ну и как, получилось? – поинтересовалась доктор и начала осторожно бинтовать поврежденный орган.

– Я думаю, что должно было получиться. Я просто в сторону немного съехал, а там гвоздь! Во-о-от такой! Ой, щиплет!

– Терпи давай, Суворов!

В медпункт влетела Надежда, увидела сына и осела на пол. Докторица обернулась:

– Ой, Надежда Геннадьевна! А чего это с вами? А у нас все хорошо! Все у нас нормально. Царапина небольшая. Вот, скорую ждем, зашивать поедом! Лариса, нашатырь!

За полчаса до обеда из динамика прозвучал громогласный сигнал горна «Слушайте все!». Через несколько минут все отряды собрались на линейке. Марина Степановна оглядела детей и вожатых и голосом Левитана объявила:

– Ребята! Сегодня в нашей стране произошло страшное, печальное событие.

Со стороны четвертого отряда прорвался детский веселый голосок:

– А мы знаем, Антон Михайлов попу распорол гвоздем. Его старшая вожатая на скорой помощи увезла!

– Нет, ребята, не в лагере, а в стране. На железнодорожном переезде в городе Арзамасе произошел взрыв трех вагонов, которые перевозили груз для горных предприятий Казахстана.

Взрывом был уничтожен 151 дом, более 800 семей остались без крова. По официальным данным, погиб 91 человек, пострадали 1500 человек. В стране объявили траур.

Марина обвела взглядом серьезные, испуганные лица детей и продолжала:

– Сегодня у нас после полдника было запланировано кино, а после ужина дискотека – все это отменяется. Внимание, лагерь! Смирно! Председатель совета дружины, приспустите флаг!

Линейка закончилась, отряды начали строиться на обед. Дети в молчании расходились, кто-то даже плакал. Но некоторые, возможно, расстроились не от крушения поезда, а из-за того, что не будет дискотеки. Ведь подружки уже очень удачно поменялись платьями. А кто-то очень хотел посмотреть французскую кинокомедию «Папаши», которая недавно вышла на экраны.

Шурочка и ее подружки – востроносая Галя и белокурая, похожая на фарфоровую куколку Маша – обсуждали событие дня:

– Девочки, я недослышала, у нас что, кровь брать будут? – заинтересованно спросила у девочек Шурочка.

– Почему? – не поняла Галя.

– Ну сказала же начальница лагеря, что много человек осталось без крови, – терпеливо пояснила Шура.

– Ой, девочки, я боюсь кровь сдавать! Я лучше домой сбегу! – пискнула Машенька.

– И я! – поддержала ее Галя.

– Нет, девочки, я, конечно, ваша подруга и я не могу позволить своему уму и сердцу вас выдать, но кровь, девочки, сдать надо! Раз мы маленькие, то у нас только немножко-немножко возьмут! Вот столечко...

Уже у столовой Евгений подошел к Ирине и, прищурился, язвительно сказал:

– Ирочка, чтоб вы знали... аппарат – это пологая насыпь. Короче, устройство для прохода солдат и техники... Что сегодня и соорудили ваши воспитанники! И знайте, когда вы читаете детям о подвигах, они обязательно будут пытаться их повторить! И смотреть за детьми надо! Смотреть! – выпалил в лицо испуганной вожатой музрук.

Ирина покраснела и чуть не плача залепетала:

– Простите, Евгений Юрьевич, простите!

Марина Степановна и участковый милиционер деревень Бузово и Опятки, шестидесятилетний Семен Алексеевич, вошли во двор супружеской пары Линды и Кренделя.

– Эй! Хозяева! Есть кто дома? Линда, не прячься за сарайку, тебя все равно со всех сторон видно, – закричал строго участковый, пряча под козырьком фуражки смеющиеся глаза.

Из-за деревянной постройки выплыла Линда в ярко-желтом нарядном платье в горох и с огромным бантом сзади. Волосы пышно начесаны и собраны в куколь, губы ярко накрашены. Она подплыла к незванным гостям с ангельской улыбкой на лице, перед которой редко кто мог устоять. Так по крайней мере она сама считала.

Семен Алексеевич давно знал хитрющую, вороватую Линду. Хорошо знал и ее родителей, родивших дочку на старости лет и избаловавших ее донельзя. И сейчас старался не повестись на ее уловки, а нагнать на нее страху. Участковый заговорил грозным голосом:

– Тааак! И куда это вы, гражданочка Парамонова, собрались?

Ее несколько нелепый, даже комичный вид мешал ему отнестись к ней со всей серьезностью. Блюстителю закона заулыбался во весь рот, и глаза его вновь засияли весельем, как у мальчишки.

– Дак, чай, в райцентр еду, на рынок! – пропела гражданка, потупив глазки с сильно накрашенными коротенькими ресничками.

– Чего купить хочешь аль продать? – взял себя в руки участковый.

– А чё продать-то? Нечего мне продавать... Из всего имущества-то во – Глафира Порфирьевна! А купить хочу... Макияж себе! И бусики такие, красненькие и тени такие, зелененькие...

– Бусики, говоришь? Бусики носят бабусики...

– А ты чего приперся-то, Ляксеич? А ты, Маринка, чё, за творогом пришла? А то мне некогда. Ехать поди надо! Ишь, еще и на возраст мой намекает!

– А никуда вы сегодня, гражданка Парамонова, не поедете... И завтра не поедете... И до-о-о-лго еще не поедете...

Из-за угла дома выглядывал Крендель. И как тут опять не рассмеяться: одет он был в кирзовые сапоги на босу ногу, в черные семейные трусы и грязно-белую майку, наверно, в Линдину, на несколько размеров больше. Крендель, при рождении Афанасий Николаевич, жутко боялся участкового.

– Так, хозяйка, приглашай в дом, – миролюбиво сказал участковый и, не ожидая радушного приема, открыл дверь и пригласил Марину Степановну внутрь.

На кухне у Линды было грязно, здесь, видно, редко прибирались. Под ногами сновали тараканы. Марина безжалостно наступила на одного из них, и к горлу подступила тошнота. «И это мы у неё творог и молоко покупали? – подумала она. – Ужас!»

Брезгливо оглядев замызганные стулья, Марина решила не садиться. Участковый не был таким разборчивым и, подумав, решил сесть за стол, обтерев заляпанную клеенку таким же грязным полотенцем.

– А ну признавайтесь, гражданочка! У кого вы покупали краденую клубнику? Цветочки? Где продавали и кто сообщники? – разложив на стол бумаги, спросил Семен Алексеевич и поводил носом. Запах в избе стоял, прямо скажем, специфический.

– Какую клубнику, Ляксеич? Какие цветочки? У меня и денег-то нет! И пенсия у меня ма-а-лю-ю-сенькая!

– Гражданка Парамонова!!!

– А-а-а! Это про ту-то клубничку?! Дак это ж парнишечки, такие видные, такие красивые угощали меня. Хочешь, говорят, Линда, клубнички? У нас, чай, много! – захлеб давала показания молодуха. – А у тебя ведь клубнички-то нет... У тебя ведь только коза... На, говорят, тебе, угощайся! Ну я и угостилась... Пару раз... Вот хоть у Кренделя спросите! Эй, кровопивец! – выглянула она в окно – Собаки кусок! Алкашина проклятый! Прячется зараза пупырчата...

– Хватит трюндеть! Чтобы через час у меня в отделении была! Очную ставку делать буду! – не выдержал ужасного запаха участковый.

– Ляксеич! У меня ж ноги больные... Мне ж до твоего участка не дотопать...

– Во-о-о! Если в одиннадцать нуль-нуль не притопашь, трактор за тобой пришлю...

С прицепом!

Участковый подхватил Марину Степановну под локоток, вывел из избы и повел к калитке.

Не успели незваные гости выйти на проселочную дорогу, как услышали вопли Кренделя:

– Чо будет-то, чо будет? Ласточка ты моя, ненаглядная... Посодют, как пить дать, посодют! – крепко прижавшись к объемной груди Линды, заплакал тщедушный мужичок.

– Не каркай, придурок! Хренушки им, а не гражданка Парамонова! Алиби у меня!

– Чего?

– Алиби, дурак! Всю ночь я с тобой спала. А Маринка-то эта страшна... И Надька, ейная подружка, тоже страшенькая... А еще эти две сволоты в подруги ко мне набивались! Да видали мы таких фиф...

Константин Алексеевич, закончив строительства бани, искал себе плотничьи дела. А дел – невпроворот! То замок поменять, то скамейку починить, то пружины у кроватей поменять. А тут старшая попросила веревку прибить – оторвалась. Он стоял на лестнице и примерялся к щиту на столбе с надписью «Термометр». Внизу стояла Надежда, придирчиво руководила процессом и рассказывала о подвиге Антона.

– Ой, левее, еще левее! А теперь очень хорошо! – похвалила Костю старшая вожатая. – Ну, в общем, выдержал все стойко, без слёз!

– Надо же, какой Антошка молодец! Есть, чем гордиться! Надежда Геннадьевна! Посмотрите, ровно?

– Ой, здорово! Очень хорошо!

Константин Алексеевич отстранился, чтобы оценить свою работу, и... вместе с лестницей упал на землю. Перепуганная Надежда бросилась к нему на помощь и попыталась поднять:

– Константин Алексеевич, вы не ушиблись? Где больно? – склонилась она к нему.

Со стороны восточных ворот послышался звонкий залиvistый женский смех, и на дорожке появились Евгений и Алла. Они держались за руки, и Евгений, видно, рассказывал что-то интересное. Увидев Надежду и плотника, парочка в испуге отшатнулась и в неловком молчании остановилась. Константин Алексеевич, чтобы загладить неловкость, начал читать надпись на щите:

Если веревка сухая – погода ясная.

Если веревка раскачивается – ветер.

Если веревка раскачивается сильно – сильный ветер.

Если веревка мокрая – идет дождь.

Если веревки нет – значит, её украли.

– Забавно, конечно, но зачем? – спросил плотник, глядя на старшую вожатую.

– Так весело же! Пусть всем будет весело! – рассмеялась Надежда, делая вид, что так и надо, что ее муж среди бела дня гуляет с молоденькой вожатой, держа ее за руку. Хотя сердце ее будто ножом резали, так было больно.

Константин Алексеевич потер ушибленное колено и неловко встал на ноги. Затем легко поднял лестницу и, выжидаяще посмотрев на Надежду, спросил:

– Вы в столовую, Надежда Геннадьевна? Пойдемте, нам по пути! Евгений в замешательстве смотрел вслед уходящей жене. Алла же тормошила его и заглядывала ему в глаза:

– Женечка, а правда говорят, что твоя жена с плотником любовь крутит?

– Ты, Алла, чушь не пори! И по себе других не суди! Извини, у меня занятие! – резко сказал Евгений и выдернул свою руку.

Ничего не понимающая Аллочка с недоумением смотрела ему в след:

– А чего я такого сказала? Женя, Женечка! Подожди!

– Ну вот, дело к ночи. Дни пробегают молниеносно! Только встанешь – и уже ложиться пора! – философствовала Марина Степановна, совершая с Надеждой вечерний обход корпусов.

– Слава богу, Геновна, что с Антошкой все обошлось! Я уж тут вся перетряслась. Линда с Кренделем фортеля выкидывают... Да еще траур этот...

– Да, я в больнице по радио слышала. Какой кошмар! Им, наверно, надо вещи собирать или деньги! А у нас ни того, ни другого. Маришка, пройди дальше одна. Я к Антошке зайду.

– Да, конечно, сходи. Намучился мальчишка. И как его угораздило? Суворов...

Надежда неслышно вошла в спальню спящих мальчиков. Подошла к кровати сына и опустилась на корточки. Поцеловала его в макушечку, нежно погладила и неумело зашептала слова молитвы:

– Господи милостивый! Пусть мой ребенок будет здоров и счастлив! Пусть все беды обойдут его стороной! Прости меня, Господи, что я так мало времени провожу со своими детьми, плохо забочусь о них. Прости меня. Я плохая мать. Прости, прости, прости! Аминь!

Надя еще раз поцеловала спящего сына и стала поправлять сбившееся одеяло. Вдруг ее рука нащупала что-то твердое. Она приподняла одеяло и достала... горн! Надежда ласково улыбнулась, поставила горн на тумбочку возле кровати и направилась в пионерскую.

Надя совсем не хотела идти в общую с мужем комнату, ждала, что Евгений заснет, и она избежит неприятного с ним разговора. А поговорить надо было. По лагерю ходили слухи, а теперь уже и не слухи, а правда, что Евгений встречается с вожатой шестого отряда. Обязан-

ности музыкального работника он выполнял хорошо, но как-то из-под палки. С ней разговаривал сквозь зубы. И от всего этого у неё на сердце кошки скребли.

Она дописала на листе ватмана заголовок «Копилка добрых дел» и сполоснула кисточки. Затем полюбовалась своим творением и потянулась.

– Ну, все! Спать, спать!

Надежда закрыла дверь пионерской на замок, и вдруг что-то привлекло её внимание. Она взгляделась в темноту и заметила среди чёрных деревьев снующие белые фигурки. Девушка подошла ближе:

– Ну, так и знала, нечистая сила! Ну что ж, охотник за привидениями выходит на тропу войны!

Нечистая сила носилась из корпуса в корпус. Надя пошла к Раиным детям. Заглянула в каждую спальню. Пусто! А в одной из палат детишки уж очень усердно храпели... Она заглянула в вожатские – и там никого!

– Да... Ну дела-а-а!

Надежда направилась к клубу, где ярко светились окна и были слышны звуки гитары.

Она вошла в прокуренное помещение и застала там всех вожатых. На столе беспорядочно валялись вафли, печенье, в тарелках засыхали остатки ужина. Алексашка наполнял граненые стаканы мутной жидкостью. «Самогон из деревни, – подумала Надежда, – такая же бутылка, как Крендель предлагал». Евгений пел, аккомпанируя себе на гитаре, а рядом, положив голову ему на плечо, сидела Аллочка.

Хочу, чтоб годам вопреки,

Также были мы близки,

Также были мы близки,

Двадцать лет спустя... – полоснули по сердцу слова песни Надю.

Наконец непрошенную гостью заметили. Надежда молча рассматривала подвыпившую компанию. Вожатые занервничали, не зная, как себя вести. Аллочка села прямо и, схватив вафельку со стола, аппетитно захрустела. Евгений замолчал и с вызовом посмотрел на жену.

– Ребята, я, конечно, понимаю, что вы устали... Что вам хочется неформального общения. Но мы же договорились: с отряда уходит только один вожатый. А вы все здесь! И дети у вас в данный момент одни... – спокойно обратилась Надежда к вожатым, хотя сердце колотилось, как сумасшедшее.

– Да все спят уже давно, Надежда Геннадьевна! – подал голос Вася.

– А я, Вася, точно знаю, что ни первый, ни второй отряд не спит.... В привидения играют... Всё, ребята, я прошу вас разойтись!

Недовольные вожатые поплелись к выходу.

– А если не разойдемся, то что? Уволишь? – с вызовом обратился к жене Евгений.

Раиса и Алла, осмелев, подняли глаза на Надежду, но не встали.

– Девочки, я прошу вас пойти на свое рабочее место! Я жду!

Надежда вышла из клуба на трясущихся ногах, но далеко не пошла, спряталась за деревьями. Следом за ней вышли Алексашка с Раисой и направились ко второму корпусу. В помещении остались только Евгений и Алла. Надежда подождала и сделала решительный шаг к дверям клуба, но смелость тут же покинула ее. Остановилась, отошла на тропинку. Затем вновь устремилась к дверям и вновь отошла. С тяжелым сердцем, медленно побрела Надежда к своему домику. Горькие слезы заструились по ее щекам.

Из открытого окна комнату заливал лунный свет. Изредка в тишине слышались сонное стрекотание сверчка или кузнечика и далёкий собачий лай. Надежда лежала в кровати и смотрела в потолок. Чуть заскрипела дверь. Девушка напряглась и закрыла глаза, сделав вид, что спит. Крадучись, вошел Евгений. Разделся и, стараясь не скрипеть кроватью, лёг. Стрелки будильника показывали 5 часов 10 минут.

Глава 12

Ева Петровна бежала по мокрой росистой траве, торопясь на летучку. Неожиданно из-за кустов возникла Марина Степановна и, взяв ее под локоток, развернула обратно.

– Ева Петровна! Сегодня планерки не будет. Я отменила. Можете еще немного покемарить.

– Да как же это так? Видимо ли дело – планерки отменять? Сначала режим, затем планерки, потом анархия? Вы меня, Марина Степановна, простите. Но пока Людмила Витальевна работала, то все шло так, как надо. А с приездом супругов Соколовых... Ну всё идет наперекосяк. Не по-советски это все! Не по-партийному! И уж эти ваши секреты...

Невыспавшиеся вожатые в ожидании разноса сидели в пионерской на своих местах и терпеливо ждали начала планерки. Сидели тихо. Чувствуя свою вину, старались не смотреть на старшую вожатую и думали: почему же на планерке нет начальника лагеря, Евы Петровны, доктора? Они гадали, будет ли старшая возить их фейсом об тейбл за вчерашнее или обойдется? Вожатые, которые отработали в лагере несколько лет, знали, что если их и ждал крупный скандал, Степановна никогда бы не стала заводить его при всех. Она любила своих вожатых и относилась к ним уважительно. Но вот как поведет себя новенькая? В воздухе витало неослазаемое напряжение. Надежда что-то писала в тетради, не поднимая головы. Наконец старшая посмотрела на свои ручные, маленькие часики и спокойно сказала:

– К моему большому удивлению, почти все здесь... Сережа, дойди, пожалуйста, до Евгения Юрьевича и пригласи его на планерку. А ты, Лена, сбегай за Аллой.

– Да её пушками не разбудишь! – возмутилась Лена и нехотя вышла из-за стола.

– А ты постарайся!

Надежда снова уткнулась в тетрадь, и вновь воцарилось молчание.

Через две минуты послышалось покашливание, и вошел Евгений. Он демонстративно сел на стул и сразу пустил в ход свои шуточки:

– Дорогие коллеги, избегайте мелких ссор, берегите силы для крупного скандала!

Евгений, сам не зная, зачем это ляпнул, чувствовал себя преотвратно. Иногда ему становилось тошно от своей начитанности и идиотских цитат, которые пёрли из него.

Минут через пять в пионерскую вошла сердитая Елена и серой мышкой прошмыгнула заспанная Алла. Проронив «здр...», она присела на краешек стула рядом с Леной.

Надежда отложила в сторону тетрадь, обвела всех присутствующих ледяным взглядом и холодно сказала:

– Сегодня мы начнем планерку с повторного ознакомления с приказом, в котором говорится, что вы, дорогие вожатые и воспитатели, полностью отвечаете за жизнь и здоровье вверенных вам детей.

Вы уже расписывались в нем, но, видимо, не прониклись серьезностью документа. Итак, приказ №14 по загородному пионерскому лагерю «Дружба»...

Дежурные убрали посуду после завтрака. А Хлеборезка, покрикивая, подгоняла нерадивых, ленивых, ужасных и тех, у кого руки не из того места растут. Марина Степановна и Ольга, медленно допивая чай, с интересом слушали Надежду:

– Ну а потом просили прощения. Но не она... И не он...

– Вот ведь дрянь! Марина! Уволь ее! Чего молчишь? – вскипела Ольга.

– Девочки, пусть она доработает до конца смены. И вообще... работает она нормально, – вступилась за Аллу Надежда.

– Что ты на меня так смотришь? Где мы сейчас вожатую найдем? – ответила Марина, пожав плечами на Ольгину реплику, и обернулась к Надежде:

– Да, Геновна! Ты права! Надо потерпеть до конца смены.

В столовую, напевая песню «Конфетки-бараночки», вошел Евгений. Увидев девушек, он расхлябанно подошел к их столу и назидательно высказался:

– Мариночка, «если вы заботитесь о своем пищеварении, мой добрый совет: не говорите за обедом о большевизме и медицине. И боже Вас сохрани, не читайте до обеда советских газет...». Затем он развернулся и, напевая, направился к раздатке, подзывая к себе шеф-повара:

– Домна Ивановна! Голубушка, «...наши обстоятельства в упадке...» Покормите же скорее менестреля...

– Министра!? Какого ж такого министра? – разулыбалась во всё лицо повар. – А! Тебя, Женюшка, уже министром поставили?

– Ну да... Что-то вроде того!

– Ну, теперь денег будешь много получать?

– Да нет, уважаемая Домна Ивановна. «Деньги людей портят. Так что у нас в основном народ хороший»...

– Да у нас, Женечка, в лагере весь народ хороший...

Докторица удивленно замотала головой и озадаченно спросила у Надежды:

– Чего это он? Какие газеты?

– Умничает... «Собачье сердце» Булгакова, а про обстоятельства – это Островский! – ответила спокойно Надя, но как же ей хотелось вскочить и стукнуть его тарелкой с кашей по голове или вылить на него этот ужасный кофе с противными пенками.

– А-а-а! Но ни-и-и-чего не поняла...

В каждой смене дней через семь-десять дети пишут письма родителям. И не потому, что соскучились, а потому, что Ева Петровна все равно заставит. Кто за столом, кто на стуле, положив на коленки книжку, дети писали домой. Между ребятами вышагивала Ева Петровна, время от времени заглядывая в детские каракули, диктовала:

– Кормят нас очень хорошо! Хорошо ведь нас кормят? А, ребята? Хорошо! Для мам это очень важно.

Кольча поднял руку и интенсивно потряс ею в воздухе, чтобы привлечь внимание Евы Петровны.

– Ну, чего тебе?

– А можно я завтра письмо напишу? У меня сегодня мыслей нет! – стал канючить Колька, завидуя, что Антон в это время разрисовывает книжку-раскраску.

– Как это нет? Как это нет?! Ребята, слышали?! У нас появился мальчик с пустой головой, – подняла на смех мальчика старший воспитатель.

Ребята засмеялись и стали подшучивать над Кольчей.

– Сегодня, мальчик, День письма, – отчитывала ребенка Ева Петровна, – это очень важное мероприятие. И сорвать его я никому не позволю. Вот сядь и пиши, что я говорю. Пишем. «И вкусно! Дают добавки. Еще мы ходили в кино на „Бриллиантовую руку“, „Смелого пуля боится“ и...»

– А, может, он хочет своими мыслями написать, – прервал ее Антон.

– А ты, Антон, сидишь, так и сиди! Раз тебе писать некому. Так, продолжаем... У нас много хороших мероприятий...

Ева Петровна заглядывает через плечо ребенка в письмо, которое он написал:

– «Бойся» – без мягкого знака. Ну, ещё что-нибудь своего добавьте. Не забудьте написать «Целую всех, обнимаю». Приветов можете передать...

Ребята дописывают. Некоторые дети смачивали конверты слюной, чтобы их запечатать. Ева Петровна всплеснула руками и закричала:

– Ну куда ты, куда ты... Не надо слюнявить. Я все заклею специальным клеем. Чтобы в пути не затерялось. Так, все слышали? Сдаем, сдаем! Все письма мне.

Ева Петровна собрала все послания, но ровно через сорок минут она махала перед лицом начальника лагеря одним из этих писем.

Она была крайне возбуждена, ее лицо пошло красными пятнами. Марина Степановна тоже была на взводе. Она внимательно выслушала старшего воспитателя, кивая головой, мол, слушаю и понимаю. А Ева Петровна, брызгая слюной, кричала:

– И это, простите, пишет пионерка первого отряда... Нет, вы только вдумайтесь! Читаю: «Наконец-то в лагере появилась нормальная старшая вожатая, а то Людка с Евой задолбали уже своими маршами».

– Ева – это, значит, я? И что значит «задолбали»? Слово-то какое тюремное! Я требую ее исключения из лагеря! Немедленного исключения!

– Ева Петровна, а вы, выходит, у детей старших отрядов тоже письма читаете?

– А как же, как же, голубушка?! Они сейчас домой всякой чуши понапишут, расхлебывай потом.

– Ева Петровна, а что вы в таком случае делаете с неугодным письмом?

– А вот что!

Ева Петровна с яростью разорвала письмо в клочья и обрывки бросила в урну, стоящую в углу у двери.

– Не было письма, никакого письма не было! Не дошло!

– Ева Петровна!!!

Марина Степановна, еле сдерживая себя, встала и каким-то чужим голосом произнесла:

– Это вас Партия учит, что надо письма чужие читать?

– Если для дела – да! Да вы поймите, моя дорогая! Это ж дети! Они сами не знают, что писать...

– Уважаемая... – начала было Марина. – Нет, не уважаемая Ева Петровна! Я запрещаю вам читать письма детей! И строго прослежу за этим. Иначе...

– А что иначе? Уволите? Так за мной Партия! За мной профком! За мной, если хотите, завод! Вы, Мариночка Степановна, последнее время не тех людей слушаете. И знаем мы, откуда ветер дует...

Ева Петровна схватила пачку детских писем и понеслась к выходу, громко хлопнув дверью. Марина Степановна бросилась вслед за ней, открыла дверь и закричала:

– Ева Петровна! Письма верните!

Когда письма были возвращены, начальник лагеря вернулась за стол. Кинула письма в ящик стола. Резко закрыла его и со всей силы шмякнула ладонью по столу:

– Да как же ты всех задолбала, зараза!

День выдался на редкость жаркий. Казалось, что над асфальтовыми дорожками плавился воздух. Отряды разошлись – кто к бассейну, кто к озеру, кто в тенёчек. А Надежде и Ольге пришлось проверять чистоту и порядок в корпусах, ставить оценки. В такую жару даже разговаривать не хотелось, но молчать все время тоже было как-то не очень...

– Знаешь, Оля, мне так жалко своих ребятишек... Я им будто бы и не мама... Занимаюсь чёрте чем, а ребенок непричесанный бегаёт... Подожди, я вещи грязные Шурочкины соберу.

– Надя, ты мама! Ты очень хорошая мама. И нечего себя винить. Как Женька?
– Вчера опять в пятом часу пришел. И отселить я его не могу! Не хочу, чтобы все знали...
– А где, интересно, эти две стервы? Грязищу развели... Мама дорогая! Дети не заплетены... Одни проблемы с этими девками... Как с цепи сорвались! Акселератки... А Алку эту переть из лагеря надо! – опять взбунтовалась Ольга.

Надежда и Докторица вышли на улицу. У корпуса девчушки прыгали через длинную резинку. Шурочка подбежала к Надежде, прижалась к ней и прошептала:

– Мамочка, я тебя люблю!

– И я тебя очень-очень!

Довольная Шурочка вернулась к подружкам и как ни в чем не бывало запрыгнула в резинку.

– Ну, и чего ты к ней побежала? – ревниво поинтересовалась Галя.

– Дык позвала! – объяснила Шурочка.

– И чего сказала-то? – не отставала Галя.

– Сказала, что я неотразимо выгляжу!

– Дааа? – удивились девочки.

На голове у Шурочки была прическа под названием: «Я упала с самосвала». Хвост ручной работы, перетянутый черной медицинской резинкой.

Галя покачала головой и тихо прошептала:

– Шурочка, отойдем-ка в сторонку!

Девочки зашли за кусты, примыкающие к корпусу.

– Шурочка, я уже давно догадалась, что твоя мама – старшая вожатая! А папа твой – музрук! Жаль, что твоего брата в больницу увезли! У меня для него есть секретная информация...

– Так он уже вернулся! Ему швы наложили и все! Он сейчас на футбольной площадке! На горне упражняется!

Галя быстро отыскала Антона и таинственным шепотом поведала ему все свои соображения по поводу его отца и их воспитательницы, наглой и противной Алки, которая отрастила большую... ну вот такущую..., а красить правильно глаза так и не научилась. Антон с любопытством разглядывал Шурину подружку. Спортивные штаны закатаны до колен. Ноги все исцарапаны. На голове выгоревшая смешная шляпа с темной полоской от бывшей когда-то на ней ленте. Длинный нос и очень много веснушек! Антон с трудом переварил огромную массу новостей, но главное понял:

– Галя! Спасибо тебе за информацию! Я надеюсь, ты Шурочке ничего не сказала?

– Что ты, Антоша, что ты?

– А можно ли на тебя положиться, Галя?

– По-ло-жить-ся? Да-а-а! – неуверенно протянула девочка, и на всякий случай отошла от Антона на три шага.

– Честно?

– Со всей коммунистической силой!

– Галя! Ты ведь завхозихина внучка? Все про всех знаешь, везде ходишь... Хочу я, Галя, доверить тебе одно поручение!

– Антоша, я смогу! А что делать-то?

– Надо последить за вашей вожатой Аллой! И выявить все ее встречи! Явки и пароли! С кем, когда, где... Сдается мне, что засланный она казачок!

– Че-го-о? – не поняла Галя.

– Галя, думай! Думай! А-ме-ри-ка!!! Фри-цы! Шпионаж! Против СССР!

– Да ты что-о? Но я шпионкой быть не хочу!

– Что ты, Галя? Как можно? Не шпионкой – разведчицей!

– А-а-а! Тогда ладно!

– Докладывать будешь мне, – Антон увидел разочарование на Галином лице и продолжил:

– А потом я свяжу тебя с нашими старшими соратниками...

– А Влад Решетников с первого отряда с вами?

– С нами! Где ж ему еще быть? Но ни-ко-му! Чтоб ни-ни! И даже близко к нему не подходи, а то провалишь все явки...

– Клянусь! Ей Богу! Никому! – Галя отдала Антону пионерский салют, хотя сама вовсе не была пионеркой.

Девочка выждала, когда Антошка принялся за разучивание сигнала «тревога», и галопом понеслась к подругам.

– Девочки, девочки! Маша, Марина, Шурочка! Идите ко мне скорей! Я вас в разведчицы принимать буду!

Надежда невольно задержала шаг, проходя мимо танцплощадки. Евгений разучивал с мелюзгой Шурочкиного отряда песню-речевку «Протекала речка». Детям очень нравилась песня про овечку, пели ее весело, но очень громко. Можно сказать орали! Евгений остановил их:

– Ребята, эта песенка – шутка, хитрованка, небывальщина. И петь ее надо задорно, но с хитрецей. А там, где хитрость, там тишина. Поэтому мы ее поем легко и с хитрецей. Послушайте, как я спою, и посмотрите на мое лицо:

Протекала речка, через речку мост,

Там паслась овечка, у овечки хвост!

Да, да, да! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь!

Семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!

Надежда, напевая, быстро зашагала к пионерской:

Да, да, да! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь!

Семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!

Мимо нее гордо прошествовали Елена и Алла. Через несколько шагов Алла остановилась и процедила вслед Наде:

– Ах-ха-ха! Ножки-то, как у козы рожки... А юбочку-то одела... уже не по возрасту... Сама, поди, шила... Аха-ха! Из того, что было!

– Прекрати! – опешила от такой наглости Лена. – Отстань от нее! Мне за тебя стыдно!

– Подумаешь...

Надежда всё слышала. Но что она могла? Набить сопернице морду? Но та сильнее неё, и потом весь лагерь будет обмусоливать эту драку. Сказать ей что-то гадкое, значит, стать базарной бабой, опуститься до этой недалекой Аллочки. Она не повернулась, не ответила сопернице, а быстро пошла вперед. Прочь, прочь отсюда!

Вбежав в медпункт, Надя рухнула на стул. Конечно, у Докторицы было полно народу. Ольга бинтовала ногу Кольче – порезал стеклом. Здесь же у двери мальчика ждали товарищи. Среди них был и Антон, который подавал матери тайные знаки «я здесь, я люблю тебя». Докторица завязала узелок и стала приговаривать странные слова, наклонившись к больной ноге пациента:

– У волка боли! У медведя боли! У лисички боли, а у Коленки – не боли! Все, дружок, до свадьбы заживет! Дуйте в отряд.

Парнишка нехотя встал, поморщился. Но его тут же окружили верные друзья, а Антон подошел к Ольге Григорьевне и поинтересовался:

– А это, тетя Оль, вы что ему сейчас рану заговаривали?

– Ну да!

– Так что, эти все зверушки будут теперь хромать?

– Зачем? Почему хромать?

– Ну, вы же им сейчас Колькину боль передали... А если бы он ходил на четвереньках, как звери, и его рука была бы, как его нога, то есть не рука, а лапа, ну, ихняя-то лапа, а его-то рука... или нога...

– А ну быстро в отряд! Рука, нога, лапа... Я ве-е-едьма-а!

Докторица сделала страшные глаза, из-за линз они стали огромными, и пошла на детей, растопырив руки и покачиваясь в разные стороны. Мальчишки с громким хохотом скатились с крыльца и с криками «Ведьма!» погнались за хромоногим Кольчей.

Ольга помыла под умывальником руки, села напротив Надежды и спросила:

– Ты чего взъерошенная такая? Случилось что?

– Оля, я старая? – ошарашила своим вопросом Надя.

– Сбрендила? А мы с Маринкой по твоему кто тогда? Две задержавшиеся на этом свете долгожительницы?

– Ольга, скажи честно! Моя юбка соответствует моему возрасту? Не слишком короткая?

– Нормальная, модная юбка... Ножки у тебя просто класс! Только в коротких юбках и ходить! Так, мать, что случилось? Внятно объясни!

Надежде так стало себя жалко, что слезы хлынули из глаз. Она давно уже хотела выплакаться, но негде было.

– И юбка дурацкая, и одеть мне нечего, все сваливается, всё велико-о-о! И сама я страшная, морщины на морде и титек у меня нет... А ему нравятся титки и толстые... эти...

– Титки, говоришь? Это серьезно! А хлебные корочки для титек ела?

– Ее-е-ла...

– А капусту свежую? – едва сдерживая смех, перечисляла Докторица.

– И капу-у-усту...

– Да, подруга, зря только продукты перевела!

Ольга Григорьевна решительно встала, налила в мензурку спирта и, разбавив его водой, протянула Наде.

– На-ка, выпей, красавица моя!

Надежда скорчила лицо, отвернулась и оттолкнула мензурку.

– Фуууу!

– пей быстро, кому говорю! – строго прикрикнула на подругу Ольга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.